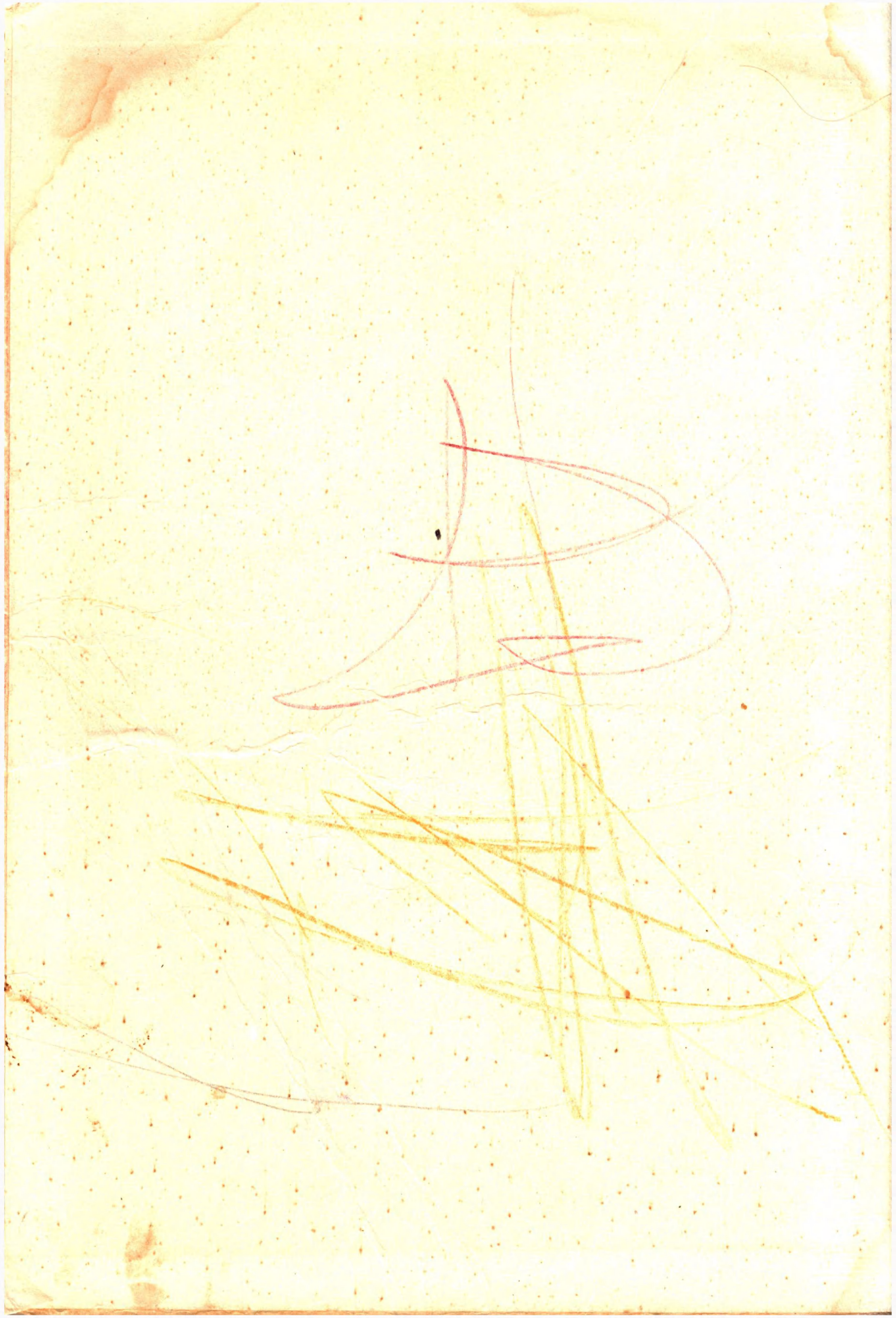
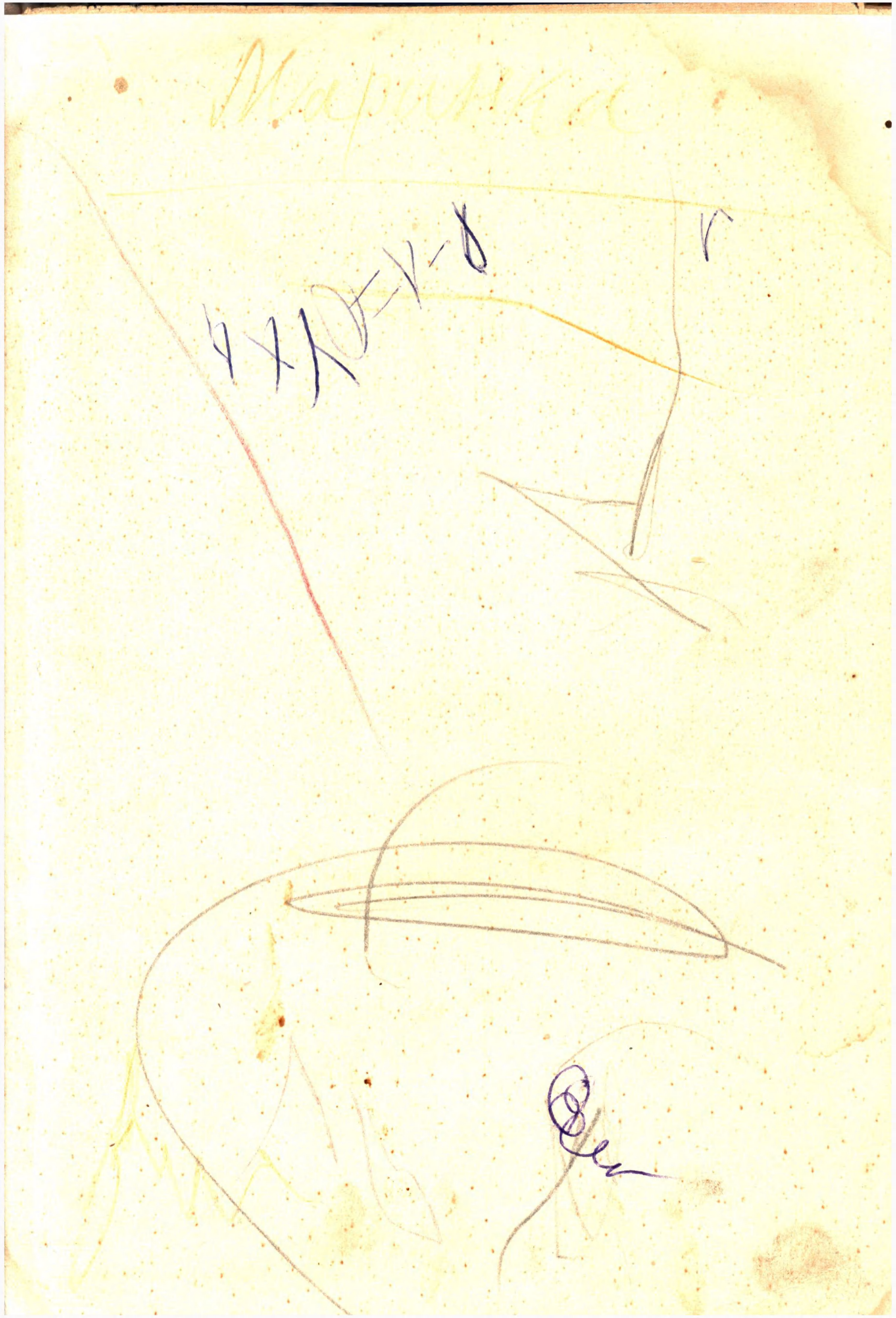
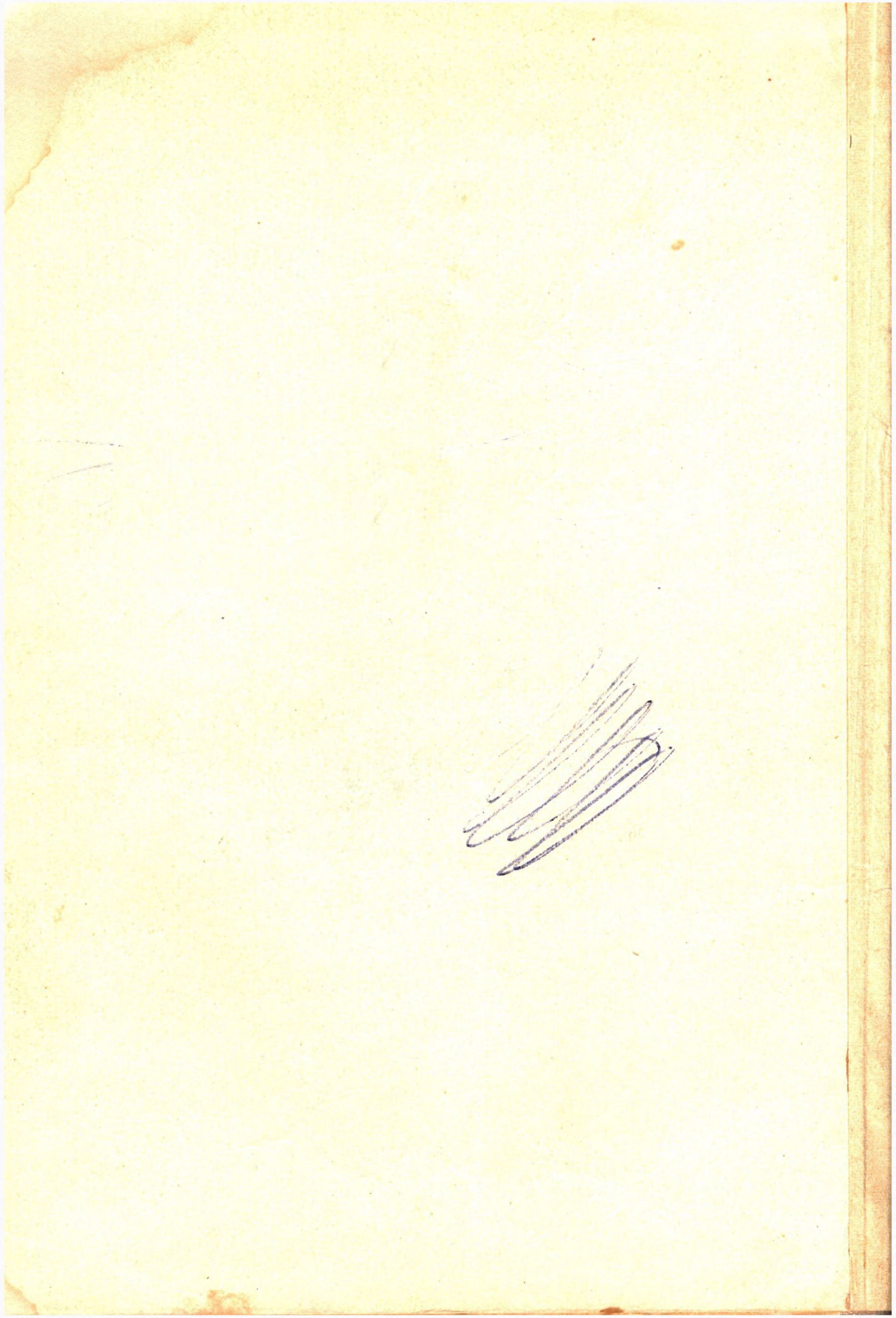

К. КУРБАТОВ
«ЧУТЬ-ЧУТЬ СЧИТАЕТСЯ»
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

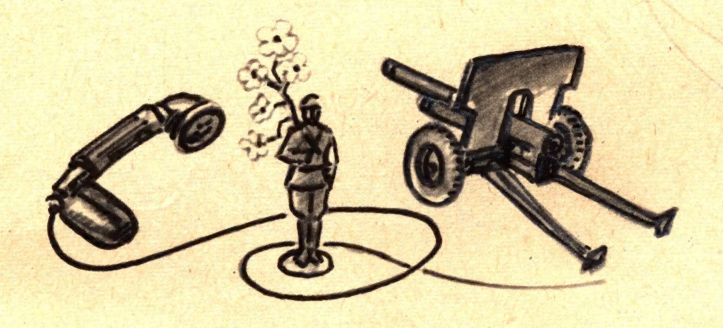

К. КУРБАТОВ

ЧУТЬ-ЧУТЬ СЧИТАЕТСЯ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

ЛЕНИНГРАД „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ 1975

Р2 мл
К 93

**РИСУНКИ
В. ШЕВЧЕНКО**

К 93 $\frac{70802-191}{М101(03)-75}$ 195—75

ЧУТЬ-
ЧУТЬ
СЧИТАЕТСЯ
ПОВЕСТЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПОЧЕМУ УХОДЯТ ПАРОХОДЫ

Глава первая
СОРВАННАЯ ДИКТОВКА

Диктовку Светлана Сергеевна намечала провести на втором уроке. Об этом четвёртый «б» знал ещё с понедельника. Сегодня была суббота. А в субботу по расписанию первый урок — математика, второй — русский. И на русском Светлана Сергеевна как раз и намечала провести эту самую диктовку.

Однако никакой диктовки на втором уроке у неё не получилось. Когда Светлана Сергеевна вошла в класс, она сначала даже и не нашлась, что сказать. Весь четвёртый «б» старательно жевал. И жевали мальчики и девочки вовсе не пирожки и яблоки. Мальчики и девочки жевали то, что завуч Иван Игоревич строго-настрого запретил вообще приносить в школу.

— Да что же мне с вами за мучение такое! — в сердцах

кинула на стол книги Светлана Сергеевна. — Опять жевательная резинка! Неужели на вас и вправду, как утверждает Иван Игоревич, действуют только наказания, а слов вы не понимаете? Как же, интересно, Иван Игоревич ко всему этому отнесётся? Или вы надеетесь, что я снова буду покрывать вас?

Честно говоря, четвёртый «б» именно на это и надеялся. А Светлана Сергеевна вместо диктовки в какой уже раз стала втолковывать ребятам, как это некрасиво и гадко — жевать резинку. Особенно в школе. Да ещё на уроке. И втолковав всё это, она потребовала, чтобы ребята немедленно прекратили чавкать и выплюнули эту «гадость».

Но никто, конечно, всё равно ничего не выплюнул. Хотя жевать, правда, стали не так заметно. Большинство сделало вид, будто вообще ничего не жуют, а сидят просто так.

Светлане Сергеевне хорошо было говорить «прекратите» да «выплюньте». А как тут выплюнешь, если за эту самую «гадость» ребята отдали на переменке шестикласснику Васе Пчёлкину почти всё, что у них при себе оказалось, — почти все свои марки, значки и открытки.

Нахальный шестиклассник Вася Пчёлкин неимоверно обжуливал учеников четвёртого «б» класса. Жевательную резинку он выменивал на значки у иностранцев, а после сдирал с малышей в несколько раз больше тех же самых значков и других ценных вещей.

Почти половину урока Светлана Сергеевна втолковывала ребятам, как они себя безобразно ведут и тем самым её подводят. В голосе учительницы звучали такие же нотки, как и у Ивана Игоревича, которого за ужасную строгость вся школа звала не иначе как Иваном Грозным.

— Считайте, что вы мне коллективно сорвали диктовку, — холодно заключила Светлана Сергеевна. — Но, как вы понимаете, провести её я всё равно обязана. Что же мне теперь прикажете делать? На пятый урок вас оставить?

Угроза учительницы больше всех в классе испугала Витю Корнева. Конечно, и другим тоже было не очень-то приятно услышать про пятый урок. Но Витя прямо страшно испугался. Он так испугался, что от неожиданности дёрнулся и проглотил недожёванную резинку. От резинки там, правда, осталась уже самая капелюшечка. Но всё-таки.

И, проглотив резинку, Витя по-гусиному вытянул шею, замер и даже перестал хлопать глазами. Витя испуганно уставился на учительницу. Испуганно и выжидающе.

Обстоятельства у Вити сложились таким образом, что сегодня он ни в коем случае не имел права опоздать домой. Сразу после четвёртого урока он обязан был предстать перед папой. Хоть тут что!

Сегодня утром папа сказал за завтраком:

— Послушай, Вить, ты не смог бы после школы немножечко помочь мне с «москвичом»?

— Чего ты пристал к ребёнку? — сразу вступилась за Витю мама. — Чем он тебе может помочь с твоим «москвичом»?

— Галка, — вздохнул папа, — ну что ты всегда... У нас свой мужской разговор, и мы как-нибудь разберёмся сами.

Папа вот уже третью неделю готовил к техническому осмотру «москвич». Нужных запасных частей в магазине не продавалось. А наружный подшипник переднего правого колеса сломался, или, как говорят автомобилисты, полетел. И папа никак не мог достать новый подшипник. Без подшипника никуда не уедешь. Да и кроме подшипника дел с «москвичом» хватало. Автомобиль — это не человек, он старится в сто раз быстрее, чем люди. Папа с мамой купили «москвич», когда Вите исполнился всего год. Витя ещё совсем молодой и крепкий, а «москвич» уже давно проржавевшая старая развалюха.

— Я, Вить, — сказал папа, — хочу ещё раз съездить в магазин. Авось да появятся подшипники, будь они неладны. Но машину-то я с утра около дома разберу. Чтобы не собирать всё заново, не сворачиваться, посидишь часик, покуда я езжу? Ладно?

— Ясно, посижу! — обрадовался Витя. — Я ещё и ремонтировать тебе буду помогать. Я — сразу после четвёртого урока. Ты жди. Я сразу! Я раз сказал, значит — во!

— Хорошо бы, если во, — с сомнением качнул головой папа, намекая, что Витя никогда не приходит вовремя из школы. — А про пароходы ты не забыл?

— Да я!.. — воскликнул Витя. — Чего уж ты теперь думаешь!

Про пароходы папа вспомнил вот почему. Когда в этом году на Волге открылась навигация, папа купил на работе

билеты в цирк. Цирк выступал в соседнем городе, куда нужно было добираться на скоростном теплоходе «ракета». «Ракета» уходила в двенадцать часов. Представление в цирке начиналось в два. Витя в то воскресенье собрался с самого раннего утра. Он и маму извёл, и папу. Не знал, куда себя деть и чем заняться. Решил сбегать к другу Феде Прохорову. Побежал и заигрался там в солдатики. Да ещё, как обычно, спор у них с Федей получился. У них никогда не обходилось без споров — чей солдатик убит, чей не убит... И в результате Витя с папой на теплоход опоздали. Они прибежали на пристань, когда «ракета» уже отвалила от стенки. Правда, она была ещё совсем рядом, рукой подать. Казалось даже, что и прыгнуть можно. Но папа, конечно, не разрешил Вите прыгать.

Билеты в цирк папа скомкал и бросил с причала в воду. Специально, наверное, бросил на глазах у Вити. И Витя, хотя и крепился изо всех сил, не выдержал и заревел.

— Ведь на одну минутку всего опоздали, — всхлипывал он. — Даже, может, на полминутки.

— А пароходу всё равно, — сказал папа. — Ему что ты на полминутки опоздал, что на час — он знай себе ходит по расписанию. В жизни, Витенька, есть вещи, где ошибаться нельзя даже на крошечку.

— Так я же не нарочно у Феди засиделся, — шмыгнул носом Витя.

— А ты разве знаешь людей, которые ошибаются нарочно? — удивился папа.

Вот по какой причине папа напомнил сегодня утром про пароходы.

И вот почему Вите сегодня совершенно нельзя было задерживаться после четвёртого урока. Ведь папа там разберёт возле дома «москвич» и будет сидеть, дожидаться сына. Того самого сына, который обещал, что сразу после четвёртого урока — во!

А тем временем Светлана Сергеевна смотрела прямо на застывшего Витю Корнева, проглотившего с перепугу недожёванную резинку, и говорила:

— Так что же мне с вами, с такими совершенно несознательными, делать? Очень мне не хочется оставлять вас в субботу на пятый урок. Но, с другой стороны, какой у меня ещё есть выход?

Глава вторая

ХРАНИТЕЛИ СОКРОВИЩ

Безвыходных положений в жизни не бывает. Поэтому Светлана Сергеевна тоже быстренько нашла выход из положения: она решила устроить диктовку на четвёртом уроке, вместо урока труда. И у Вити Корнева сразу отлегло от сердца. Теперь-то он больше не боялся, что подведёт папу. Теперь всё зависело только от него самого, от Вити.

Впрочем, немножечко Витя всё равно волновался. Потому что до дому нужно было ещё добраться. А это не всегда бывало так просто, как может кому-нибудь показаться.

Обычно от дома до школы Витя добегал за пять минут. Здесь ведь рядом. А на обратный путь у него уходило то час, а то и целых два. И получалось так вовсе не потому, что в школу Витя бежал с горы, а из школы поднимался в гору. Тут была совсем другая причина, куда более важная.

Витя Корнев жил на горе, которая называлась «Возне-

сенье». На седьмом этаже высотного точечного дома. Рядом с телевизионной башней.

В школу с горы Витя чаще всего бежал один. Торопился. Попробуй опоздать к первому звонку! Живенько очутишься перед завучем Иваном Игоревичем, в кабинете у которого висит картина «Иван Грозный и сын его Иван».

— Знаешь, за что Иван Грозный убил своего сына? — ласково спросит завуч.— Так что, родимый, следующий раз имей в виду на всякий случай.

Дома у Вити таких вещей не спрашивают. Поэтому обычно из школы Витя не торопится. Из школы Витя возвращается вместе с Федей Прохоровым и Любой Агафоновой. Люба живёт с Витей в одном доме. А Федя — не доходя до них, в Дегтярном переулке, где на углу стоит чугунная водоразборная колонка.

В покосившемся бревенчатом Федином доме, что приткнулся на крутом спуске к Волге, у ребят устроено особое секретное хранилище. Хранилище у них в комнатке-чуланчике с маленьким оконцем в сад. Прямо перед окном растёт старая вишня, которая загораживает свет. В ребячьей каморке от неё всегда полумрак, даже в самый солнечный день. Ребята хранят здесь свои сокровища. В их распоряжении своя собственная отдельная комнатка, в которую Федины родители почти никогда и не заглядывают. Феде особенно повезло с мамой. Не то что Вите и Любе.

У Вити, например, мама прямо необыкновенно какая чистоплотная.

— Я вам не позволю, — постоянно ворчит она на Витю с папой, — устраивать из квартиры хлев.

У Корневых в квартире — точно в музее. Все, кто приходят к ним в гости, надевают мягкие тапочки. Гости ходят в мягких войлочных тапочках по квартире и расхваливают покрытые польским лаком полы, финскую мебель и чешский хрусталь.

И Любина мама тоже достаточно чистоплотная, терпеть не может, когда мусорят.

В доме у Прохоровых всегда полно всяких родственников, друзей и знакомых. Всё время кто-то уезжает и кто-то приезжает, кто-то уходит и кто-то приходит. Двери, как говорится, не закрываются ни на минуту. И всё-таки, несмотря на это, каморка Феди и его друзей всегда в полной неприкосновенности.

Люба приносит в каморку конфетные фантики, разноцветные камушки, разных старых и покалеченных кукол и мишек. Витя с Федей приносят разумеется, более солидные вещи, в основном, металлические. И ещё у ребят есть пластмассовые солдатики и настоящий военный полевой походный телефон. Телефон каким-то чудом сохранился ещё с войны. Зелёная краска на его деревянной коробке облупилась. Трубка, что лежит под крышкой, вся в мелких царапинках. А сбоку у ящичка — ручка. Когда ребята играют в войну, они по очереди крутят ручку и отдают в трубку приказы своим войскам.

Работает телефон или нет, друзья не знают. Для этого нужно иметь другой такой же аппарат. Но где его возьмёшь! А на все приставания Васи Пчёлкина, который давно предлагает за телефон пятнадцать и даже двадцать долек жевательной резинки, ребята, ясное дело, отвечают решительным отказом. Витя, Федя и Люба не согласятся на такой глупый обмен, дай им за телефон хоть тысячу штук самой наивкуснейшей жевательной резинки.

Вот какое у ребят есть своё собственное особое секретное хранилище. И вот почему Витя добегает от дома до школы за пять минут, а от школы до дому ему порой не добраться и за два часа.

Но сегодня-то Витя твёрдо знал, что промчится мимо Дегтярного переулка и водоразборной колонки со скоростью реактивного самолёта. И ни Федя, ни Люба не уговорят его заглянуть в каморку даже на полсекундочки. Витя знает, почему уходят пароходы. Витя Корнев, не смотри, что ему одиннадцать лет, если уж сказал, то сказал. Витя Корнев не какой-нибудь болтун. Витя Корнев — человек слова.

Глава третья

ОХОТНИК — КАК: „О“ ИЛИ „А“?

Ну уж эта жевательная резинка! Из-за неё вот приходится в субботу писать на четвёртом уроке диктант. На улице весна. Солнце вовсю светит. Воробьи надрываются. А ты пиши.

— «Посмотрел охотник в сторону, — медленно диктует Светлана Сергеевна, — и замер».

Учительница ходит по классу, заглядывает в ребячьи тетрадки и медленно, с ударениями диктует. На учительском столе, в баночке из-под майонеза, букетик подснежников. В ушах учительницы подрагивают крупные, вишневого цвета клипсы. А вокруг скрипят перья да сопят носы.

Откуда у Светланы Сергеевны букетик в баночке с водой, догадывается весь класс. Это или грозный завуч потихонечку принёс, или шеф дядя Андрюша. Но если — дядя Андрюша, то он, конечно, не потихонечку. Дядя Андрюша не то что Иван Грозный.

— «Посмотрел охотник в сторону, — диктует в тишине Светлана Сергеевна, — и замер».

Витя Корнев скосил глаза и посмотрел в сторону. В тетрадку к Феде Прохорову. У Феди «всторону» было написано вместе. Витя взял и написал «всторону», как у Феди.

Хотя ему вообще-то показалось, что «в сторону» лучше написать отдельно.

Сзади Вити раздалось шипение, и его ткнули чем-то острым в спину.

— Охотник — как: «о» или «а»? — прошипело у Вити сзади.

— Агафонова! — строго произнесла Светлана Сергеевна. — Что это ещё такое! Думай, пожалуйста, собственной головой, Агафонова.

Ух, тяжело на четвёртом уроке, весной, да ещё в субботу писать диктовку. Ошибок, наверное! И ведь почему? Только потому, что Ивану Грозному вдруг возненавиделась жевательная резинка. И теперь выходит, будто её делают специально для того, чтобы выплёвывать. Жевать её, видите ли, в школе неприлично. А выплёвывать её в школе, да ещё прямо на уроке, вполне прилично.

Вполне понятно, что, если бы не Иван Грозный, Светлана Сергеевна никогда бы ничего такого и не сказала ребятам. Всё из-за него! И диктовку бы Светлана Сергеевна спокойненько провела на втором уроке. Она сама недавно закончила институт и была не прочь пожевать резинку. Это же по лицу видно, что не прочь. А из-за Ивана Грозного вон что вышло.

Глава четвёртая

ВОПРОСЫ ПО МЕТОДИКЕ

— «Посмотрел охотник в сторону, — медленно диктует Светлана Сергеевна, — и замер». Написали? Точка. Пишем дальше. Внимательно пишем. «Охотник увидел на лужайке. . .»

Кого охотник увидел на лужайке, Светлана Сергеевна продиктовать не успела. Дверь неожиданно распахнулась — и в класс вошёл грозный завуч Иван Игоревич.

Класс встал.

— У вас, Светлана Сергеевна, диктовка? — удивился завуч. — Почему на последнем уроке диктовка? Или что-нибудь случилось? Впрочем, ладно, разберёмся после.

Меня, Светлана Сергеевна, вызывают в гороно. Боялся, вернувшись, уже не застать вас. Я вот тут набросал вопросы по методике. Прошу вас основательно их продумать и не подвести меня. И пожалуйста, никаких объективных причин.

На учительский стол твёрдо легла маленькая синяя бумажка. Сверху завуч быстро прикрыл её классным журналом. Весь класс стоял. И большинство ребят успели заметить, что бумажка была совсем маленькая и синяя. Разве на таких бумажках пишут вопросы по методике?

— Но ведь, Иван Игоревич, я... — совсем не по-учительски пробормотала Светлана Сергеевна. — Ведь мы...

Она растерянно посмотрела на застывший класс. Щёки у Светланы полыхали красным цветом. И уши тоже. Даже клипсы-вишенки в ушах будто сделались ярче.

Дверь за Иваном Игоревичем закрылась решительно и плотно. Иван Грозный не терпел, когда с ним не соглашались. Это в равной мере относилось как к ученикам, так и к учителям.

Четвёртый «б» как поднялся с приходом завуча, так и продолжал молча стоять. И ребята молча смотрели кто на классный журнал, под которым лежала таинственная синяя бумажка, кто на закрывшуюся дверь, кто на учительницу.

— Садитесь, — сказала наконец Светлана Сергеевна, взяв себя в руки. — Урок продолжается. Пишем дальше. — И, заглянув в книгу, она продиктовала уже другим, своим прежним учительским голосом: — «Охотник поднял ружьё, но стрелять передумал. Охотник... поднял... ружьё...»

Над тетрадями нависли перья. Но по классу тут же зашелестел шепоток. Он возник по двум причинам. Во-первых, от парты к парте понеслось экстренное сообщение:

— Это Иван Грозный про методику специально для нас сказал. А сам принёс Светлане билеты на концерт, на москвичей, на сегодня. Билетов давно нету, а он ей всё равно достал. Вот.

Во-вторых, Светлана Сергеевна, разволновавшись, перескочила, наверное, через строчку в книжке с диктантами. И поэтому осталось неясным, кто же всё-таки сидел на лужайке. Ещё не написали, кто сидел на лужайке, а охотник уже поднял ружьё. Кто же там сидел-то: волк, медведь или бегемот?

— Можно вопрос? — вскинула руку Люба Агафонова. — У меня вопрос! Можно?

— Да, — сказала Светлана Сергеевна. — Что ты хочешь спросить, Агафонова?

— А по методике, — вскочила Люба, — это значит, как нас лучше учить, да?

От такого неожиданного вопроса Светлана Сергеевна вспыхнула ещё сильнее, чем когда Иван Грозный положил ей под журнал синюю бумажку. Светлана Сергеевна хотела строго осадить Любу, да не успела. С задней парты раздался звонкий девчоночий голос:

— Вам теперь Иван Игоревич будет всё время приносить вопросы по методике?

И из другого угла ещё звонче:

— А дядя Андрюша вам будет приносить вопросы или не будет?

Шум-гам в классе поднялся — страх! Нужно диктовку продолжать писать, а от гама даже стёкла в окнах вызванивают.

Конечно, так вести себя с учительницей, да ещё на уроке, не позволено никому. Только ребята из четвёртого «б»

удивительно чутко улавливали, где взрослые поступают не так. Почему завуч принёс билеты на концерт, а сам сказал — вопросы по методике? Зачем? Ученики не понимали завуча и боялись его. А свою Светлану они любили и хотели, чтобы у неё всё сложилось хорошо. Но как у неё могло сложиться хорошо, если ей больше нравился Иван Грозный, чем такой замечательный человек, как дядя Андрюша? Это же все видели — как она относится к механику из авторемонтных мастерских дяде Андрюше и как к Ивану Грозному. Вот поэтому-то Светлане Сергеевне и задавали такие вопросы. Нарочно. Чтобы она задумалась.

Сквозь шум и грохот, который возник в классе, робко пробивался вопрос и про то, кто же всё-таки сидел на лужайке. Но разве в таком гаме что-нибудь разберёшь? И плюс ко всему Светлана Сергеевна попросту растерялась. Она была ещё молодой учительницей и порой совершенно не знала, как поступить, когда ехидный четвёртый «б» задавал ей вопросы, не имеющие никакого отношения к уроку.

Глава пятая

В ЛОБ ПО ЗАТЫЛКУ

Оказалось, на лужайке сидел не медведь, не волк и не бегемот. На лужайке сидел обыкновенный заяц. Охотник поднял ружьё, но стрелять в зайца передумал. Он был хорошим человеком и решил не убивать косого.

Приход в класс завуча и возникший затем гам привели к тому, что диктовку ребята дописывали уже после звонка. Глупые ребячьи вопросы совершенно испортили Светлане Сергеевне настроение. Собрав тетради, она ушла из класса со строго поджатыми губами.

Класс задержался после звонка всего на две-три минуты, но Витя Корнев всё равно сразу очень разволновался. Любе-то с Федей хорошо, они ничего и не знали про пароходы. Вернее, про то, почему пароходы уходят. И ещё Витя разволновался потому, что две-три минуты — тоже время. С двух-трёх минуток всегда всё и начинается. Забежишь к

Феде на две минутки, оглянешься — час прошёл. У Вити так тысячу раз случалось.

— Мне сегодня прямо совершенно некогда, — суматошно проговорил Витя, не глядя на Федю Прохорова. — Мы, понимаешь, с папой машину к техническому осмотру готовим. И у нас подшипник полетел. И не достать нигде. Мне сегодня прямо ужасно некогда. Я — сразу домой.

Учебники у Вити в портфель не запихивались. Витя их еле запихнул. С помощью коленки. И с трудом защёлкнул замок. Книг откуда-то понабралось! Да ещё спешил очень. А когда спешишь, всегда ничего не получается.

— Куда у вас, Корнев, подшипник полетел? — подскочила Люба Агафонова. — Ой, как интересно! Куда?

Витя как раз с пыхтением работал коленкой.

— Страшно ты прямо глупая какая-то, Агафончик, — пропыхтел Витя. — Полезла к Светлане со своими глупыми вопросами. Из-за тебя задержались вот. А я домой страшно тороплюсь. Я без вас сегодня побегу. Полетел — значит сломался. В технике нужно кумекать. Тютя.

— Ай-яй-яй, — сочувственно закачала головой Люба. — Сломался! Совсем-совсем сломался? И из него все шарики повыкатились?

Оказывается, Люба тоже немного разбиралась в технике: даже знала, что в подшипнике бывают шарики.

— Ясно, повыкатились, — со всей серьёзностью подтвердил Витя, не подозревая подвоха.

— То-то я смотрю... пхи-и, — весело фыркнула Люба, — у тебя, Корнев, шариков в голове не хватает. Пхи-и!

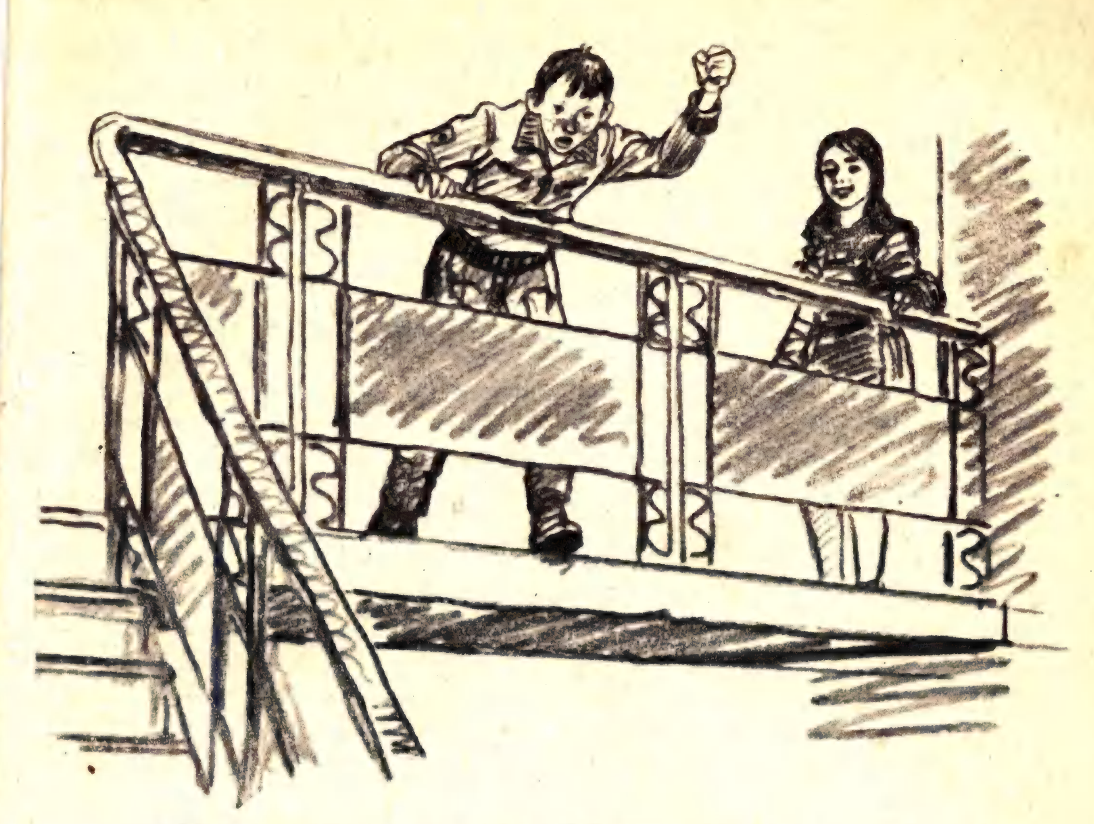
Она смеялась, словно чихала. Тоненьким голоском.

Витя обиделся. Он сдвинул брови, как всё равно Иван Грозный, и сказал:

— Жаль, мне сейчас некогда. А то бы ты у меня, Агафончик, прямо живенько получила.

— Да ну? — снова пхикнула Люба. — Неужели прямо живенько? А мне больше нравится не прямо, а криво. — И без всякого перехода она тут же выпалила: — А правда, мальчики, дяденька Андрюшенька лучше, чем Иван Грозный? Правда, лучше?

У Любы Агафоновой была странная привычка — спрашивать про то, что всем ясно и без её вопросов. Ведь отлично знала, как Витя с Федей относились к дяде Андрюше и как — к Ивану Грозному. Знала и всё равно спрашивала.

— Нет, правда, дяденька Андрюшенька лучше? — не унималась она. — Правда? И Иван Грозный Светлане вовсе не вопросы по методике принёс, а билеты на москвичей. Правда?

— А у тебя, Агафончик, две дырки в носу! Правда? — крикнул Витя и, волоча за собой тяжёлый портфель, выскочил в коридор.

Вниз по лестнице Витя скатился в одно мгновение. Тра-та-та! Скорее домой! Он протарахтел по лестнице с такой космической скоростью, что чуть не сшиб на площадке шестиклассника Васю Пчёлкина. Нагрузившийся чужими значками и марками, шестиклассник Вася Пчёлкин беседовал на лестнице с какой-то девочкой.

— Ну, мелочь пузатая! — возмутился Вася. — Как двину сейчас в лоб по затылку, так и ухи отвалятся!

В лоб по затылку? Во даёт! На бегу Витя даже и не успел сообразить, что на такое можно ответить. Да и где тут было соображать, когда Витя ужаснейшим образом торопился.

Глава шестая

ДВА ЛИШНИХ БИЛЕТИКА

В вестибюле раздевалки было уже почти пустынно. Обычная сразу после звонка сутолока схлынула. Через распахнутые двери с улицы несло тёплыми запахами весны, И от этих солнечных запахов вестибюль с его цементным полом казался особенно холодным и неуютным.

А как раз напротив двери, там, где ещё утром висело расписание уроков, стучал молотком дядя Андрюша. Он приколачивал к стене вместо расписания уроков какую-то большую, раскрашенную под мрамор доску с красиво написанными на ней фамилиями.

Что такое дядя Андрюша приколачивает к стене, Витя на бегу не разобрал. Пришлось затормозить и подойти ближе. Тут скатились с лестницы и Агафончик с Федей Прохоровым. Застыли рядом.

На большой доске золотом были выведены фамилии и инициалы. А сверху — надпись: «Они учились в нашей школе и отдали свою жизнь за победу в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». И фамилии, фамилии... Очень много фамилий.

— Да-а, — вздохнул дядя Андрюша. — И ещё не всех разыскали. Нужно — всех. Чтобы им школьники каждый день салют отдавали. И чтобы почётный караул по праздникам. Теперь вот ещё первых пионеров разыщем. Поможете?

Люба Агафонова толкнула локтем Федю Прохорова и подняла руку в пионерском салюте. Федя не сразу сообразил, что к чему. До него иногда доходило туго. Он поднял руку ко лбу уже после Вити.

— Правильно, ребята, — сказал дядя Андрюша. — Молодцы.

Он тоже поднял ко лбу ладонь.

Постояли молча. Вчетвером.

И Вите, раз такое дело, было теперь неудобно взять и просто так вдруг сразу удрать домой. Как тут удерёшь? Дядя Андрюша уже и руку опустил, а Витя всё стоял. Хотя внутри Витю колотила нетерпеливая дрожь и мысленно он во всю прыть мчался к своему дому в гору.

— Что так долго урок-то? — улыбнулся дядя Андрюша.

— Диктовку писали, — сказала Люба. — И Светлана Сергеевна обиделась на нас. Особенно — на меня.

— За что? — спросил дядя Андрюша.

Может, он вовсе и не улыбался. Но всё равно казалось, словно он постоянно улыбается. Такое у него было лицо — широкое и доброе, улыбчатое.

Вите бы давным-давно сидеть вместо папы у «москвича», но он почему-то всё стоял и смотрел на красиво раскрашенную под мрамор доску.

— А у Вити Корнева, — неожиданно выпалила Люба, — неприятность получилась. У него, понимаете, подшипник полетел. Ну, значит, сломался. У него с папой «москвич» — и совершенно полетел подшипник. Просто беда. Где его достанешь, подшипник. А из их подшипника все шарики разлетелись.

— Агафончик, — насупился Витя, — ты всё-таки получишь сегодня. Прямо сама выпрашиваешь. Какое тебе дело до нашего «москвича»?

— Ой! — радостно воскликнула Люба. — Во интересно! У Корневых «москвич» — и концерт москвичей сегодня. Пхи-и! Правда, интересно? Нет, правда? А к нам ещё на

диктовку Иван Игоревич заходил и принёс Светлане Сергеевне...

Тут Федя сердито ткнул Любу под бок локтем. В ответ Люба тоже как следует ткнула Федю и со знанием дела закончила:

— ...вопросы по методике.

— Что — вопросы по методике? — не понял дядя Андрюша.

— Ну.. Иван Игоревич ей принёс, — пояснила Люба. Она на секунду споткнулась и восторженно распахнула глаза: — Ой, дяденька Андрюшенька, чего я вспомнила! У нас дома как раз два лишних билетика на москвичей. Хотите, я принесу? И вы пойдёте сегодня вместе со Светланой Сергеевной. Чтобы её больше никто не приглашал. Один билетик мы вам отдадим, другой Светлане Сергеевне. Чтобы она на меня не сердилась... за мои глупые вопросы. Хотите? Мы быстренько.

Дядя Андрюша ещё и не успел ответить, как в голове у Любы возникла ещё одна интересная мысль.

— А вы, дяденька Андрюшенька, — захлёбываясь, выпалила Люба, — не смогли бы Вите подшипник для «москвича» достать? А? Не смогли бы?

И от пришедших ей в голову этих двух счастливых мыслей — и про билеты, и про подшипник — Люба стала даже нетерпеливо пританцовывать. Мысли у Любы вообще обычно прыгали не поймёшь как. Точно кузнечики на лугу, в разные стороны, куда придётся. Но иногда они припрыгивали и туда, куда нужно.

— Какой у вас, Корнев, «москвич»? — спросил дядя Андрюша.

— Четыреста седьмой, — буркнул Витя.

— А подшипник наружный или внутренний?

— Наружный.

— Есть у меня дома такой, — улыбнулся дядя Андрюша. — Считай, повезло вам. У меня, правда, четыреста первый «москвич», но передок я ему поставил от четыреста седьмого. Через полчаса буду здесь с подшипником. Устраивает? А у тебя там, Люба, не получится дома осложнений с этими самыми билетами?

— Да какие ещё осложнения? — замахала ладошкой Люба. — Всё равно ведь пропадут билеты. Всегда пропадают.

Ну, всё! Тут бы Вите в самый теперь раз и мчаться наконец поскорее домой. С радостным известием. Про подшипник! В самый раз. Но Витя почему-то снова никуда не помчался. Опять получалось, что вроде бы неудобно после такого хорошего разговора и обещанного подшипника сразу ни с того ни с сего удирать домой.

Витя степенно вышел вместе с Любой и Федей на улицу, прищурился от яркого солнца.

За деревянным заборчиком школьного палисадника дядя Андрюша вскочил в подошедший автобус.

Люба хитро прикрыла левый глаз, нагнула голову к плечу и сказала:

— Вот теперь получится по-честному. С кем Светлана захочет, с тем и пойдёт на концерт. Пусть сама выбирает. А то Иван Грозный больно хитренький. Правда, мальчики, больно хитренький?

— Правда, правда, — сказал Витя. — Бежимте давайте скорее домой. Меня ведь там папа совершенно заждался. Я ему только скажу про подшипник, портфель оставлю и сразу — обратно. Вот папа обрадуется, когда узнает про подшипник! Папе теперь даже и ни к чему в магазин ехать.

— А если тебе, Агафонова, родители не отдадут билеты? — поинтересовался Федя. — Что тогда? Вдруг они сами решат идти?

— Ну, мальчики! — удивлённо постучала себе пальцем в лоб Люба. — Неужели вы ничего не сообразили? Да нету у нас дома никаких билетов. Я нарочно про них придумала, чтобы всё получилось по-честному. Вы же сами говорили, что это не по-честному, когда один Светлану приглашает, а другой не приглашает.

— Чего-о? — оторопел Витя. — Кто говорил? Как... нету? Да ты что? Издеваешься?

В воздух взлетел пузатый портфель, готовый опуститься на Любину голову. Но Федя, как всегда, оказался рыцарем. Он прикрыл Любу и сказал:

— Есть у неё, есть. Пошутила она.

— Пхи-и! — фыркнула за Фединой спиной Люба. — Да правда, мальчики, нету. Честное пионерское. Но я почему так сказала дяденьке Андрюшеньке? Потому что пока он ездит за подшипником, мы сейчас сбегаем в театр и купим два билетика. Вот увидите, как мы их живенько купим.

— Уй, Агафончик! — взвыл Витя. — Чего же ты со мной

совершила?! Как я теперь папе на глаза покажусь? Билеты! Где ты сейчас достанешь билеты? Их уже месяц назад распродали.

— Достану, — заверила Люба. — Я знаю, как их доставать. Пошли в Старый театр, и увидите.

Витя взорвался. У него даже слёзы на глазах выступили.

— Никуда я не пойду! — заорал он. — Я же папе обещал сразу после четвёртого урока. Слово давал! А теперь? Ты знаешь, почему уходят пароходы?

— Псих ненормальный, — сказала Люба. — А почему у парохода дым из трубы идёт, ты знаешь? Потому же по самому. Подшипник не мне нужен и не Феде. Получается, мы с Федей пойдём для тебя билеты доставать, а ты домой побежишь. Потому что у тебя пароходы на уме. И шарики за ролики заскочили. Так, что ли?

Поддать бы Любе как следует за ненормального психа, за шарики, за ролики и за пароходы. Но ведь с другой стороны, подшипник-то действительно нужен не Любе с Федей. Вот положеньице! Чего тут Вите оставалось делать? Ничего ему не оставалось. Он только и сказал со вздохом:

— Ладно, Агафончик. Но не достанешь билетов, смотри...

— Куда смотреть? — поинтересовалась Люба.

— Вот сюда, — показал ей кулак Витя. — Как тресну в лоб по затылку, так и ухи отвалятся.

— Нужно говорить не «ухи», а «уши», — серьёзно поправила Люба.

А Федя Прохоров похлопал глазами и спросил:

— В лоб по затылку? Как это можно — сразу и в лоб, и по затылку?

Глава седьмая

МИЛАЯ ТЁТЕНЬКА!

Город, где жили ребята, строили ещё купцы. В центре города стояли похожие на крепостные стены белые гостиные дворы. На просторной площади, над самым красивым из старинных зданий взметнулась в небо, словно маяк, пожарная, с белыми колоннами, каланча.

Старый театр, где давали концерт москвичи, строили тоже купцы. От школы это недалеко. Через площадь, мимо «пожарки» и прямиком через сквер с круглой чашей фонтана.

У входа в театр висела цветная афиша: поющая женщина с обнажённым плечом. Сзади женщины расплывчато виднелись гитарист и трубач. Внизу от руки чернильная приписка: «Только один день».

Рядом с афишей — на деревянных столбиках — доска-стенд с надписью крупными накладными буквами: «Они мешают нам жить». Сюда помещали фотографии разных городских пьяниц и хулиганов.

— Погодите, мальчики, — сказала Люба. — А сколько у нас денег? Про деньги-то мы и не подумали. Может, нам и не на что билеты покупать.

— У меня... семь копеек есть, — полез в карман Витя.

— Семь, — хмыкнула Люба. И с гордостью объяви-

ла: — А у меня целых три рубля. Даже ещё с копеечками. Ещё двадцать четыре копеечки у меня. А у тебя, Прохоров?

Федя Прохоров задумался. Посмотрел на афишу с чернильной припиской, пошевелил толстыми губами. Наконец пробурчал:

— Откуда у меня деньги-то? Нету у меня ничего.

— Пхи-и! — фыркнула Люба. — Так чего же ты, Прохоров, раздумывал столько? Ну, Прохоров! Ладно, мальчики, мы, может, и тремя рублями обойдёмся. Попросим билеты, которые подешевле. Значит, так: ты, Витя, скажешь папе, что заплатил дяденьке Андрюшеньке за подшипник два рубля. Двух хватит, правда? Скажешь, взял у меня в долг и заплатил. Хорошо? А потом мне вернёшь. Чтобы всё было по-честному. Правда, так будет по-честному?

В мрачноватом и прохладном вестибюле театра висели старинные фонари. Высокие и узкие, как бойницы, окна с решётками пропускали мало света. Ребячьи шаги по выщербленным известковым плитам гулко отдавались в пустом сводчатом помещении.

К окошку кассы с полукруглым вырезом в стекле над деревянной полочкой подошли робко. Люба впереди, мальчики — за ней. Привстав на цыпочки, положили подбородки на полочку.

За стеклом на фоне театральных афиш сидела тётя в очках и вязала шерстяной носок. Перед ней красно светился круглый электрический рефлектор-обогреватель.

— Чего вам? — спросила тётя, отодвинув в стекле фанерный щиток.

— Нам, тётенька, два билетика нужно, — жалобно протянула Люба. — Всего два. Хоть каких-нибудь, самых плохоньких. На сегодня.

— На сегодня? — удивилась тетя. — И всего два? Скажите пожалуйста. Да откуда они у меня? И маленьких детей вечером всё равно не пускают.

— Так это не нам! — обрадовалась Люба. — Ну пожалуйста, милая тётенька. Мы вам будем не знаю как благодарны. Тут, понимаете, из-за этих двух билетиков может решиться судьба одного очень замечательного человека. Поищите там, пожалуйста, у себя два билетика, милая тётенька!

КАССА

Люба выпрашивала так жалобно и убедительно, что, казалось, отказать ей не было никакой возможности. Витя с Федей и не подозревали в ней такого таланта.

Однако талант Любе не помог.

— Да русским же языком сказано, нету билетов! — возмутилась тётя и задвинула обратно фанерный щиток. — Идите отсюда!

К выходу, понуро волоча портфели, ребята поплелись с опущенными головами. Домой Витю больше уже не тянуло. Про дом и папу вообще страшно было подумать. Пароход, считай, давным-давно ушёл. И как теперь посмотреть в глаза папе, Витя не представлял. Немного, правда, теплилась надежда на подшипник. Дядя Андрюша должен же был принести подшипник. Он ведь и не подозревал, что Люба могла наврать такое про билеты.

Только принесёт дядя Андрюша подшипник, что же ему говорить? Как ему объяснить про билеты?

В сквере перед театром бил фонтан. Сквер окутала нежно-зелёная дымка. Это распускались на деревьях листья.

А фонтан купцы тоже придумали интересный. В центре круглой каменной чаши с водой стояли одна на другой три чугунные вазы на высоких ножках. Внизу — большая ваза, на ней — поменьше. И сверху — совсем маленькая. К вазам с края чаши дугой тянулись тонкие водяные струи. Получался будто шатёр из струй. И над шатром в водяной пыли радужно играло солнце.

— Билетов нету, а сама в кассе сидит, — буркнула Люба. — Ведь наверняка есть. Всегда на всякий случай оставляют до самого начала представления.

— На какой, на всякий? — не понял Федя.

— Для начальства, — сказала Люба. — Вдруг в последний момент кто-нибудь из начальства захочет пойти. Вот для них и оставляют.

Папа у Любы был большим начальником. По утрам за ним на Вознесенье приезжала чёрная «волга». И с работы его тоже привозила «волга». Поэтому Любе было, конечно, видней, оставляют начальству билеты или не оставляют.

— Во! — обрадовался Витя. — Так ты возьми и скажи кассирше, кто у тебя папа. Скажи, что билеты для папы. Она тебе сразу и даст.

— Ещё чего! — возмутилась Люба. — Я и без папы достану. Думаете, не достану?

Вообще-то Люба действительно никогда не пользовалась помощью папы. Вся школа знала, кто у Агафоновой папа. Но Люба не позволяла делать себе скидок на то, что она дочка самого Агафонова. Даже ещё сердилась, когда при ней говорили про её папу.

За ребячьими спинами стукнула на пружине дверь. Из театра вышел мужчина в плаще-болонье и с тонкими грузинскими усиками. Люба мигом подлетела к грузину.

— Дяденька, вы из театра? Вы в театре работаете, да? А кассирша ваша на какой улице живёт? На Кирова?

— Сыромятникова, что ли? — сказал дяденька с грузинскими усиками. — Почему на Кирова? Она — на Подгорной. А тебе зачем?

— Да! — обрадовалась Люба. — Мы с мальчиками поспорили. Я им говорю, на Подгорной, а они спорят, что на Кирова.

Витя с Федей ничегошеньки не поняли. Только глазами захлопали от удивления.

— Когда это мы с тобой спорили? — поинтересовался Федя, едва дяденька с усиками отошёл на несколько шагов.

— Ай, да ну вас! — отмахнулась Люба. — Бежим скорее на Подгорную.

Глава восьмая

ЧТОБЫ ПО-ЧЕСТНОМУ

Небольшая Подгорная улица спускалась к берегу Волги. У тротуаров между булыжниками пробивалась первая трава. Посеревшие от старости дома с высокими глухими заборами и резными воротами совсем вросли в землю. У некоторых домишек окна опустились ниже тротуара. И в углублении у окон кое-где ещё лежали остатки грязного снега.

— Бабушка, — обратилась Люба к старушке, которая грелась на солнышке у ворот, — вы не знаете, где живёт Сыромятникова?

— Клава? — сказала старушка. — Да вон как раз напротив, в седьмом номере. Почто она вам? У неё никого

дома. Сама с утра на работе. Сына её, Никиту, в прошлом году в армию забрали. А вам чего, гвардия, нужно-то?

— Да мы... это, — замялась Люба. — Мы, бабушка, первых пионеров разыскиваем. Она, случайно, не первая пионерка?

— Эко! — вскинулась старушка. — Ну, нашли пионерку! Клава Сыромятникова — и первая пионерка! Охо-хо!

— А чего? — не поняла Люба.

— Пионер есть кто? — сказала бабушка строгим голосом. — Вы красные галстуки носите, лучше меня должны знать. А ну, кто такой пионер Страны Советов?

— Который всем ребятам пример, — с ходу отчеканила Люба.

— Так, — подтвердила бабушка, — верно. Только это ещё не самое главное в пионере. А что самое главное? Вот ты, мальчик, скажи, что? — ткнула она пальцем в Федю. — Ну!

— Я? — буркнул Федя.

— Ты, ты, — подтвердила бабушка.

— Пионер... который учится хорошо, — просопел Федя.

— Так. А ты, мальчик, — ткнула бабушка в Витю.

— Пионер ещё честным должен быть, — глухо добавил Витя, подумав о папе. Папа там сидел сейчас около дома, дожидался сына, чтобы оставить на него машину и съездить в магазин. Витя клялся, что прибежит сразу после четвёртого урока, а сам вместо этого зачем-то стоял и разговаривал с незнакомой бабушкой.

Незнакомую бабушку звали Василисой Трофимовной. Лицо у неё было в сплошных морщинах. Под глазами — синие мешочки. Волосы редкие и седые. Но хотя бабушка и говорила с одышкой, голос у неё ещё звучал задорно и по-молодому.

— Эх вы, гвардия! — по-молодому сказала бабушка. — Откуда вы такое про Сыромятникову взяли? Пионерка! В пионере, гвардия, самое главное, что он есть юный коммунист. Пионер свято верит в коммунизм и всеми силами за коммунизм сражается, за светлое будущее всех тружеников Земли. Это вы обязаны как дважды два знать. А у Клавы Сыромятниковой совсем не в коммунизм вера. До счастья трудового люда Земли ей тьфу. Потому как она для одной себя живёт, только для одного своего собственного удовольствия. И сынок её, Никита, копия в мамочку. Только что в церковь пока не ходит.

Поговорить бабушке, наверное, было не с кем, вот она и разговорилась. Вспомнила, как в двадцатых годах вступала в комсомол, как в гражданскую погиб в бою с колчаковцами её муж а с последней войны не вернулись оба её сына-добровольца.

— То, что человек по необходимости делает или по принуждению, — объяснила бабушка, — тут никакой такой его заслуги нету. Заслуга там, где он сам идёт, по своей доброй воле. По его добровольным делам человека всегда как на ладошке видно. Вот вам и вся тут тётя Клава Сыромятникова. Она всю жизнь добровольно лишь свечки в церкви ставит. И по своей непроходимой темноте лишь себе самой вред наносит. У неё вон почки больные, операцию нужно делать, а она заместо врача опять же к богу: «Исцели, господи, владыка небесный».

Заметив, что ребята нетерпеливо поглядывают по сторонам, Василиса Трофимовна сказала:

— Что, заговорила я вас? Бежать, наверное, куда-ни-

будь срочно нужно? Ладно, бегите. Но не забывайте только, что в пионере самое главное. Гвардия!

Вверх по Подгорной ребята промчались единым духом Мимо чёрных, поблёскивающих смолистыми днищами лодок. Мимо ветхих домишек и высоких ворот.

У гастронома Люба опять повернула к Старому театру. Витя с Федей — за ней. Что ей снова понадобилось в театре, Витя с Федей не поняли. Но Вите теперь уже было всё трын-трава.

В прохладном вестибюле театра всё так же безмолвно висели по стенам старинные купеческие фонари. Сводчатый, как арка в подворотне, потолок зловеще усиливал звуки.

По выщербленным плитам пола ребята старались ступать как можно осторожней. Особенно Витя с Федей.

На деревянную полочку у кассы подбородок на этот раз положила одна Люба. Витя с Федей остановились в сторонке.

— Опять ты, девочка? — удивилась кассирша. — Что тебе неймётся? И кавалеры, гляжу, за тобой, как пришпиленные.

Портфель Люба поставила у стены. Уцепилась за полочку пальцами. В середине — подбородок, по краям — по четыре пальца.

— Жарко сегодня на улице, — сказала Люба кассирше. — Совсем лето. Правда? А у вас тут хорошо, прохладно. Мы мимо гуляли и зашли. Вы, наверное, сыну Никите носки вяжете? Да? Правда, сыну Никите?

— Откуда ты сына-то моего знаешь? — насторожилась кассирша. Она отодвинула фанерный щиток и сунулась поближе к окошку.

— Так его все знают, — улыбнулась Люба. — Я маленькая была, а он за меня заступился. Он всегда, тетя Клава, заступался за маленьких.

— Ой, золотко ты моё! — обрадовалась тётя Клава. — Он уж такой у меня и есть, мой сынуля. И носки я ему вяжу, Никитушке своему. Пишет, может, в отпуск его отпустят за хорошую службу.

— Конечно, отпустят, — сказала Люба. — Всех, кто отлично служит, обязательно отпускают в отпуск. У моей тёти подруга есть, так у неё тоже сын недавно приезжал из армии в отпуск.

— «Младшего сержанта» моему сыночке недавно присвоили, — расплылась в улыбке тётя Клава. — Жаль, карточки у меня с собой нету. Посмотрели бы, какой он у меня красавец стал.

Теперь тётя Клава обращалась уже не к одной Любе, но и к Вите с Федей. Мальчики осмелели и тоже подошли поближе к окошку. Тётя Клава отложила недовязанный носок и сунулась к самому вырезу в стекле. Лицо у неё сделалось ласковым и добрым. Рассказывала про своего Никитушку, даже слёзы на глазах заблестели. Пригласила ребят к себе домой пить чай с вареньем из райских яблочек. И настаивала, чтобы непременно приходили, не обидели, чтобы посмотрели Никитушкины карточки.

— Надо ведь, какие милые детки! — умилялась она. — Скромные, к старшим уважительные. Вот уж родителям вашим счастье, вот уж радость-то им!

Если от разговоров про Никиту тётя Клава чуть не заплакала, то когда Люба завела разговор про больные почки, кассирша и вовсе размякла.

— Знаю, миленькая, что операция нужна, — запричитала она. — Да кому под нож-то охота? Мне и Никитушка пишет: «Ложись, мама, если врачи советуют». Ох, худо, когда здоровье никуда! Ох, худо!

Разговор про почки окончательно доконал тётю Клаву.

— Вам сколько билетов-то? — спросила она, вытирая кончиками пальцев слезинки под глазами. — Два? Вы завсегда, милые, ко мне приходите. Для таких хороших деток я — чего угодно. Кому нет билетов, а вам всегда найдутся. И чай ко мне приходите пить на Подгорную. Очень меня обидите, если не придёте.

— Да нет, мы придём, — заверила Люба, протягивая в оконце три рубля. — Мы обязательно придём, тётя Клава. Спасибо вам большое. Вы нас не знаю как выручили!

Видно, ребята по-настоящему понравились тёте Клаве. Она даже отказалась взять с них деньги за билеты.

— Какие ещё деньги? — замахала она на них руками. — Не нужно мне от вас никаких денег! Не нужно, вам говорят. Разве с таких хороших людей можно брать деньги?

На улице всё так же светило солнце. В сквере над водяным шатром фонтана искрилась разноцветная радуга. Над

нежно-зелёной дымкой деревьев тянулась в небо каланча «пожарки».

— Понятно, как нужно доставать билеты? — сказала Люба притихшим мальчикам, когда они вышли на улицу. — Если с людьми по-хорошему, то можно что хочешь достать. Учитесь у меня, тюти. И теперь всё будет по-честному: с кем Светлана захочет, с тем и пойдёт на концерт. Правда, теперь всё будет по честному? А то Иван Грозный больно хитренький.

Глава девятая

ЧЕТЫРЕ РУБЛЯ

Высотный дом на Вознесенье, где жили Витя и Люба, был выше всех домов в городе. Правда, рядом с их домом строители возвели ещё один дом, точно такой же. Но его поставили чуть ниже по склону горы. И Витин с Любой всё равно оказался выше. Они поднимались один над другим, два одинаковых девятиэтажных высотных точечных дома с широкими светлыми окнами и просторными балконами.

Между домами строители разбили небольшой сквер. Посредине круглая клумба, от неё лучами — пять асфальтовых дорожек. Дорожки — и вверх по горе, и вниз. А клумба на ровной площадке. Вокруг вытоптанной ещё осенью клумбы — асфальтовое кольцо. Папин «москвич» стоял на асфальтовом кольце. Поднятый домкратом, автомобиль кособоко застыл на трёх колёсах. Снятое переднее правое колесо лежало у бортика клумбы. Возле колеса валялись гаечные ключи.

Перепачканный маслом, Витин папа сидел на обшарпанной алюминиевой канистре и курил. Глаза у папы светились сквозь стёкла очков не по-доброму. И замусоленную сигарету он гонял из угла в угол рта тоже не по-доброму. Вообще, когда Витин папа начинал гонять во рту сигарету, это не предвещало ничего хорошего.

Рядом с Витиным папой пристроился на корточках дядя Сеня. За «москвичом» сиял на солнце дядин Сенин новенький тёмно-вишнёвый автомобиль «жигули».

У Витиного папы пиджак и брюки замусоленные, грязные, специально автомобильные. А у дяди Сени костюм новёхонький, отутюженный, светло-серого цвета в голубую полоску. Из кармашка на груди торчит платочек нежно-розового материала с коричневыми мазками, из такого же, что и галстук. Никогда не подумаешь, что дядя Сеня, как и Витин папа, инженер. Артист и артист. И сам красивый, и одевается красиво.

— О, моя деточка на всех парах несётся, — сказал Витин папа. — Ты ног, деточка, случаем не обломал, когда этак-то на пароход торопился? Кто мне сегодня утром клялся, что будет сразу после четвёртого урока?

— Да тебе, папа, и не нужно теперь никуда ехать! — ещё издали закричал Витя. — Ни в какой магазин тебе не нужно! Потому что мы, па, достали тебе этот самый подшипник! Настоящий подшипник! Наружный! Во! Совсем новенький! Прямо совсем-совсем! Мы только из-за него и задержались. Честное слово.

— Ага, — подтвердила Люба, — мы только из-за подшипника и задержались. Мы знали, что вам очень нужен

подшипник, и поэтому задержались. Иначе ничего не получалось с подшипником.

Феде Прохорову было хорошо: добрёл до водоразборной колонки на углу своего Дегтярного переулка — и уже дома. И ни перед кем ему не нужно оправдываться. Можешь хоть у полевого походного телефона ручку крутить, можешь хоть на Волгу идти. Делай, что пожелаешь. А тут и подшипник папе достал, и всё равно оправдывайся.

Ну почему Витя должен оправдываться? Он ведь не для себя, для папы старался. С подшипником пришёл. У Вити так всё и пело в груди. Это же нужно! Никогда ничего, кроме хлеба в булочной, не покупал, а тут сразу — подшипник! Папа не мог достать, а они достали. Сами!

...Дядя Андрюша не подвёл ребят, хотя и довольно долго прождал их у школы. Но он-то не знал, что они не к Любе бегали за билетами. К Любе бы они живенько обернулись. А тут — в театр, на Подгорную, снова в театр.

Один билет ребята отдали дяде Андрюше. А он им привёз завёрнутый в промасленную бумагу подшипник. Со вторым билетом поехали домой к Светлане Сергеевне. Люба непременно сама хотела отвезти билет учительнице. А учительница живёт совсем на другом конце города. Вот и ещё ушла целая куча времени.

— Какой ещё такой подшипник? — хмуро спросил папа, осторожно поправляя грязным пальцем очки на носу.

— Да вот же, вот! — ещё громче закричал Витя. — Самый прямо настоящий! Для переднего колеса! Наружный! Новёхонький! Вот!

Папа развернул промасленную коричневую бумагу и недоверчиво покосился на Витю с Любой.

— Чудеса, — сказал папа. — Видал, Семён. И где же это вы умудрились раздобыть?

— Молодчаги, что умудрились, — похвалил ребят дядя Сеня. — С такими детьми не пропадёшь. И за подобную инициативу, Вадим Николаевич, людей поощрять нужно. Молодая-то смена разбирается, что к чему.

Поднявшись с корточек, дядя Сеня открыл дверцу своей новенькой сверкающей машины и протянул Любе с Витей по маленькой шоколадке. У дяди Сени всегда были с собой или шоколадки, или конфеты. Без гостинцев он никогда не появлялся. Витиной маме он обычно привозил цветы. Хоть один-два цветочка, но обязательно привозил.

— За что же это их, интересно, поощрять? — возразил папа и сердито швырнул на асфальт подшипник, который так и прилип к промасленной коричневой бумаге. — За то, что они пронырами растут?

— Ну, вы уж сразу, Вадим Николаевич: проныра-ми! — не согласился дядя Сеня. — Какие они проныры.

— Иди сюда, — подозвал папа Витю. — Ближе иди. Расскажи, где вы взяли подшипник.

Держа в кулаке размякшую шоколадку, Витя с горечью смотрел вниз на Волгу. Подошёл к папе и, отвернувшись, смотрел вдаль. Добытый с такими муками подшипник валялся на асфальте. Оказалось, он вовсе папе и не нужен. Папа не то что обрадовался, он даже наоборот. Ещё и на дядю Сеню накинулся. Будто дядя Сеня неправильно ему сказал.

Просторная река сверкала под солнцем золотыми чешуйками. Пронёсся, почти не поднимая волны, «метеор» на подводных крыльях. Через железнодорожный мост медленно тянулся над водой товарный состав. А на том берегу Волги белела церквушка с пятью куполами-луковками: в центре одна большая луковка, по краям — четыре маленькие.

Надувшись, Люба стояла рядом с Витей и тоже смотрела на Волгу. В одной руке она держала шоколадку, в другой — портфель.

— Это вовсе и не Витя достал подшипник, — вдруг, не оборачиваясь, тихо сказала Люба. — Это я достала. Я не знала, что он вам не нужен. Я думала, нужен. Витя сам в школе говорил, что нужен.

— Да нет, почему же он мне не нужен? — несколько смущённо проговорил Витин папа. — Нужен он мне. Да только... Сколько вы за него, ребята, заплатили? А деньги, что, Витя, Любины?

— Ничего мы за него не заплатили, — буркнул Витя.

— Ладно. Без обид обойдёмся. Сколько? — похлопал себя по карманам папа. И тут же добавил: — Впрочем, в этом пиджаке у меня всё равно ничего нету.

— Да вы не беспокойтесь, Вадим Николаевич, — вскинулся дядя Сеня. — У меня — пожалуйста! Сколько, Любанька? Два рубля? Три?

— Витя же сказал, что мы за него ничего не заплатили, — обиженно отозвалась Люба.

— Ах, какие мы гордые! — воскликнул дядя Сеня. — Ах, какие мы благородные!

Кошелёк у дяди Сени был из мягкой коричневой кожи с пупырышками. И для каждой денежки имелся свой особый кармашек: для меди, для серебра, для мелких бумажек и для крупных.

— Держи, Любанька, — протянул дядя Сеня Любе хрустящую трёшку. — Огромнейшее тебе спасибо, девочка. И не обижайся, пожалуйста. Вадим Николаевич просто немного устал. И с тормозами у него не ладится.

— Семён! — возмутился Витин папа. — Ну разве в этом дело?

Но дядя Сеня словно и не услышал никаких слов. Аккуратно положил в Любин кармашек фартука трёшку и потряс перед Витиным носом хрустящим бумажным рублём.

— А это тебе, старик! — Длинные дяди-Сенины пальцы ловко сложили рубль пополам и сунули к Вите в нагрудный кармашек.

Даже деньги и те у дяди Сени были на удивление новёхонькие, нетронутые, будто только что из банка.

— Мне всё же кажется, Вадим Николаевич, — сказал дядя Сеня, снова присаживаясь рядом с Витиным папой на корточки, — что колесо у вас не держит из-за колодок. Тормозной барабан сильно износился, и эти колодки вам всё равно не подогнать. Новые нужны. Давайте я всё же быстренько смотаюсь и постараюсь раздобыть новые колодки.

— В субботу-то? — неуверенно произнёс папа. — Да и времени сейчас уже сколько. Куда ты сейчас сунешься?

— Как-нибудь, — заверил дядя Сеня, направляясь к своей сверкающей тёмно-вишнёвой машине. — Мои друзья меня ещё никогда не подводили. Подшипник же я вам достал, хотя сегодня и суббота.

Вот оно, оказывается, что! Витя искоса глянул на папу. Так бы сразу и сказал. Выходит, подшипник дядя Сеня папе уже привёз. С раннего утра. Вот почему папа и не обрадовался новому подшипнику, швырнул его на асфальт, словно какую-то испорченную железяку. И ещё пронырами обозвал.

Из подъезда молча вышла Любина мама.

Подошла к Любе, взяла её за руку.

— Сколько можно тебя дожидаться, Любовь? У меня окончательно лопнуло терпение. И теперь пришла, снова тут стоишь. Как тебе не стыдно!

— Здравствуйте, Нинель Платоновна! — издали закивал Любиной маме дядя Сеня. — Не ругайте, пожалуйста, Любаньку. Она у вас замечательный человечек. Благородное дело сегодня совершила, друзей выручила.

Любина мама поздоровалась с дядей Сеней. Даже улыбнулась ему краешком рта. И, крепко держа дочку за руку, скрылась в парадном. А у Любы из кулака, за который её держала мама, выглядывала яркая дяди-Сенина шоколадка.

Глава десятая

ПИСЬМО ОТ ДЕДА

Витин папа чиркнул спичку и закурил. Сигарета у него сразу поехала в угол рта. Витя, не зная, куда деть глаза, задрал голову к небу.

Высоко над Вознесеньем тянулись белыми мазками прозрачные, как дымка, облака. Телевизионная мачта пронзала их острой пикой. Казалось, не облака плывут над мачтой, а она сама, наклонившись, стремительно падает им навстречу.

Открыв дверцу «жигулей», дядя Сеня бодро спросил у Вити:

— Может, со мной, старик? По городу прошвырнёмся.

— На переднем сиденье? — дёрнулся Витя, но тут же остановился и умоляюще поглядел на отца. — Можно, па?

— Нет, — сухо отрезал отец. — Неужто до тебя так и не дошло, что случилось? Или ты всё ещё совсем несмышлёное дитя, каким тебя считает мама?

— Да чего я такого сделал-то? — шмыгнул носом Витя.

— Я, признаться, надеялся, — сказал папа, — что до тебя кое-что дошло про пароходы. Оказывается, ошибся. А это твоё сегодняшнее доставание, если хочешь знать, ещё хуже, чем та минутка. Чтобы я никогда больше не слышал ни о каких доставаниях.

— Так я... — хотел объяснить Витя.

Но папа не стал его слушать, махнул рукой.

— А-а... Иди домой, там тебя мама ждёт.

Мягко стукнула дверца «жигулей». Негромко заурчал мотор. Дядя Сеня ничего не возразил папе, ни слова не сказал в Витину защиту. Дядя Сеня один сел в машину, и она легко покатилась с асфальтового кольца под горку.

А Витя, тяжело вздохнув, зачем-то поправил в кармашке хрустящий дядин Сенин рубль и понуро побрёл к подъезду.

Лифт стремительно вознёс Витю на седьмой этаж.

Дверь Витя открыл своим ключом. Шоколадка совсем размякла в кулаке. А в квартире вкусно пахло варёным мясом.

Портфель полетел под вешалку. Куда же шоколадку? Дядя Сеня тоже удружил — сунул, как младенцу, подарочек.

— Ботинки! — закричала, выглядывая из кухни, мама.— Куда ты лезешь в ботинках? А портфель! Где место твоему портфелю? Я когда-нибудь приучу тебя к порядку?

Шоколадку Витя решил пристроить на столике у зеркала. От этой шоколадки даже руки уже стали липкими. И странно — в одной руке держал, а липкими стали обе руки. Витя протянул руку с школадкой к столику и... даже чуть подпрыгнул от радости.

На столике у зеркала, между шарфами и шляпами, лежало письмо.

— От деда! — закричал Витя.

Дедово письмо враз заглушило в Вите все обиды. Витя вообще не умел долго обижаться. А тут такое! Если Витя чем-то по-настоящему и гордился, то, конечно, прежде всего дедом Колей! Потому что дед Коля — военно-морской лётчик-торпедоносец! Да ещё полковник! В Витином городе полковники, правда, иногда встречались. Но чтобы военно-морские лётчики-торпедоносцы...

Дед Коля каждое лето ездил с бабушкой в отпуск и, как правило, заглядывал в родной город на Волге. И очень может быть, что раз пришло от деда письмо, то вскоре...

— Положи письмо туда, где оно лежало, — сказала мама. — Разве ты не видишь, что оно адресовано папе? И сейчас же сними ботинки. Сколько нужно тебе повторять?

Дедово письмо действительно, как обычно, было адресовано папе. Внуку писем дед не писал. И Витя, с сожалением повертев письмо в руках, осторожно положил его поверх шляп.

А вечером неожиданно выяснилось, что дед Коля написал на этот раз письмо не только своему сыну. Выяснилось, что он написал письмо как бы одновременно и сыну, и его жене, и даже внуку. Потому что у деда Коли произошло событие совершенно исключительной важности. И это событие вплотную касалось всего семейства Корневых.

Да что там касалось! Дедово письмо враз изменило всю в общем-то спокойную и довольно размеренную жизнь Корневых. Но, впрочем, не так само письмо, как то, что вскоре за ним последовало.

Глава одиннадцатая

НА ЭШАФОТЕ

Как-то в разговоре с мамой Витин папа сказал, что если его вызывает к себе в кабинет начальник и начинает ругать, то папа в это время старается думать о чём-нибудь своём.

Может, папа пошутил, а может, нет. Но папины слова вспомнились Вите, когда его с Федей Прохоровым вызвали в кабинет к завучу, или, как говорили в школе, на эшафот. Их вызвали на эшафот с третьего урока, в понедельник. В субботу произошла вся та история с билетами, а в понедельник их с третьего урока уже вызвали к Ивану Грозному.

Из класса Витя с Федей вышли, сопровождаемые понимающими взглядами товарищей.

За окнами школьного коридора хмурилось серое небо и шумел тёплый весенний дождь. Капли воды кривыми дорожками стекали по стёклам. Пелена дождевого тумана прикрыла город и затихшую Волгу.

— Я так прямо чувствовал, что этим кончится, — проворчал Витя. — Быстренько Ивану Грозному доложили, кто достал Светлане билеты на москвичей. Кто же это ему мог доложить? Вот всыплет он нам теперь! Любу так он небось побоялся вызвать, у неё папа. А нам за неё отвечай.

И, сказав про Любиного папу, Витя вспомнил слова своего папы. Про то, о чём папа думает, когда его вызывают к начальнику. А может, такая мысль у Вити и появилась именно потому, что Любин папа был начальником?

— Ты вот что, Прохоров, — сказал Витя. — Ты, как, значит, Иван Грозный начнёт про своё, думай прямо совсем про другое. И тогда сделается совершенно не страшно.

— Про чего — про другое? — не понял Федя.

— Ну, он начнёт про те билеты, а ты прямо думай, как мы с тобой на рыбалку пойдём.

— На рыбалку? — захлопал глазами Федя. — Как — на рыбалку? Сейчас? Заместо эшафота?

— Ой, дурак ты всё-таки прямо какой, Прохоров! — удивился Витя. — Я говорю: когда Иван Грозный начнёт нас ругать, ты не слушай, про что он ругает. Ты в это время про рыбалку мечтай. Это такой способ. Тютя.

— Да-а, — протянул Федя, — спо-особ. Если бы он ругал. А он всегда так говорит, что и не понятно, серьёзно он или шутит. Всегда с этим царём своим, с Иваном Грозным. А ты, Витя, знаешь вправду, за что Иван Грозный убил своего сына? Знаешь?

— За что, за что! — сказал Витя. — Какая на царя управа была. Царь кого хотел, того и убивал. Хоть собственного сына, хоть кого.

— Вот именно: хоть кого, — подтвердил Федя. — Не даром нашего тоже Иваном Грозным зовут. Своих детей у него нет, так он на чужих кидается.

О том, с кем Светлана Сергеевна ходила в воскресенье на концерт, в понедельник с утра знал весь четвёртый «б». Ребята знали, что хмурый завуч (так ему и надо!) сидел в театре один, рядом с пустым креслом. Знали, что после антракта он не выдержал и ушёл. Потому что увидел в самой удобной ложе, рядом со сценой, Светлану Сергеевну вместе с дядей Андрюшей. А этого он, по вполне понятной причине, стерпеть не мог.

Особенно подробно знали обо всём девочки. Они знали даже то, какие у Светланы Сергеевны были на концерте туфли. Светлана Сергеевна первый раз надела в театр свои недавно купленные туфли на толстенной подошве-платформе. Девочки не знали лишь одного: почему Светлана Сергеевна и дядя Андрюша тоже ушли со второго отделения концерта. Не знали и терялись в догадках. Ведь все родители, все до единого, говорили дома, что концерт им очень понравился. Выходило, что всем понравился, а Светлане Сергеевне с дядей Андрюшей — нет. И в этом крылась какая-то неразгаданная тайна.

В понедельник с утра в классе помимо всех этих вопросов обсуждался ещё один: а если бы Витя, Федя и Люба не привезли домой Светлане второй билет, воспользовалась бы она «вопросами по методике» или осталась дома. И большинство считало, что Светлана Сергеевна всё равно пошла бы в театр. Хоть с завучем, но пошла. Зачем же сидеть дома, когда пропадает билет?

И никто ни на минуту не мог себе представить, что из-за этого несчастного билета Иван Грозный поступит так сурово: возьмёт и без всяких яких вызовет с третьего урока Витю с Федей на эшафот. Разве это было по-справедливому — сразу вызывать на эшафот? У нас каждый человек

имеет полное право доставать кому хочет и как хочет билеты. Сам Иван Грозный ведь достал! И потихонечку подсунул Светлане Сергеевне. Он думал, что в четвёртом «б» сидят одни глупыши, которые ничего не заметят. А они заметили. И выходило, что Ивану Грозному доставать билеты можно, а другим нельзя.

И вот, с трудом переставляя тяжёлые, как у водолаза на суше, ноги, Витя с Федей кое-как добрели до кабинета завуча. С минуту они сопели у дверей и подталкивали друг дружку локтями.

— Давай, — сопел Федя.

— Почему это прямо я должен первый? — отвечал Витя. — Вот ты первый и давай.

Постучать в дверь никто из них так и не решился.

Неожиданно дверь зловеще скрипнула и распахнулась сама.

— О, кто ко мне в гости! — сделал широкий жест Иван Игоревич. — Милости прошу! Что мнётесь, родимые? Где так

вы в поисках добычи землю носом роете. А тут вишь враз замялись. Заходите! Смелее!

Переступив порог, Витя мельком увидел на стене знакомую картину Репина, на которой царь убивал своего сына. Вернее, он его уже убил. Царевич в шёлковом халате полулежал на роскошном ковре, опершись на левую руку. Из виска у царевича хлестала кровь. А Иван Грозный с выпученными глазищами придерживал сына и зажимал у него на голове рану.

— Хочу выяснить у вас, родимые, один вопрос, — со знакомой ласковостью в голосе спросил завуч. — Как вы относитесь к коровам?

Вопрос о коровах Витю удивил не очень. Иван Грозный умел задавать ещё и не такие вопросики. И чем ласковее он спрашивал, тем более неприятные последствия тебя ожидали.

Ласковости в голосе завуча на этот раз было больше обычного, и на душе у Вити сделалось совсем кисло. Ему сделалось так кисло, что даже не сравнить с тем, как было в субботу из-за того подшипника.

Опустив голову, Витя смотрел в пол. Рядом со своими ботинками он видел грязные и стоптанные ботинки Феди Прохорова. Ботинки у Феди застыли носками внутрь. И кроме своих и Фединых ботинок, Витя больше ничего не видел. В кабинете угрюмо висела тишина. Лишь за окном чуть слышно шелестел дождь.

Уставившись на ботинки, Витя вспомнил, что делает папа, когда его вызывают к начальнику. Вспомнил и стал тоскливо размышлять о том, что после дождя обычно появляется много червей. Их лучше всего копать у Феди в саду, в самом дальнем углу, около подгнившего забора. На червя после дождика хорошо берёт всякая рыбёшка. Хоть тебе плотвичка-краснопёрка, хоть колючий в полосатой тельняшке окунь...

— Стоп! — раздался тут в тишине голос завуча. — Не нужно так громко, родимые. И пожалуйста, не перебивайте друг друга. В вашем слаженном дуэте я, к сожалению, не улавливаю личного отношения каждого из вас к затронутому вопросу. Я у вас спросил: как вы относитесь к коровам?

К коровам Витя в принципе относился положительно. Если бы, разумеется, завуча и впрямь интересовали коровы.

Но какое отношение имел крупный рогатый скот к театральным билетам? Ясное дело, никакого.

И чтобы зря не ломать себе голову, Витя стал думать дальше про то, про что думал. Про дождь, червей и рыбалку. Он стал думать о том, что не худо бы взять с собой на рыбалку деда. Вот приедет дед Коля — и прямо сразу взять его с собой на рыбалку. Если, конечно, мама права и дед Коля вовсе не болен.

Интересно, болен дед на самом деле или не болен? Почему все взрослые говорят не поймёшь что? Прямо удивительно, что они говорят. А ты ходи, думай и разбирайся. Но разве тут разберёшься. Они такого умеют наговорить, что за сто лет не раскопаешься.

Глава двенадцатая

ПО БОЛЕЗНИ ИЛИ НЕТ?

Когда вечером папа вслух прочитал то дедово письмо, у мамы даже голос сделался другой, словно у какой-то посторонней женщины.

— Что такое? — сказала мама. — В отставку? И они едут к нам? А где, собственно, они собираются жить? У нас? Но ведь они едут не на месяц, а насовсем. Ты отдаёшь себе отчёт, что это такое? Почему твой отец даже приличия ради не счёл нужным спросить у тебя совета?

Папа начал убеждать маму, что дедушке с бабушкой быстро дадут квартиру, что поживут они здесь недолго, что в конце концов это его родные отец и мать, самые близкие и дорогие ему люди.

— И всё, что есть у меня, — убеждал её папа, — принадлежит им.

— Ах, вот как! — удивилась мама. — Выходит, всё это, — она широко обвела комнату руками, — твоё? А где же моё?

— Галка! — взорвался папа. — Не цепляйся к словам! Всё моё в такой же мере и твоё. И ты превосходно знаешь, что отцу, как полковнику в отставке, положена квартира вне очереди. С нами ничего не случится, если мои родители немножечко, до получения квартиры, поживут у нас.

— Ах, на немножечко! — нервно засмеялась мама. — Ха-ха-ха! Но я, прости, не желаю жить в аду даже немножечко. Я, как ты знаешь, совершенно не переношу солдафонских выходок твоего папочки.

Мама ещё много чего кричала. И про дедушку, и про бабушку, и про папу. Папа в ответ тоже срывался на крик и стучал по столу кулаком. Витя ещё ни разу не слышал, чтобы мама с папой так громко друг на друга кричали. И папа ещё курил одну сигарету за другой, хотя обычно дымить в комнате ему строжайше запрещалось.

А про Витю родители словно забыли. Витя замер на стуле у серванта и с интересом слушал, про что кричат мама с папой. Хрусталь в серванте отзывался на необычный шум тоненьким жалобным звоном. Впрочем, это, может, звенел и не хрусталь, а прозрачные фарфоровые чашки, из которых никогда не пили чай. Кто его знает, что там звенело. Ясно одно: если бы Витя промолчал, его бы наверняка так и не заметили. Сидел бы себе в уголочке и сидел. Но Витя не выдержал и сказал:

— Дедушка ведь пишет, по болезни он. Он заболел, а вы...

В комнате сразу сделалось очень тихо. Даже в ушах загудело. Папа вынул изо рта замусоленный окурок и беспомощно посмотрел на маму. Мама страдальчески закрыла глаза и глубоко втянула носом воздух.

— Витенька, — сказала мама и открыла глаза, — ты ещё слишком мал, чтобы понять, о чём мы с папой разговариваем. Тебе, наверное, показалось, что я не рада приезду дедушки с бабушкой. Но на самом деле я им очень рада. Просто взрослые люди нередко думают одно, а говорить им приходится другое. И многие слова, которые ты ещё понимаешь по-детски, скрывают за собой совсем иной смысл. Вот хотя бы про ту же болезнь. Дедушка пишет, что выходит в отставку по болезни. Но на самом деле это вовсе не означает, что он и вправду заболел. Просто у военных это так называется: по болезни. Пожилому человеку неудобно сказать: ты состарился. Поэтому ему говорят: по болезни. И так же очень многое другое. Я очень рада приезду дедушки с бабушкой. Но просто я... ну, ещё не совсем представляю, как мы все тут разместимся.

Мама говорила убедительно. И в тот момент, когда она объясняла Вите его заблуждения, Витя верил каждому её слову. Витя вообще никогда не сомневался в правдивости слов взрослых. Но по какой-то непонятной причине иногда вера в слова взрослых присутствовала у него лишь до тех пор, пока эти слова звучали. А стоило им затихнуть, как что-то незаметно исчезало. Как исчезает дым от костра.

Витин дедушка провоевал всю войну лётчиком-торпедоносцем. У них с бабушкой было трое сыновей. Двое из них, папин старший брат и папин младший брат, тоже стали военными лётчиками. Младший, капитан дядя Арсений, служил под Москвой. Старший, подполковник дядя Илюша — на Севере. Корневы были сплошные лётчики. Кроме одного Витиного папы. Но у Витиного папы плохое зрение. Он с детства носил очки. Поэтому Витин папа, к сожалению, стал не лётчиком, а инженером.

И теперь дед Коля выходил в отставку. А по болезни или нет — этого никто не знал. Потому что взрослые люди нередко думают одно, а говорят совсем иное. Сами, например, думают про билеты в театр, а говорят — корова...

Глава тринадцатая

НА ЭШАФОТЕ

(продолжение)

— Нет, родимые, нет, — ласково протянул завуч, — так у нас дело не пойдёт. Я, кажется, просил вас не перебивать друг друга и высказываться по очереди. Мы остановились на том, что первым начнёт Корнев. Однако Корнев почему-то немного стесняется и готов уступить пальму первенства Прохорову. Что ж, Прохоров, не станем спорить, выпустим сначала тебя. Итак, Федя Прохоров, нравятся ли тебе коровы? Мы ждём.

Когда тебя ждут, это всегда не очень уютно. Завуч ждал. Федя молчал.

— Так мы ждём, Прохоров, — напомнил завуч.

И тогда Федя, чувствуя, наверное, что больше тянуть нельзя, глухо выдавил:

— Угу.

— Угу? — повернул к нему ухо завуч. — Что — угу? Как прикажешь перевести это слово на русский язык? Как «да»?

— Угу, — подтвердил в пол Федя.

— Угу, — согласился завуч. — Я понял, что ты к коровам относишься хорошо. А нету ли у тебя, Прохоров, чего-нибудь общего с этими замечательными животными?

— Хэ! — презрительно выдохнул Федя.

— Утверждаешь, нету? — догадался завуч.

— Угу, — сказал Федя.

— Странно, — проговорил завуч. — А ты поднапрягись, Прохоров. Может, что и обнаружишь.

— Ну, — двинул плечом Федя.

— Что — ну? Обнаружил? Что же ты, Прохоров, обнаружил?

— Млекопитающие мы, — прогудел Федя.

— О! — восхитился завуч. — Это уже что-то! Мысль уловил. Ну, а ты, Корнев.

— Я — не, — отрицательно мотнул головой Витя.

— Что — не?

— У меня с ними — ничего.

— С кем — ничего? С коровами?

— С ними.

— Так ты, может, Корнев, вовсе и не млекопитающее?

— Нет, конечно, — решительно отрёкся Витя.

— Угу, — сказал завуч, — понятно. Молоком тебя, Корнев, выходит, никогда не питали и сейчас тоже не питают. Ты питаешься одной жевательной резинкой. Так?

И тут Витя с Федей враз, словно по команде, подняли от пола глаза. Вот оно, оказывается, что! Вовсе, оказывается, никакие и не билеты, а жевательная резинка! Та самая жевательная резинка, с которой у Вити с Федей так ловко получилось в воскресенье.

— Почему одной жевательной? — тихо проговорил Витя.

— Вот и я решил поинтересоваться — почему? — сказал завуч. — И пришёл к выводу: Прохоров жуёт резинку по причине того, что относится к отряду жвачных парнокопытных млекопитающих. А Корнев употребляет её вместо молочных продуктов.

И здесь нотку нарочитой ласковости в голосе завуча как обрезало. Голос завуча сделался жёстким. Голос уже не просто звучал, голос бил.

— Мне стало известно, — больно ударило Витю с Федей по головам,— что сегодня утром вы снабдили весь класс жевательной резинкой. Я хочу знать, где вы её взяли. Я больше не намерен терпеть в своей школе подобных безобразий. В субботу вы сорвали диктовку. Причиной тому была жевательная резинка. И это несмотря на мой катего-

рический запрет и неоднократные предупреждения Светланы Сергеевны. Сколько можно! Прошу вас немедленно объяснить, где вы взяли вот эту жевательную резинку.

Послышался звук выдвигаемого ящика письменного стола. Краем глаза Витя увидел, как завуч положил рядом с перекидным календарём три плоских дольки жевательной резинки. Каждая долька в яркой обёртке — синее море, пальмы и жёлтый ананас. Откуда они попали к нему? Как? Ведь в кармане у Вити лежала точь-в-точь такая же резинка — с морем, пальмами и ананасом. Какой же это предатель завёлся в четвёртом «б»?

— Узнаёте? — спросил завуч. — Или, может, будете отнекиваться? Так где вы взяли эту резинку?

Слова завуча молотом стучали по головам. Они стучали долго и болезненно. Они требовали ответа. Но Витя с Федей стойко молчали. И на этот раз они молчали вовсе не потому, что боялись шестиклассника Васю Пчёлкина. На этот раз к резинке, что лежала у Ивана Грозного на столе, Вася Пчёлкин не имел абсолютно никакого отношения. Вася Пчёлкин не приносил сегодня в школу резинку. Сегодня её принесли в школу сами Витя и Федя.

— Последний раз спрашиваю! — прогремел голос завуча. — Ну! Я ведь так или иначе узнаю. Лучше не толкайте меня на крайнюю меру. Молчите? Что ж, хорошо. Значит, вы сами вынуждаете меня обратиться за помощью в уголовный розыск. Они там быстро разыщут концы.

Иван Грозный протянул руку к телефонному аппарату и ещё раз спросил:

— Ну! Так мне звонить в уголовный розыск или нет?

Глава четырнадцатая

ПЛЮС ЕЩЁ РУБЛЬ

Упоминание завуча про уголовный розыск и особенно его протянутая к телефону рука заставили Витю с Федей дрогнуть. Минута наступила критическая. О том, что друзья находятся на самом краешке падения, свидетельствовала жалобная интонация, с которой они выдавили:

РАСПИСАНИЕ

— Простите нас, пожалуйста, Иван Игоревич. Мы больше, честное слово, никогда не будем.

Однако Ивана Грозного честные слова и жалобные голоса не устраивали. Держа руку на телефоне, он непременно и сию минуту хотел узнать одно: где ребята взяли жевательную резинку. Суровый завуч считал, что зло необходимо рубить под корень.

Но в том-то и заключалась беда, что корень, до которого докапывался Иван Грозный, уходил слишком далеко, в сферу международных отношений. И раскрой ребята ужасный вчерашний конфликт, они сразу опозорили бы школу, родителей и свой родной город на весь земной шар!

А утром в воскресенье всё началось вот с чего.

Это ведь было как раз на другой день после прихода дедушкиного письма и того шумного разговора, который возник у Витиных родителей.

После того шума, в воскресное утро, Витя проснулся от совершенно необычной тишины. Не слышалось ни маминого голоса, ни папиного. И даже радио не играло. Тишина в квартире стояла прямо-таки замогильная. И, проснувшись, Витя сразу догадался, что, по всей вероятности, мама с папой не ограничились тем разговором, который проходил в Витином присутствии. По всей вероятности, когда Витя заснул, мама с папой поговорили ещё. Поговорили, судя по их лицам, как следует. И сказав друг другу всё, что можно было сказать, они теперь наглухо замолчали.

Завтрак на кухне напоминал спектакль по телевизору, когда выключен звук. Папа уткнулся в стакан с кофе и ни разу не поднял глаза на маму. И мама тоже не очень-то глядела на папу.

Кофе папа не допил. Осторожно, стараясь не звякнуть ложечкой, он отодвинул подстаканник со стаканом и тихо чиркнул спичкой. Закурив, папа сразу стал гонять во рту сигарету. Дым струился папе под очки то с правой стороны, то с левой. И папа жмурил то правый глаз, то левый.

Замасленный автомобильный костюм папа тоже надел тихо и молча. И молча отправился возиться с «москвичом».

— Тебе помочь? — осторожно спросил у папы в прихожей Витя.

— Обойдусь, — отозвался папа таким тоном, точно поругался не с мамой, а прежде всего именно с Витей.

Хотя ведь с Витей у папы тоже, считай, испортились отношения — из-за тех самых пароходов и подшипника. И Витя не знал, на кого папа больше сердится: на него или на маму. С одной стороны, ему казалось, что на него. А с другой — на маму.

Папа ушёл к своему «москвичу». А мама, излишне шумя, стала пылесосить полы и протирать сырой тряпкой мебель. Будто вытирать мебель нужно непременно с шумом и грохотом.

— Не суйся мне под руку! — закричала она на Витю. — Чего ты вообще сидишь дома? Иди погуляй!

Если бы мама не пускала Витю гулять, то он бы наверняка всеми правдами и неправдами всё равно вырвался на улицу. Но раз мама гнала его из дому, то у Вити сразу начисто пропало всякое желание даже высовывать нос за дверь. Хотя минуту назад Витя думал как раз о том, что не худо бы было сбегать к Феде.

— Не трогай! — крикнула мама, едва Витя сунулся в сервант, где за стеклом лежала неработающая папина зажигалка-пистолетик.

— Выключи! — приказала мама, едва Витя надавил клавишу радиоприёмника. — И пылесос гудит, и ещё твоё радио тут! Вы что, специально сговорились с отцом надо мной поиздеваться?!

В окна комнаты светило солнце. На паркете разлеглись горячие солнечные пятна. В сверкающем от солнечного лака полу отражались вверх ножками стулья, столики и кресла. Казалось, стулья стоят ножками на других, точно таких же стульях, спрятанных под прозрачным медовым полом.

В прихожей зазвонил телефон. Мама пересекла комнату и сердито рванула трубку.

— Да, я вас слушаю! — сказала мама. И тут же заговорила другим, приветливым и тёплым, голосом: — Здравствуйте, Виктория Михайловна! Что? Да нет. С сыном я тут воюю. Да, да, конечно. Ну что вы! Сделаю точно в срок, как и обещала. Конечно, конечно. Я жду вас. Когда, сейчас? Заходите сейчас. Мы живенько и примерим.

Витина мама работала в Доме мод художником-модельером. Она придумывала новые фасоны женских платьев. Мама рисовала платья на бумаге и раскрашивала их акварельными красками. По этим рисункам закройщики

выкраивали и шили новые модели. Но мама вообще-то шила тоже. И получше любого самого великолепного портного. Но шила она не на работе, а дома. И только для себя и ещё для нескольких своих подруг и близких знакомых. В том числе и для заслуженной артистки республики Виктории Михайловны Русановой, которая пела русские народные песни.

По телевизору Витя много раз слышал Викторию Михайловну. Но слушал он её не из-за того, как она пела. Вите было просто интересно, что он её знает, а её показывают по телевизору.

— Галочка, дорогуша! — заговорила Виктория Михайловна, скинув в прихожей туфли. — В июле я еду с гастролями во Францию. И вся надежда на одну вас. Вы же знаете, что такое французы и как они относятся к тому, в чём артист появляется на сцене. К июлю вы должны мне сшить ещё минимум три платья.

Сочный голос Виктории Михайловны заполнил всю квартиру. Заслуженная артистка расхаживала в капроновых чулках по комнате, как по своей собственной. А мама будто неожиданно оказалась у неё в гостях.

— Мне крайне неприятно, — проговорила мама, булавкой закалывая на талии артистки ещё не законченное длинное чёрное платье,— но я, кажется, этим летом ничего не смогу вам больше сшить.

— Дорогуша! — удивилась артистка. — Что случилось? Или я вас ненароком обидела?

— Нет, что вы! — сказала мама. — Просто у меня так складываются обстоятельства... Мы вчера получили письмо... Кажется, очень скоро в нашем доме не только нельзя будет сшить платье...

Не договорив, мама оглянулась на Витю. Она оглянулась и долго смотрела на него. Витя не видел, как она смотрит, но чувствовал.

От нечего делать Витя просто так сидел на диване. Чтобы не подумали, будто ему интересно, о чём говорят взрослые, он сидел с абсолютно безразличным видом и тоскливо ковырял сломанным карандашом собственное колено.

— Витя, — вздохнула мама, наглядевшись на сына, — посмотри, на улице какая погода! Ну чего ты сидишь дома? Иди погуляй. Возьми помоги папе с машиной.

— Не хочу я гулять, — буркнул Витя. — А папа вон сам... Я ему сказал: «Хочешь, помогу?» А он...

— Ну, я дам тебе двадцать копеек, — сказала мама. — Купишь себе мороженого.

— Двадцать! — хмыкнул Витя. — Чего мы сможем купить на двадцать копеек?

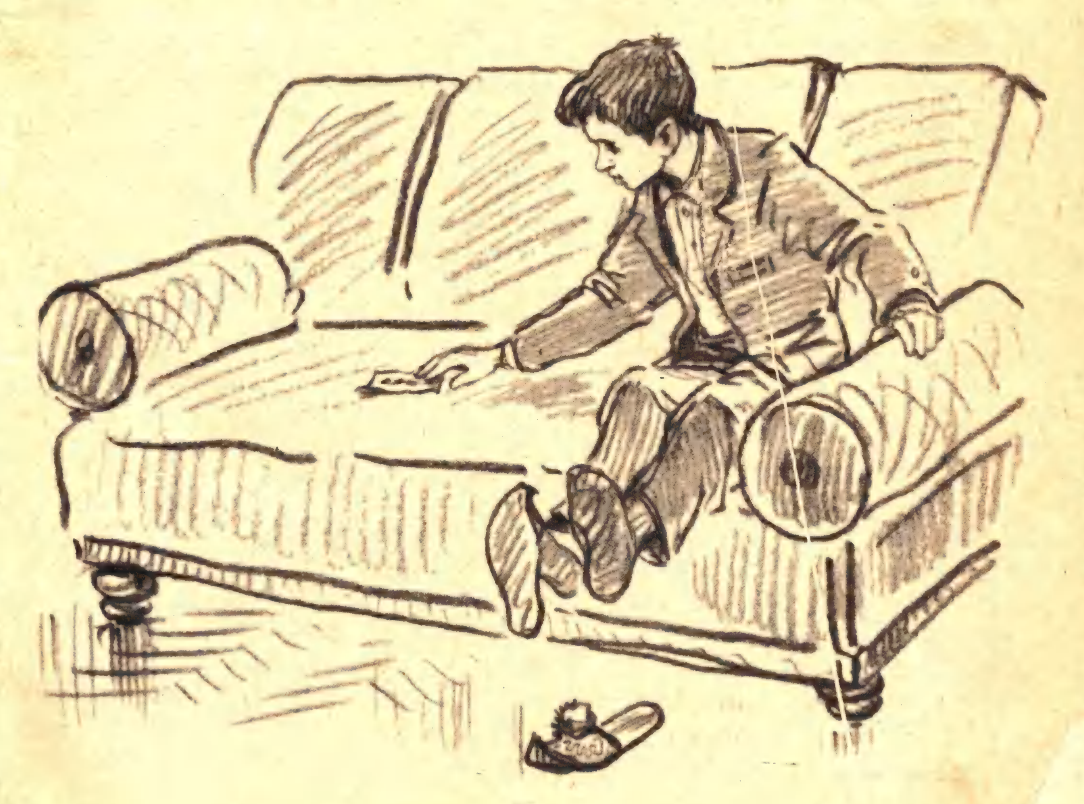
— Кто — мы? — возмутилась мама. — Твой Прохоров, конечно? Но почему я постоянно обязана оплачивать расходы твоего Феди Прохорова?

— Потому что он мне друг, — буркнул Витя. — И у нас с ним всё вместе.

— Сколько? — холодно спросила мама.

— Рубль, — быстро сказал Витя.

Со стороны могло показаться, будто Витя специально сидел и дожидался, как бы вытянуть у мамы этот рубль. Только на самом деле это было вовсе не так. Ещё несколько секунд назад Витя и не подозревал, что наберётся смелости запросить у мамы такую огромную сумму. «Рубль» сам собой соскочил с Витиного языка. И может, причиной тому

был тот, вчерашний дядин Сенин хрустящий рубль, про который мама, кстати, ничего не знала.

— На, — сказала мама. — И чтобы духу твоего тут сейчас же не было.

Так Витя неожиданно заделался сказочным богачом. Он и не помнил, чтобы у него когда-нибудь была такая огромная сумма — сразу целых два рубля!

И перед Витей, естественно, тут же всплыл вопрос: куда поинтересней можно истратить такое богатство? Не на мороженое ведь!

Куда?

И тогда Витю озарила великолепная мысль: а что, если..

Дядин Сенин рубль дал какой-то непонятный внутренний толчок к ещё одному рублю. Вчерашний подшипник родил у Вити ощущение силы и умелости. У Вити появилось желание действовать в том же духе, дерзать. Ещё бы: просто так, из ничего — и на тебе! Никто не мог достать подшипник, а они достали. Дядя Сеня и они.

Не понравилось папе? А кто сказал, что папе не понравилось? Он сам? Так взрослые иногда думают одно, а говорят совсем другое. И тут, кажется, был как раз тот случай.

Витя торопливо набрал номер телефона.

— Это ты, Люба? Приходи давай быстрее к Феде. У меня, понимаешь, тут планчик есть. Один прямо очень интересный планчик. Приходи давай быстрее.

И Витя со всех ног помчался на Дегтярный переулок к Феде Прохорову.

Глава пятнадцатая

РАЗГОВОР С ИНОСТРАНЦЕМ

В тесной Фединой каморке Витя, захлёбываясь от волнения, изложил друзьям свой великолепный план.

— Неужели мы прямо такие уж тюти? — сказал Витя. — Неужели мы хуже Васи Пчёлкина? Ничуть мы его не хуже! Купим значков, и ещё побольше, чем он, наменяем

у иностранцев этой самой жевательной резинки. Что, не наменяем?

Великолепная Витина мысль друзьям понравилась Правда, Люба не выразила особого желания принять участие в задуманном предприятии. Она сказала:

— Очень может быть, мальчики, что мы и наменяем резинки. Только вы уж, пожалуйста, без меня. Вы меня тоже поймите. Представляете, если узнают, чем занимается дочка Агафонова? Представляете? Я вам, конечно, помогу. Но вы уж, пожалуйста, без меня.

Довод Любы прозвучал убедительно. Ну, а Федю Прохорова уговаривать никогда не приходилось. Федя Прохоров понимал толк в истинном товариществе.

Значки купили в газетном киоске. На два Витиных рубля. На свои, Люба сказала, купит после. Если хорошо пойдёт обмен. Зачем раньше времени покупать? Вдруг ничего не получится.

Высокую набережную у пристани в городе называли «бродом». Здесь вечерами гуляли вдоль балюстрады по аллее, обсажённой деревьями, взрослые парни с гитарами и красивые девушки. Вдоль асфальтовой дорожки, у газонов стояли изогнутые садовые скамейки, цементные, покрашенные серебряной краской вазы-урны и такие же серебряные статуи физкультурников и физкультурниц.

У дебаркадера, приткнувшись борт к борту, отдыхали три многоэтажных туристских теплохода. Повисшее над Волгой солнце припекало совсем по-летнему. Многие мужчины поснимали пиджаки. У сундука-тележки с газированной водой толпилась очередь.

Как отличить иностранцев от наших, от советских людей, ребята не знали. Ни у Вити, ни у Любы, ни тем более у Феди никогда не было ни одного знакомого иностранца. Но всё же кое-какими сведениями, почерпнутыми из домашних разговоров, Люба располагала. Усевшись на скамейке рядом с физкультурницей, которая держала в правой руке весло, Люба сказала, что отличить иностранцев от наших не так и трудно.

— По одежде, — сказала Люба. — Они одеваются не по-нашему. И помятые. Гладиться-то им негде. Ещё они седые часто и с очень начищенными ботинками. Папа говорил, что у них прямо какая-то страсть чистить ботинки.

У серебряной физкультурницы на гордо отставленной

ноге кто-то отбил пальцы. На месте большого пальца у физкультурницы торчал кусок ржавой проволоки. Люба вела себя как опытный конспиратор: она давала наставления Вите с Федей, а сама смотрела не на них, а на эту проволоку. Получалось, что она будто вовсе ничего и не говорила Вите с Федей. И даже вообще будто она не имеет к ним никакого отношения.

По аллее прогуливались мамы с детскими колясками и разные другие люди без колясок. Встречались и в помятой одежде. Но не в такой, чтобы очень.

Наконец Витя с Федей увидели человека, которого искали. Нужный им человек застыл у балюстрады, как памятник. Он был высокий, седой и сутулый. Ботинки, правда, блестели не очень, но походили на заграничные. Брюки, вроде, тоже были заграничные — в полоску. Серый пиджак из толстого материала небрежно закинут за плечо. И главное, на шее вместо галстука — шёлковый в горошек платок. И задумчивый взгляд.

Сутулый человек с пиджаком на плече стоял у загородки набережной и с усталой задумчивостью смотрел на Волгу.

— Во! — шёпотом сказал Витя. — Сразу видно, иностранец. Точно, Прохоров?

К задумчивому иностранцу друзья приближались не очень уверенно. Самое сложное заключалось в том, что они не знали ни одного заграничного слова. Как с этим туристом объясняться? Жестами? Васе Пчёлкину было хорошо — он уже два года изучал английский язык. А Витя с Федей должны были начать изучать английский лишь со следующего учебного года, в пятом классе.

— Э-э! — сказал Витя, остановившись в метре от иностранца и протягивая ему значок. — Э-э! М-м?

— М-м? — не понял иностранец.

— М! М! — обрадованно затряс головой Витя.

А Федя для большей выразительности сунул в рот указательный палец, прикусил его и умело показал, как люди жуют.

— О! — удивился иностранец и неожиданно совершенно по-русски сказал: — Вы что, ребята, глухонемые, что ли?

Сначала Витя с Федей на мгновение замерли. А затем дали такого стрекача, словно за ними гналась вся волжская милиция — и сухопутная и речная. Они огибали мам с детскими колясками и ныряли между гуляющими. Они в страхе уносили ноги от неминуемого, как им казалось, готового вот-вот их настигнуть возмездия.

Глава шестнадцатая

СЕМЬ БЕД — ОДИН ОТВЕТ

Унеся ноги на безопасное расстояние, Витя с Федей издали определили, что тревога оказалась ложной. Человек, которого они приняли за иностранца, в погоню за ними не кинулся. Человек с закинутым на плечо пиджаком так и остался стоять один-одинёшенек у ограды набережной.

— Чуть прямо не влипли мы с тобой, — сказал, отдуваясь, Витя.

— А там, смотри, фрукт какой, — пропыхтел в ответ Федя, кивая совсем в другую сторону.

— Где? — не понял Витя.

— Да вон.

На скамье рядом с серебряной физкультурницей сидела Люба. А в метре от Любы на скамье пристроился какой-то незнакомый мальчик.

— Ну и что? — сказал Витя.

— Шишек-банок он захотел, вот что, — пояснил Федя.— Больше он не нашёл, где сесть, да? Что, скамеек, что ли, свободных нету?

Почему Феде вдруг не понравился мальчик, решивший сесть на ту же скамью, что и Люба, Витя и не понял Но дружба есть дружба. В ней вовсе не обязательно понимать всё до конца. Поэтому Витя набычился точно так же, как Федя, и друзья в суровой решимости зашагали к скамье.

— Ты! — грозно произнёс Федя, подойдя вплотную к мальчику. — Тютя! Ты чего тут расселся? Как сейчас двину в лоб по затылку, так и ухи отвалятся. Хочешь?

— Пхи-и! — засмеялась, словно чихнула, Люба.

Она засмеялась, соскользнула со скамьи и удалилась, предоставляя возможность Вите с Федей наедине выяснить отношения с незнакомым мальчиком.

Когда человек идёт в наступление, он сначала сам себя внутренне распаляет. Придумывает причину и напускает на себя побольше злости. Федя за одну минуту распалил себя больше некуда. С Федей последнее время вообще творилось нечто странное. До Любы в его присутствии и пальцем было не дотронуться. Чуть что, Федя мгновенно набычивался и лез защищать Любу. Хотя Люба вовсе и не нуждалась ни в чьей защите.

На этот раз Федю ещё плюс ко всему раззадорило то, что мальчик попался какой-то странный: глаза трусливые, а сам не уходит. Сидит и молчит. Но если ты не уходишь, то давай тогда померяемся силами. Однако мальчик и силами меряться не желал. Федя ткнул его кулаком в плечо, но в ответ получил лишь жалобную улыбку. Жалобную и беспомощную. И тогда Витя, как более разумный и спокойный, не бросающийся ни с того ни с сего защищать девчонок, сказал мальчику по-хорошему:

— Послушай, ты, отдохнул тут немного на скамеечке и теперь давай прямо быстренько кукарекай отсюда. Пока ты жив, здоров и прямо не получил насморка.

Другой бы на месте мальчика, попав в подобную ситу-

ацию, с радостью воспользовался бы Витиным советом и быстренько укукарекал. Но этот, с испуганными глазами, не шелохнулся. Сидел себе и с нахальной жалобностью улыбался. Он явно, на зло Вите с Федей, демонстрировал свою отвагу.

— Тебе что сказано? — совершенно начал выходить из себя Федя.

Никакой реакции.

— Сейчас ведь и в самом деле получишь, — несколько растерявшись от столь несгибаемого упорства, в последний раз предупредил Федя.

Результат оказался тот же.

И тогда Федя, чтобы окончательно не потерять к самому себе уважение, сгрёб в охапку молчаливого нахала. Обнявшись, они клубком покатились на зеленеющий газон. Сверху, навалившись медведем, сразу оказался Федя. Мальчишка отбивался слабо. И Федя случайно заехал ему по носу. Он даже и не заметил, как заехал. Но на верхней губе у мальчишки сразу расплылась красная клякса.

Однако опомнился Федя лишь тогда, когда сквозь всхлипывания и тяжёлое пыхтение соперника прорвались какие-то непонятные слова. Слова прозвучали явно не по-русски. И Федя, застыв на четвереньках, оторопело уставился на противника. Мальчик сидел, неуклюже подвернув под себя ноги. Он прерывисто дышал и всхлипывал.

— Ты... — проговорил Федя, — этот самый? Турист... что ли? Иностранец?

— Иес, — обиженно закивал мальчик, размазывая под носом красное.

— Витя! — ужаснулся Федя. — Мы же с тобой... А он, оказывается, и не наш вовсе.

— Мы! — передразнил Витя. — Не наш. Я его и пальцем не тронул, твоего не нашего. Ты видел, чтобы я его трогал? Что ты вообще-то на него кинулся?

Ребята с чрезвычайной осторожностью подняли с травы пострадавшего. Со всех сторон его отряхнули и пригладили. Витя даже хотел ему своим собственным платком под носом вытереть. Но мальчик не дал, чтобы ему вытирали под носом чужим платком.

— Ты только не обижайся на нас, — говорили иностранцу Витя с Федей, прихорашивая его. — Мы ведь не знали. Сидишь тут прямо... Ты не обиделся?

Им показалось, что он всё-таки обиделся. И тогда Витя вспомнил про значки. Витя выгреб их из кармана и насыпал в ладонь пострадавшему. Все значки, что у него были. На все два рубля.

— Держи, — бормотал Витя. — На память. Держи, держи. Не стесняйся.

Робко покивав, мальчик что-то по-своему сказал и убежал вниз к пристани. Вроде он больше не обижался. Он даже немножечко улыбнулся.

А Витя с Федей переглянулись и решили, что нужно срочно смазывать пятки. Пока обошлось всё более или менее благополучно.

И они бы, разумеется, удрали подальше от опасного места.

Их подвела Люба. Она куда-то намертво запропастилась. Витя предложил бежать без Любы. Но Федя — ни в какую. Мало ли что с Любой могло случиться, считал Федя. Раз сюда пришли вместе, значит, и отсюда вместе.

Бросились искать Любу. Туда, сюда — нету.

И вдруг на Витино плечо молча легла рука. Витя оглянулся и обмер. Перед ним стоял иностранный мальчик. Стоял и с застенчивой улыбкой протягивал Вите цветную, точь-в-точь из-под конфет, коробочку. Витя сначала так и подумал, что это конфеты.

Под носом у мальчика было уже сухо. И ничто в нём даже не намекало на недавнюю потасовку. А на коробочке с непонятными надписями ярко синело небо и желтели роскошные ананасы.

— Да не нужно нам! Зачем?— хором отнекивались сконфуженные Витя с Федей.

Но мальчик не стал их слушать, сунул Вите в руку коробочку и убежал. В коробочке оказалось пятьдесят долек жевательной резинки.

Куда её было девать? Жевать самим? Так это на троих на целый год. Да и очень уж хотелось похвастать в классе, как у них здорово получилось с иностранцем. Но похвастать и не принести резинку — кто же поверит их рассказу. Ясно же, скажут: враки.

Они — не Вася Пчёлкин. Они принесли в класс резинку просто так, без всякого обмена и какой-нибудь личной выгоды. Они раздали каждому по дольке. А некоторым досталось даже и по две.

Кто из класса их предал, неизвестно. Только с третьего урока Витя с Федей попали на эшафот. И вот теперь рука Ивана Грозного терзала телефон.

— Та-ак,— устало протянул наконец Иван Грозный, убирая руку с телефона. — Крепкие вы, я смотрю, ребята. За такими — как за каменной стеной. Ладно, сдаюсь. Но чтобы две договаривающиеся стороны могли найти общий язык, каждая из сторон должна пойти друг другу навстречу. Я готов уступить. Я обещаю: всё, что вы мне сейчас сообщите, останется строго между нами. Никто ни о чем не узнает, и вам ничего не будет. Устраивает? Отвечайте, где вы взяли резинку? Ну!

За окном кабинета нудно шелестел дождь.

— Где?

У Вити от напряжения взмокла спина. Ещё немного такой пытки, и он бы наверняка не выдержал. Он и так не сдавался лишь из-за Феди. Был бы один, давно рассказал о необыкновенном воскресном происшествии. Тем более, что завуч пообещал, что им ничего не будет. Но не станешь же

выдавать Федю. Ведь это Федя, а не Витя, набросился на того мальчика. И по сути дела резинка появилась только благодаря Феде. Значит, Феде и говорить. А если он не хочет, то, значит, не хочет.

— Где? Молчите? Хорошо, я вам помогу. Думаете, я не знаю, где вы её взяли? Знаю, но хотел услышать это от вас самих.

Витя с Федей переглянулись.

— Ну! — сказал завуч.— Снова Пчёлкин из шестого «а»? Так?

Может, Федя слишком резко нагнул голову? Или он сознательно кивнул? Витя же отлично видел, как Федя кивнул. И завуч, разумеется, видел тоже. И понял Федин кивок так, как нужно.

— Ладно, — заключил завуч, — будем считать, что вы мне ничего не говорили. Отправляйтесь на урок.

Они молча побрели обратно по пустому коридору. А возразить Ивану Грозному, сказать: «Нет, это совсем не Вася Пчёлкин» — Витя почему-то не смог. Наверное, потому, что не хотел подводить Федю. Раз Федя кивнул, значит, решил кивнуть. Чего же Витя будет возражать? Один, выходит, кивает, другой — возражает. Так, что ли? И потом, завуч твёрдо заверил: никто ничего не узнает. Чего ж тут возражать, раз никто ничего не узнает?

А Васе Пчёлкину всё равно за семь бед один ответ. Сколько он уже перетаскал в школу этой самой жевательной резинки! И не сосчитаешь, сколько! Почему же теперь отвечать сразу должны Витя с Федей. Всего-навсего один-единственный разочек принесли — и сразу отвечать. А Васе Пчёлкину хоть бы хны!

Глава семнадцатая

МОЖНО ЛИ ВРАТЬ МОЛЧА?

Наверное, нету ничего хуже на свете, чем предательство. Предатель — самый гадкий и противный человек на свете. Вот кто, интересно, побежал и накляузничал Ивану Грозному на Витю с Федей? Они тому человеку доброе дело

сделали, просто так резинку ему дали, а он побежал докладывать завучу.

Узнать бы, кто этот предатель, — ух, Витя бы ему с Федей!

А если Пчёлкин узнает, как получилось в кабинете у завуча?

Но ведь Федя ничего и не сказал про Васю Пчёлкина, только кивнул. Всего лишь навсего кивнул головой. Молча.

Выходит, Федя не наклеветал на Пчёлкина?

Или всё равно наклеветал?

Может, клевета и предательство — как те пароходы? Там ведь всё равно — на минуту ты опоздал или на час, пароход так и так ушёл.

А тут ещё Люба!

Со своими вопросами!

Не успели Витя с Федей вернуться в класс и сесть за парту, как Люба сразу зашептала им в спину:

— Как, мальчики? Иван Грозный очень ругался из-за билетов? Да? Очень?

А ведь если вдуматься, то во всём случившемся была виновата прежде всего Люба. Одна она! Это ведь она придумала с билетами на москвичей. Не Витя ведь. И не Федя. Началось с билетов, а там и поехало — и подшипник, и деньги за него, и жевательная резинка...

На уроке, как известно, положено заниматься делами, а не болтать постороннюю болтовню. И не шептаться. Поэтому Витя ничего не ответил Агафоновой. И Федя, между прочим, тоже сидел молчком, надувшись, словно сыч. У Феди был такой вид, точно это Витя кивнул завучу, а не он сам.

На переменке Люба прицепилась к Вите со своими вопросами, как липучка. И Витя в конце концов не выдержал и взорвался.

— Что тебе от меня нужно-то?! — заорал Витя. — Тоже мне великая доставательница! Это всё, если хочешь знать, только из-за тебя одной! Только из-за тебя! Да ты...

Больше Витя ничего не сказал Любе, только «да ты». Потому что Витя вовремя увидел Федино лицо и почувствовал, что больше ничего говорить нельзя. На Федином лице это было очень ясно написано.

И ещё Витя почувствовал, что ему не только дружить,

ему даже противно смотреть на своих вчерашних друзей — и на Федю, и на Любу.

Домой после уроков Витя принял твёрдое решение идти один, без всяких там разных попутчиков, от которых сплошные неприятности.

Однако одному — у него не получилось. После уроков Витю неожиданно остановил в скверике возле школы дядя Андрюша. Любу с Федей он остановил тоже. Каждого порознь. Потому что Люба с Федей, как ни странно, тоже шли отдельно.

Вид у дяди Андрюши был какой-то не такой, как всегда. Не очень-то улыбчатый.

— Что это вы сегодня все по одному? — спросил дядя Андрюша. — Настроение плохое? Ну, я вам сейчас его ещё немножечко испорчу. Разговор у меня есть к вам серьёзный.

Усадив ребят на мокрую скамейку, дядя Андрюша сел сам. Он, видно, не знал, с чего начать.

Дождь уже кончился, но небо ещё хмурилось. Низкие облака, похожие на грязную воду после стирки, со всех сторон обступили город. Лишь далеко за Волгой, у самого горизонта, светилась узенькая полоска зеленовато-чистого неба. Телевизионная мачта на Вознесенье стояла по пояс в серой мути. С маленьких клейких листочков на молодой липе изредка срывались капли.

— Зачем вы меня обманули, ребята? — сказал дядя Андрюша. — Ведь ты, Люба, взяла билеты на концерт не у мамы с папой. Зачем же вы так? А?

— Почему не у мамы с папой? — спокойно спросила Люба и посмотрела на дядю Андрюшу чистыми голубыми глазами. Глаза у неё стали даже какие-то грустные.

От Любиного грустного взгляда дяде Андрюше сделалось совсем не по себе. Он заёрзал на скамейке и сказал:

— Так ведь... Вы что, в самом деле, ребята? Тётка-то Клава Сыромятникова, у которой вы билеты доставали, моя родная тётя. Она вам контрамарки в служебную ложу дала. А вы... «Пропадают билеты... мама с папой всё равно не пойдут...» Убейте, ничего не понимаю. Зачем? Для чего?

— Для того, — хмыкнула Люба, — что у вас, оказывается, дяденька Андрюшенька, родная тётя в театре работает, а вы не можете Светлане Сергеевне билет на концерт достать. Иван Игоревич достаёт, а вы не можете.

— Люба! — воскликнул дядя Андрюша. — Да при чём тут Светлана Сергеевна? При чём тут Иван Игоревич? И вообще не рановато ли вам, ребятки, совать свой нос туда, куда не следует?

— Когда мы вам билеты принесли, — заметила Люба,— вы этого небось не говорили.

Она неторопливо спустилась со скамейки, провела ладошкой по тёмной от дождя доске.

— Мне домой пора, — сказала она. — Времени уже много. Меня мама ждёт обедать. И сыро тут. Простудиться тут можно. До свиданья.

Чуть кивнув головой, Люба медленно повернулась и ушла.

— До свиданья, до свиданья, Люба Агафонова, — задумчиво проговорил ей вслед дядя Андрюша. — Спасибо тебе за билеты, Люба. Я про них долго помнить буду.

Ветер пробежал по молодой липе, стряхнул с неё крупные капли воды. Дядя Андрюша вытер каплю со щеки и сказал:

— Совершенно не переношу вранья. По мне, кажется, хуже нет зла на земле, чем ложь. Я потому и с тёткой своей не хочу иметь ничего общего, что она лгунья и лицемерка. У неё же на лице написано, что она всё время думает одно, а говорит другое. Ей это представляется обязательным качеством культурного человека. Что же я к ней за билетами пойду? Я уже год, как с тёткой не встречался. Билеты, посмотрел, у нас со Светланой в служебную ложу. Но я ведь думал... Агафонов... Открываю дверь в ложу — здрасте! Любимая моя тётушка. Еле высидели первое отделение. Я бы за ложь не знаю что делал! И ведь самое обидное в чём. Когда такие, как моя тётка, которые, по сути дела, уже своё отжили, ещё куда ни шло. Но когда с пионерскими галстуками на груди...

— Так мы, дядя Андрюша, — тихо сказал Витя, — вовсе с Федей и не врали вам ничего.

— Не врали? — удивился он. — Как не врали? Или, может, у Любиных родителей действительно были билеты? А Любе их не дали — и вам срочно пришлось выкручиваться? А? Так?

— Нет, не так, — покачал опущенной головой Витя. — У Любы не было билетов. Но мы с Федей не знали. Мы же молчали. А Люба всё придумала, чтобы...

И Витя рассказал, как получилось с билетами, про «вопросы по методике» и про всё остальное.

— Получается, для моего блага врали, — проговорил дядя Андрюша. — И врала одна Люба. Вы — нет. Потому что молча врать нельзя. Так получается?

— Но мы же не знали, — напомнил Витя.

— Сначала, быть может, и не знали, — согласился дядя Андрюша. — А потом, когда у тёти Клавы билеты клянчили? Когда мне их отдавали, и якобы они — Любиного папы? Молчали? Но не кажется ли вам, что врун не только тот, который говорит неправду? Не кажется ли вам, что врун и тот, который молчит, когда врут рядом с ним и от его имени?

— Кажется, — прогудел в ответ Федя, не поднимая глаз. — Ясное дело, мы и есть самые первые вруны. Ещё хуже, чем Люба. В сто раз хуже, чем она.

— Почему же в сто-то? — не понял в свою очередь дядя Андрюша. — Ведь у вас действительно вроде Люба заводилой была.

— Потому, — сказал Федя, — что она девочка. И ещё потому, что когда про человека говорят плохое, а его тут нету, так это вообще...

— Что — вообще? — сообразив, в чей огород кинут камень, спросил Витя. — Получается, я про неё тут наговариваю. А ты не наговариваешь. Ты сразу в защитничках оказался.

— Ясно, наговариваешь, — прогудел Федя.

— Ах, так! — возмутился Витя. — А ты сам у Ивана Игоревича что сегодня в кабинете сделал? Защитничек! «Когда про человека говорят плохое, а его тут нету...»

— Что я сделал? — насупился Федя.

— Ничего! — закричал Витя. — Справедливый какой нашёлся!

У ребят, кажется, назревал конфлит. Но дядя Андрюша быстро притушил его и расставил всё по своим местам.

— Будет вам! — цыкнул он на ребят. — Будет! Ишь мне тоже. Оба, выходит, виноваты, раз друг на дружку кидаетесь.

Но почему это, интересно, оба? Почему? Разве Витя был в чём-то хоть капельку виноват? Хоть на самую маленькую капелюшечку?

Глава восемнадцатая

ПОЧЕМУ УХОДЯТ ПАРОХОДЫ

В четвёртом классе беды забываются быстро. Уже на другой день после того неприятного разговора с дядей Андрюшей как-то так само собой получилось, что друзья вновь отправились из школы вместе. До Дегтярного переулка Витя, Люба и Федя добрели молча. А у водоразборной колонки Федя сказал:

— Зайдём?

И Люба с Витей взяли и молча пошли к кособокому Фединому дому.

Под окном Фединой каморки цвела старая вишня. Она загораживала свет. И в каморке стоял полумрак.

— Зажечь? — сказал Федя, посмотрев на лампочку под потолком.

Ему не ответили. И он не стал зажигать. Зачем? За окнами весна. Теплынь. Солнце вовсю. А тут... лампочка.

В каморке слева у стены вместо стола — верстак. Армии разноцветных пластмассовых солдатиков расположились по обе стороны верстака, на потёртых временем голых досках. Одна армия с одной стороны, другая — с другой.

Витя с Федей быстро привели в полную боевую готовность все средства нападения. Средств нападения не так уж и много — две пушки.

Стволы орудий грозно наведены на врага.

Всё, как всегда.

Готово? Трах, бах! Поехали!

Пушки у Вити с Федей одинаковые. Пружинки в стволах равной силы. Только Витя стрелял из своей пушки красным карандашом, а Федя — синим. Чтобы не перепутать. Вставишь в ствол карандаш, оттянешь пружинку, прицелишься:

— Трубка сто восемнадцать! Прицел двадцать четыре! Огонь!

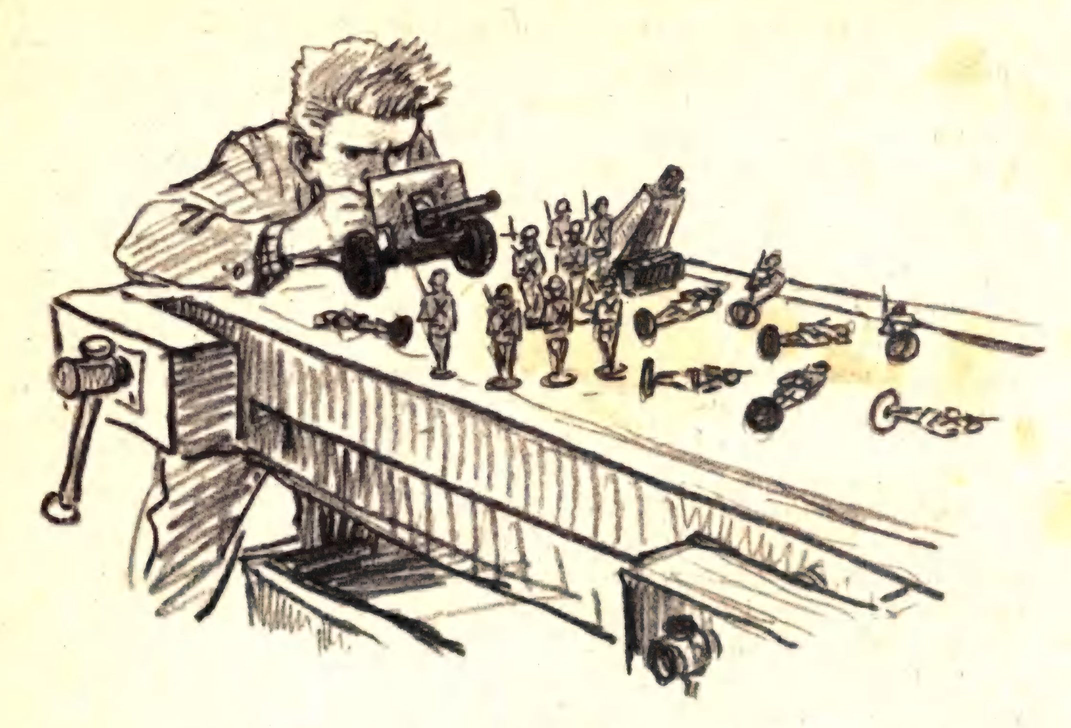
Бац! Несколько солдатиков лежат. Которые лежат, считаются убитыми. Всех упавших — в медсанбат, к главному врачу фронта Любе Агафоновой. Она — один врач на две воюющие стороны. Медсанбат один и главный врач — один. Люба справлялась одна на два фронта.

И ещё: на два фронта — один полевой телефон. Телефоном пользовались по очереди. И всегда, по Фединому настоянию, начинала Люба. Она сообщала по телефону о количестве убитых и раненых, отправляла на фронты пополнение.

— «Первый»! — крутила она ручку телефона. — Вы меня слышите, «Первый»? Принимайте пополнение. Вылеченные бойцы возвращаются в строй.

— Говорит «Первый»! — гудел в трубку Федя Прохоров. — Приказываю стоять до последнего! Ни шагу назад! Патронов и снарядов не жалеть!

Витя не придерживался телефонной конспирации. «Первый», по Витиному мнению, звучало не очень. «Командующий фронтом» звучало лучше.

— На проводе Командующий фронтом! — прижимал Витя трубку к уху. — Слушай мой боевой приказ. Усилить артиллерийскую подготовку. Приготовиться к решительной атаке.

Пушка у Вити была наведена точно на цепь только что вылеченных бойцов. Трах! Красный карандаш ворвался в цепи врага. Пять солдатиков полетели вверх тормашками. А каждый солдатик — целый полк.

— Товарищ Командующий фронтом! — закричал сам себе в трубку Витя.— Докладывает начальник разведки. По нашим оперативным данным уничтожено пять полков противника.

— Не пять, а четыре, — поправил Федя, ставя на ноги одного почти совсем свалившегося солдатика.

Солдатик почти совсем свалился. Если бы не стоящая рядом секретная баллистическая ракета — флакон из-под одеколона «Красный мак», — он бы обязательно упал. Но ракета ему помешала упасть. Он на неё как бы немножечко прилёг. Витя так об этом и сказал. И почти совсем спокойно сказал. Однако Федя всё равно тут же Вите возразил. Он никогда не мог, чтобы не возразить.

— Она ему не помешала, — возразил Федя. — Она его спасла.

Когда Витя с папой не попали прошлый раз в цирк, получилось примерно так же. Федя из-за ничего сразу полез в спор. Прямо никакой с ним не было возможности. Федя полез в спор, а Витя с папой опоздали на теплоход.

— Да упал же твой солдатик! — возмутился Витя. — И совсем бы свалился, если бы не пузырёк.

— Какой пузырёк? Баллистическая ракета, — сказал Федя. — Солдатик чуть-чуть упал, а не совсем. Он вот так стоял. Видишь? Вот так, боком.

— А чуть-чуть у нас не считается, — полезла на защиту Феди Люба. — У нас считается, когда совсем.

— Чего чуть-чуть-то?! — заорал Витя. — Он у вас, выходит, чуть-чуть умер, а не совсем? Да? Так не бывает! Пароходу не важно, на сколько ты опоздаешь — на минуту или на час. Пароход всё равно уйдёт без тебя. Пароходу чихать, что ты опоздала чуть-чуть.

— Разве пароходы умеют чихать? — сделала очень удивлённый вид Люба. — Скажите пожалуйста. Вот не знала.

— При чём тут «чихать»? — взвыл Витя. — С вами же совершенно невозможно разговаривать! Так не бывает, чтобы люди умирали чуть-чуть! Поэтому, раз он упал, значит, считается!

— Люди сколько хочешь умирают чуть-чуть, — словно какая-нибудь учительница, умным голосом пояснила Люба. — Ты просто, Корнев, ничего не понимаешь. Боец был на грани смерти, но мы в госпитале применили все средства и спасли его. А опоздать, между прочим, очень даже можно чуть-чуть. Зачем сразу — пароходы? В кино, например. В кино сколько хочешь можешь опаздывать, и ничего особенного не случится. Ну, не пустят на журнал. Так я как раз и не люблю журналов. Я только настоящее кино люблю.

Вот и поговори после этого с Любой! Витя ещё не помнил случая, чтобы она когда-нибудь хоть на чём-то споткнулась и сдала свои позиции. Она вон даже с дядей Андрюшей полезла спорить и не пожелала ни в чём признаться. Но ведь про чуть-чуть-то она была совершенно неправа!

— Выходит, и... — Витя стал лихорадочно подыскивать подходящий пример, чтобы хоть раз да сразить Любу, — ну и... потонуть, по-твоему, значит, можно чуть-чуть?

— Ясно можно, — пхикнула Люба. — Человек утонул, а его вытащили из воды, откачали, и он снова живой..

— Может, тогда и украсть можно чуть-чуть?! — совсем вышел из себя Витя.

— Конечно, — подтвердила Люба. — Тысячу рублей украсть — это много, а рубль — это чуть-чуть.

Нет, Витя совершенно не мог разговаривать с Любой. Он всем своим существом чувствовал, что она неправа, а как доказать это, не знал. Любе что ни говори, она всегда находила отговорки.

— Да я же вовсе не про такое чуть-чуть! — не своим голосом взвыл Витя. — Ты отлично понимаешь, про что я говорю! Ты совсем врунья, Люба! Ты всё время врёшь! Я бы за такое враньё, как и дядя Андрюша, не знаю что делал! Я бы...

— Погоди, Витя, — примирительно сказал Федя. — Ну, погоди. Что ты кричишь? Ведь солдатик-то действительно не совсем упал. Вот посмотри, как он упал. Посмотри. Видишь — как. Не совсем, а чуть-чуть.

— Ничего я не хочу смотреть! — замахал руками Витя. — Сговорились?! Вдвоём против одного сговорились! Вы очень прямо прекрасно сговорились с Любой, Федя Прохоров! И поэтому у вас чуть-чуть и не считается. У всех людей считается, а у вас — нет. Зачем же ты тогда, интересно, Прохоров, сказал дяде Андрюше, что ты врун ещё похуже, чем Люба? Зачем? А потому, что ты действительно ещё похуже врун!

— Я сказал, что не я врун, — просопел Федя, — а мы с тобой. Ты и я.

— Ха-ха! — засмеялся Витя. — Ты и я. Почему это: ты и я? Ты меня, пожалуйста, к себе, Прохоров, не пристёгивай! Я совершенно не такой врун, как ты. Жалко, дядя Андрюша не знал, что ты ещё и на Васю Пчёлкина наврал. И тоже всё так же потихонечку, молча.

— Я наврал? — сунул куда-то под мышку нос Федя. — Когда же я наврал? Это как раз ты ему наврал. Иван Грозный спросил про Пчёлкина, а ты сразу ему и кивнул.

— Кто... кивнул? — совершенно изумился Витя.

— Ты, — сказал Федя. — Он спросил, а ты кивнул. Я ещё

удивился: чего это ты вдруг киваешь? Сам притащил в школу резинку и сам киваешь.

— Я кивнул?! — задохнулся от бешенства Витя.— Врёшь ты, Прохоров! Это ты кивнул! Ты!! Знаешь, кто ты такой после этого?

— Кто? — угрюмо поинтересовался Федя.

— Знаешь прямо кто?

— Ну, кто?

— Ты... — дрожащим голосом проговорил Витя, — ты прямо совсем нечестный человек, Прохоров. Ты ещё больше врун, чем сто тысяч Люб. Мне с тобой не то что играть в солдатиков, мне с тобой и разговаривать совершенно противно.

— Да? — снова со своим неприятным смешком всунулась Люба. — Скажите пожалуйста! Ему противно! А нам, думаешь, с тобой не противно? Нет, Корнев, нам ещё в миллион раз с тобой противнее. Даже в сто тысяч миллионов раз.

Глава девятнадцатая

ТИЛИ-ТИЛИ ТЕСТО!

Ссора — это как с горки кататься. Если помчались санки, пока до самого низа не доедешь, не остановиться.

Вите показалось, что они с Федей сказали друг другу всё. Точь-в-точь, как тогда мама с папой, когда пришло письмо от деда. Сказали и доехали до самого низа. Дальше некуда.

Но оказалось, что можно и дальше.

Обычно, когда Витя с Любой шли домой, Федя отправлялся их провожать. Чаще всего — до водоразборной колонки.

На этот раз Федя отправился тоже.

Когда Витя вдоволь накричался и схватил портфель, Люба засобиралась тоже. И пошла следом за Витей. А сзади — Федя. Но Федя, наверное, больше просто так пошёл, по привычке. Или, может, он испугался, что Люба без него не отыщет дорогу? Кто их знает, этих Любу с Федей!

У водоразборной колонки на углу Дегтярного переулка ребята, словно по команде, остановились. Встали и стояли, надутые и недовольные. Стояли и, переминаясь, сердито смотрели в разные стороны.

Даже Федя с Любой и те почему-то смотрели в разные стороны. Хотя только что изо всех сил защищали друг друга.

Люба смотрела вниз, на Волгу. Федя — вверх, на Вознесенье. Словно любовался высотными домами. Или галок там считал.

В лужу из широкого чугунного носа колонки текла тонкая струйка. Вода в луже рябилась, и под ней, на песке, чисто отсвечивали обточенные кирпичные кругляши и зелёные бутылочные осколки.

У металлического, покрашенного серой краской плоского шкафчика, приделанного к глухому торцу дома, возился парень с отвёрткой. Наверное, телефонный мастер. Витя смотрел на телефонного мастера. Смотрел и слышал, как журчит в лужу струйка воды.

Дверца металлического ящичка была открыта. Внутри

шкафчика — сотни разноцветных проводов. Парень поколдует в винтиках отвёрткой и — к уху телефонную трубку. А трубка просто так, без ничего. Внизу трубки болтается провод с раздвоенным, как язык у змеи, концом. Парень приложит концы провода к клеммам и говорит в трубку:

— Тамара, это я. Хорошо слышно? Есть, заметано: Карла Маркса, четыре, квартира восемь. Лады.

Трубку опустит и снова колдует отвёрткой.

Кажется, Федю тоже заинтересовали металлический ящик и телефонный мастер. Потому что Федя вдруг сказал:

— Нам, наверное, скоро квартиру дадут. У нас дом совсем уже в угрожающем положении. Вчера приходили из райисполкома и говорили. Сказали, недели через две и переселят. Может, тогда нам тоже телефон поставят.

— А ваш дом куда? — спросила Люба.

— Куда. Сносить будут.

— Жаль, — сказала Люба. — Такой каморки, как у тебя, нам уже больше нигде не найти. Если твой дом снесут, где же мы тогда станем наши вещи хранить?

— Придумаем что-нибудь, — сказал Витя, глядя на телефонного мастера.

— А ты, Корнев, помолчи, — грубо отрезала Люба. — С тобой, Корнев, вовсе никто и не разговаривает. Что ты вообще-то за нами прицепился? Тебя звали? — И передразнила: — Чуть-чуть!

Интересно, кто это к кому прицепился? Витя, что ли, к ним прицепился? Но Витя сдержался и ничего Любе не ответил. Он лишь покосился на врунью Любу и снова уставился на телефонного мастера.

Повернуться бы тут Вите да топать от греха подальше домой! Нет, прирос у колонки и стоял. Прямо будто его канатом привязали.

Ну чего Витя стоял? Что его держало? Стоял и стоял, будто никогда ничего интереснее телефонного мастера и не видел.

Но телефонный мастер ещё раз поговорил с Тамарой в трубку с раздвоенным, как язык у змеи, концом, сказал «лады», закрыл дверцу шкафа на ключ и, прихватив чемоданчик, двинулся дальше по своим телефонным делам.

Мастер ушёл, а Витя опять остался. Прирос к месту и молчал.

И Люба с Федей молчали тоже.

Однако Люба не умела долго молчать. Растягивая слова, точно певица Виктория Михайловна, Люба, наверняка специально назло Вите, сказала с чрезвычайной ласковостью в голосе:

— А правда, Федя, Иван Игоревич, если вдуматься, всё-таки лучше дяди Андрюши? Правда, лучше? Он строгий, но зато культурный. Иван бы Игоревич никогда небось не стал говорить таких слов про свою родную тётю. И нам, если бы мы достали ему билеты, не стал ничего выговаривать. Правда, Федя, не стал бы? Правда?

Правда это или неправда, Федя ответить не успел. За Федю ответил Витя. При помощи портфеля. Портфель в Витиной руке сам собой взлетел в воздух и опустился точно на Любину голову. Портфель высказался сразу за всё: и за враньё, в которое Люба насильно завлекла Витю, и за дядю Андрюшу, которому Люба с такой лёгкостью изменила, и за чуть-чуть, и за «с тобой, Корнев, вовсе никто и не разговаривает».

— Дурак! — закричала Люба, не успев увернуться от Витиного портфеля. — Ты что, не знаешь, что по голове стукать нельзя?! От этого поглупеть можно!

— А тебе, Агафонова, всё равно уже больше некуда глупеть, — осадил её Витя.

Осадил и едва не свалился с ног от мощного удара в грудь. Это молчком пустил в ход свои чугунные кулаки Федя.

Где уж Вите было тягаться с Федей!

Но в то же время хорошо известно, что в бою всегда побеждает справедливость.

Витя считал, что, приняв Федин вызов, он бьётся за правду. Он лишь не знал, что Федя со своей стороны был тоже твёрдо убеждён, что отстаивает не кривду. И Федя в какой-то мере был прав. Хотя бы в той, что за его спиной стояла девочка.

Приняв боксёрскую стойку, Витя с Федей как и полагается настоящим бойцам, затоптались друг перед другом, примериваясь, куда нанести решающий удар. А Люба в это время, отбежав в сторону, пустила на полную силу свой ядовитый язык.

— Гадина поганая! — закричала Люба. — Ты, Корнев, хуже всех! Ты даже хуже Васи Пчёлкина! У тебя никакой

благодарности! Точно, как у твоего дяди Андрюши! Мы столько для вас сделали, а ты...

— Что сделали? — удивлённо оглянулся на Любу Витя. — Какой ещё благодарности!

Он оглянулся, но одновременно не выпускал из виду и Федю.

— А не сделали?! — закричала Люба. — Для всей вашей семьи сделали! Мои мама и папа! Да вы только благодаря нам...

И тут Люба закричала такое... Она даже не то что закричала. Она прямо завизжала, будто зарезанная. Она завизжала такое, что даже у Феди опустились кулаки.

— Если бы не мой папа, — завизжала на всю улицу Люба, — так бы вам и дали квартиру на Вознесенье! Так бы и дали! Дожидайся! А что у тебя за это вместо благодарности?! Что?!

— Погоди, Люба, при чём здесь твой папа? — страшно удивился Витя.

— А при том! — крикнула Люба. — При том при самом!

— Но мы, Люба, к твоему сведению, — сказал Витя, — получили квартиру вовсе без твоего папы.

— Прямо так и без моего? — ехидно поинтересовалась Люба.

— Представь себе, — заверил Витя. — Наш дом пошёл на капитальный ремонт, и мы получили новую квартиру.

— Ты так думаешь?! — закричала Люба. — На капитальный! У всех идут на капитальный! Да не все попадают на Вознесенье! Твоя мама шьёт больно хорошо. Вот поэтому вы и попали вместе с нами. Чтобы твоя мама шила моей маме платья.

— Врёшь! — заорал Витя. — Мы с вами раньше и знакомы-то не были! Не то что шить. Ты, Агафонова, прямо совершенно не можешь, чтобы не врать! И сейчас ты тоже самым нахальным образом врёшь!

— А вот сейчас я вовсе и не вру! — затрясла вытянутым в Витину сторону лицом Люба. — Ты сам знаешь, что все квартиры в городе распределяет только мой папа. Все! Без него ни одной квартиры никто не может дать.

— Врунья! — кинулся за Любой Витя.

— А вот и нет! — взвизгнула она.

Витя не догнал Любу. Впрочем, он и не очень старался.

Что с ней делать, с папенькиной дочкой, если её догонишь? Что? Вон она как запела про своего папу.

Повернув, Витя побрёл обратно к колонке. Он повернул лишь затем, чтобы забрать свой портфель, брошенный на землю, когда началась драка.

У водоразборной колонки стоял мрачный Федя. Федя стоял и мрачно смотрел на тонкую струйку, журчащую из чугунного раструба в лужу. Прозрачная струйка завивалась винтом.

— Я думал, ты мне друг, Прохоров, — тяжело вздохнул Витя. — А друг — это который всё по справедливости. Но ты, оказывается, сам прямо последний врун. И за врунью заступаешься. Поэтому тили-тили тесто ты, Прохоров. Вот ты кто.

И Федя ни словечка не возразил на такое обидное Витино заключение.

Глава двадцатая

ТЕНИКИ-ВЕНИКИ

Нигде так много не целуются, как на вокзале. И особенно, конечно, женщины.

Витина мама тоже была женщиной. Не успели дед Коля с бабушкой выйти из вагона, мама сразу кинулась к ним целоваться. Сначала — с бабушкой, потом — с дедом.

— Вот и славно, — приговаривала бабушка, собираясь заплакать. — Вот и хорошо моя голуба. Вот мы и опять встретились. Вот и славно.

А дед говорил:

— Ай, Галка, теники-веники, губы-то помадой намазала! Знала, что целоваться-миловаться будем, а всё равно намазала. Но молодец, молодец, мне с помадой ещё интересней.

На синем военно-морском дедовом кителе — золотые полковничьи погоны. На груди — золотая лётная птичка. А в руке у деда самодельная сучковатая палка. Раньше Витя никогда не видел деда с палкой. Раньше никогда и намёка не было, чтобы дед хромал.

— Что? — дёрнулся дед в сторону бабушки. Дёрнулся и стукнул в асфальт перрона палкой. — Да брось ты, Маняш! Зачем уж с ходу-то? Ничего я такого и не сказал никому. Галка, ай чего я не то сказал тебе? А, Галка?

— Ой, да нет, нет, родные мои! — прижала мама руки к груди и снова полезла целоваться.

У бабушки с дедом удивительно ловко получалась передача мыслей на расстоянии. Они молча, даже подчас и не глядя один на другого, передавали друг другу свои мысли. И, как ещё в прошлый их приезд заметил Витя, чаще всего в этом немом разговоре главенствовала бабушка. Она командовала, а дед ей подчинялся. Будто полковником военно-морской авиации была бабушка, а не он.

— Эк, Витьк, — сказал дед, потрепав внука по волосам, — как ты к солнцу-то тянешься! Глянь, какой вымахал. Скоро меня догонишь, теники-веники.

На вокзале, наверное, принято не только целоваться, но ещё и говорить разные пустые слова. «К солнцу», «вымахал», «догонишь». Дед сказал эти слова и будто ничего не сказал. Нет, чтобы вместо таких никому не нужных слов спросить у внука про жизнь, поинтересоваться, нет ли у него каких вопросов.

У Вити за последние дни накопилось страшно много разных вопросов. Дед словно специально приехал под эти вопросы. Особенно много вопросов набралось у Вити после окончательной и бесповоротной ссоры на всю жизнь с наглыми врунами Любой и Федей. Витя так им и сказал, кто они такие. И ещё он им сказал, что больше никогда в жизни не скажет с ними ни одного словечка. Витя пересел от Феди на другую парту, потребовал чтобы ему вернули все его вещи из каморки, и — конец!

Так кончилась навсегда большая и прочная дружба. Но дружба кончилась, а вопросы остались. Вернее, их сразу стало в тысячу раз больше. И один вопрос был сложнее другого.

Однако на вокзале, где люди по сто раз целуются и говорят разные пустые слова, вопросы, по всей вероятности, нужно задавать тоже лишь пустые. Всякие там «Как доехали?», «Как себя чувствуете?»

— Как доехали? — спрашивала мама, когда шли на привокзальную площадь к машинам. — Как себя чувствуете? Соседи в купе были хорошие? Вагон-ресторан работал?

Встречать деда Колю с бабушкой приехали на двух машинах: папа на своем «москвиче» и дядя Сеня — на «жигулях». Мама боялась, что у деда окажется слишком много вещей. Ведь не в отпуск же они ехали, насовсем. Поэтому дядя Сеня и вызвался приехать на своей машине, чтобы помочь.

С перрона шли кучкой. Шумно говорили. Дед заметно прихрамывал и опирался на палку. Чувствовалось, что к палке он ещё не привык и она его раздражает.

И вдруг на привокзальной площади дед стремительно бросился вперёд и перебежал дорогу перед самым автобусом.

— Ну и что? — через несколько секунд оправдывался он перед бабушкой. — Да что я в конце концов совершил такого преступного?

Бабушка ничего ему не сказала. Ни словечка! А он всё равно оправдывался. Это ему бабушка молчком передала

что-то своё, осуждающее. И ещё добавила кое-что на словах.

— Нет, ничего, — тихо добавила бабушка. — Я просто хотела тебе напомнить, что ты порой немного забываешься.

— Ага! — обрадовался дед. — Только не порой. Я, Маняша, всё время пытаюсь забыть про свои годы и про свой проклятый радикулит!

Жестокий радикулит дед заработал во время войны, когда упал в холодное Баренцево море. Он шёл в атаку на фашистский транспорт. По дедовому самолёту стреляли все огневые точки и с транспорта, и с кораблей охранения. По курсу перед самолётом била тяжёлая артиллерия, вздымая высоченные столбы воды. И дедов самолёт задел крылом один из таких столбов.

Ой-ей-ей, сколько лет назад дед упал в море! Тогда дед был моложе даже, чем сегодня Витин папа. А отозвалось деду только сейчас. Хорошо ещё, чудом спасли, не погиб. Папа всегда говорит, что деда спасли прямо чудом.

— Деда, — спросил Витя, — а можно утонуть чуть-чуть?

— Что? — не понял дед.

— Ну... погибнуть чуть-чуть. Не совсем погибнуть, а чуть-чуть. У меня, понимаешь, один друг был, так он думал, что чуть-чуть можно всё. Что если чуть-чуть, то это не считается.

— Во, теники-веники! — удивился дед. — Как это — чуть-чуть? Ты чего мне с ходу-то голову задуриваешь? Дай хоть немного очухаться с дороги.

— Я тебе не задуриваю, — сказал Витя. — Просто, деда, это чрезвычайно важно и серьёзно. Ты даже себе не представляешь, как это серьёзно.

— Серьёзно? — качнул головой дед. — Если так, то это другое дело. Что ж, я с тобой согласен: каждое чуть-чуть очень даже считается. И чуть-чуть погибнуть нельзя. Как и, предположим, в плен чуть-чуть сдаться нельзя, бой чуть-чуть проиграть нельзя. Да и мало чего ещё!

— Деда! — обрадовался Витя.

— Ай!

— А ты как демобилизовался, по болезни или по старости? Правда, что у вас просто так принято говорить «по болезни»? А на самом деле — по старости.

— Витьк! — с напускным возмущением воскликнул дед. — А тебе, паршивец, не кажется, что ты задал чуть-чуть бестактный вопрос?

— С ним, внучек, — улыбнулась бабушка, — нельзя затрагивать эту тему. Он сразу кусаться начинает.

— А вот и клевета! — сказал дед. — А вот и чистой воды интриги! Где ты, Маняш, видела, чтобы я кого-нибудь укусил? Где? Ни разу я никого и не укусил. Хотя кое-кого, ты сама знаешь, и следовало.

Роста дед Коля был небольшого. И ещё он был худощавый. Поэтому Вите даже казалось, что дед походит на великого русского полководца генералиссимуса Александра Васильевича Суворова. Только на тёмно-синем дедовом кителе поблёскивали погоны не генералиссимуса, а полковника, с тремя большими звёздами и двумя голубыми просветами. На кителе справа — четыре ряда орденских планок. Слева — золотая птичка со скрещёнными за щитом мечами. И в щите цифра «I», что означает: лётчик первого класса. А в авиации первый класс — это не то, что первый класс в школе. В авиации первый класс — это высший класс! Если не считать лётчика-снайпера.

— Так по болезни, Витьк, спрашиваешь, или по старости? — сказал дед. — Ну и вопросики у тебя, теники-веники! Так вот. Во-первых, я, Витьк, не демобилизовался, а вышел в отставку. Во-вторых, я здоров, как бык. Потому что радикулит — это не болезнь, а нечто вроде насморка, от которого ещё никто не помер.

— Выходит, по старости? — радостно уточнил Витя. — выходит, ты вовсе и не болен? Да? И когда у тебя пройдёт спина, мы с тобой поедем на рыбалку? Да?

— Давай, Витьк, договоримся с тобой так: я вышел в отставку по возрасту. Не по старости, а по возрасту, — подмигнул дед. — Это звучит несколько приятнее. Понимаешь? Ну, а на рыбалку мы с тобой непременно съездим. Времени у меня теперь будет навалом, так что рыба в Волге пусть трепещет и заранее удирает подальше от наших берегов.

Мужчины — Витя с дедом — сели в старенький папин «москвич», женщины — бабушка с мамой — в новенькие дядины Сенины «жигули». Витя думал, дед сядет в «москвиче» впереди, рядом с папой. Но дед сел сзади, вместе с внуком. И Витя благодарно прижался к деду, об-

нял его руку, ткнулся щекой в шершавый китель. При всех было неудобно прижиматься к деду, а тут никто и не видел.

Отныне Вите были не страшны никакие беды. Подумаешь, навсегда разругался с Федей и Любой! Теперь Витя вполне мог обойтись и без Феди, и без Любы. У Вити теперь навсегда был дед, который по возрасту вышел в отставку и с которым в сто тысяч раз интереснее, чем с нахальными врунами Любой и Федей.

Глава двадцать первая

ЛИЧНЫЕ КОНТАКТЫ

Дома гостей поджидал празднично накрытый стол. Мама расставила всё на столе заранее, перед отъездом на вокзал.

Посредине стола, на подкрахмаленной кремовой скатерти, сохранившей на сгибах складки, стояла хрустальная ваза с цветами. У каждой тарелки лежало по старинному серебряному ножу с вилкой, которые мама доставала лишь по великим праздникам. И на каждого человека приходилось по целой бутылке шипучего «Апельсинового» лимонада.

Дядю Сеню тоже пригласили к столу. Как своего человека. Они с папой притащили с улицы чемоданы, и его пригласили.

Рассаживались за столом шумно, со смехом и шутками. Папа разлил по рюмкам красное вино. Мама разложила по тарелочкам салат. В фужере у Вити всплывали и выстреливали на поверхности малюсенькие пузырьки.

— Вот и славно, — взялась за рюмку бабушка. — Первый тост, как водится, за встречу.

— Нет, нет! — запротестовала мама. — Первый тост не за встречу. За встречу мы ещё выпьем. Я предлагаю первый тост за вас, мои родные! За ваш приезд! За ваше здоровье!

— Давай за приезд, отец, — поддержал маму и Витин папа. — Правда.

— Давай, — согласился дед, — что ж. Тем более, что здоровье в нашем возрасте, — он едва заметно подмигнул маме, — фактор не такой и маловажный.

Дед поднял рюмку, обвёл взглядом сидящих за столом и чокнулся с мамой и бабушкой. Больше он ни с кем чокаться не стал, лишь показал, что чокается издали. Но это, как понял Витя, лишь потому, что у деда болела спина и ему было тяжело тянуть руку. Вернее, у него болела не спина, а радикулит в пояснице. Попробовал бы кто-нибудь несколько часов проплавать в ледяном Баренцевом море, у него бы не только спина заболела. Да и вообще, как говорит папа, после такого купания мало кто смог бы выжить. Один дед смог.

— Будь, Маняш, — проговорил дед, чокаясь с бабушкой. — Много мы с тобой поколесили по свету. Да вот и причалили к родному дому. Я хочу, чтобы тебе было тут хорошо, Маняш. За это.

— Мне с тобой, Коля, всюду хорошо, — тихо отозвалась бабушка. — Всюду. Вот дадут нам с тобой квартиру — и заживём мы тихо и мирно, как и положено пенсионерам.

— Да, да, дадут, — сказал дед. — Тоже опять проблема.

А мама сказала:

— Никакой проблемы, папа. Вы зря волнуетесь, всё будет хорошо. — И спросила, обращаясь сразу ко всем: — Может, уже и горячее подавать?

Пышущий жаром запечённый свиной окорок сразу наполнил комнату вкусным ароматом.

— Вы, папа, даже не представляете, как вам повезло, — оживлённо говорила мама, нарезая ломтиками золотистое мясо. — Все жилищные вопросы в городе решает Агафонов. А он живёт как раз в нашем доме. И у нас с ним превосходные отношения, особенно с его женой Нинель Платоновной. Кроме того, Витёк учится в одном классе с Любушкой, с дочкой Агафонова. Так что, в случае чего, всегда можно будет поговорить с Агафоновым, так сказать, неофициально. Это очень помогает. В наше время необыкновенно важны личные контакты. Необыкновенно!

От маминых слов про то, что Витёк учится в одном классе с Любушкой и про превосходные отношения, Витя испуганно замер. Он даже весь сжался, пытаясь стать не таким заметным. Превосходные отношения! Личные контакты! Вот это теники-веники!

Не поднимая головы, Витя исподлобья глянул на деда. Глянул — и испугался ещё больше. Дед недовольно хмурился и уже было совсем собрался что-то сказать. Да только не успел. Ему помешала бабушка. Дед с бабушкой без единого словечка обменялись мнением, и дед, отмахнувшись, налёг на свинину.

— Вот и славно, — тихо похвалила его бабушка. И подняла рюмку: — Давайте теперь — за хозяев дома. Особенно — за нашу дорогую хозяюшку, которая так вкусно всё приготовила. Спасибо вам за добрую встречу, славные мои! Ну, Коля!

Дед засопел, потыркал большой и неудобной серебряной вилкой мясо и взялся за рюмку.

А Витя вдруг отчётливо понял, что теперь всё пропало, что теперь никакой квартиры деду с бабушкой не видать. И всё из-за него, из-за Вити. Ведь после той стычки на углу Дегтярного переулка Люба вот уже три дня как вообще не замечает Витю. Она гордая. Но Витя тоже гордый. Витя на другой день после ссоры принципиально пересел от Феди. А они, Люба с Федей, после уроков, назло Вите, отправились домой вместе. И с тех пор так и ходят. И наверняка вдвоём, без Вити, играют в Фединой каморке в солдатиков. Люба стреляет из Витиной пушки. Красным карандашом. Они крутят у телефона ручку и командуют войсками. А ругаться они, разумеется, не ругаются. Потому что Федя всегда и во всём Любе уступает. И сам не понимает, что ей нельзя уступать, что от этого она становится ещё хуже. Ведь она наверняка уже давным-давно нажаловалась своему папе на Витю. И теперь вместо личных контактов получатся одни теники-веники.

— Мам, — сказал Витя, — а верно, что эту квартиру нам дал Агафонов?

— Какую? — холодно спросила мама, зачем-то посмотрев на дядю Сеню.

— Да эту, — сказал Витя.

— Разумеется, Агафонов, — сказала мама. — Без его подписи не действителен ни один ордер на квартиру.

— Погоди, погоди! — встрепенулся дед. — Подпись на ордере — это одно. А то, о чём спрашивает Витька, совсем другое. Тебе не кажется, что он кое-что учуял абсолютно точно?

— Коля! — сказала бабушка.

Она сказала только «Коля». Остальное было передано без слов. И передано, по всей видимости, довольно настойчиво. Потому что дед закричал:

— Да брось ты, мать! — И обратился к Витиной маме: — Галка, ты уж меня прости, но Витькин вопрос, по-моему, мало-мальски со взрывчаткой. А? Как ты вообще относишься к чуть-чуть?

— К чему? — не поняла мама.

— Да Витька вон мне всё по дороге втолковывал. Они ведь, шкеты, ещё подчас под стол пешком ходят, а уже кое в чём мудрее нас. Мне кажется, Галина, ты с Агафоновым чуть-чуть перебрала. Не надо мне помогать с квартирой, прошу тебя. Честное слово, не надо. Не обижай ты меня, пожалуйста. Мне ведь квартиру не Агафоновы должны дать, а государство.

В комнате сделалось тихо и как-то неуютно.

Тишину нарушила мама. Она сказала:

— Вы меня, папа, не совсем правильно поняли. Все знают, что вам положена квартира вне очереди. И вам её, разумеется, дадут. И разумеется, даст не Агафонов, а государство. Но ордер-то на квартиру подписывает всё-таки

Агафонов, а не государство. Поэтому личные контакты с нужным человеком, уверяю вас, никогда никому не помешают.

Дед хотел что-то возразить маме, но бабушка ему не позволила. Хотя дед, судя по его виду, очень даже хотел возразить.

Только ведь дед всю жизнь прослужил в армии и, конечно, лучше разбирался там в порядках, чем здесь. А здесь наверняка лучше разбиралась мама. Потому что ордер на квартиру, ясное дело, подписывает не государство, а Любин папа. Тот самый папа, дочку которого Витя стукнул по голове портфелем. Стукнул и, естественно, сразу утратил с ней личные контакты.

Вот о чём сидел и думал Витя. И ещё он тоскливо думал о том, что теперь, хочешь не хочешь, а нужно срочно мириться с Любой.

И Витя принял такое решение: завтра же утром совершенно случайно выскочить вместе с Любой из парадной. Выскочить и сказать: «Извини меня, пожалуйста, Люба. Я больше не буду стукать тебя по голове портфелем. Честное слово, не буду».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ПОЭТОМ МОЖЕШЬ ТЫ НЕ БЫТЬ

Глава первая
ПРО ТОРТЫ И ЛИМОНАДЫ

Проснувшись на другой день утром, Витя сразу вспомнил о своём решении помириться с Любой.

Завтраком Витю накормила на кухне бабушка. Мама ещё спала. Остатки вчерашнего салата и торта показались Вите вкуснее, чем вчера. Бабушка повязала Вите отглаженный пионерский галстук и причесала волосы.

— Вот и славно, — сказала она.

— Я побежал, ба! — крикнул Витя. — Мне сегодня прямо совершенно некогда! Мне сегодня нужно пораньше в школу!

Притянутая тугой пружиной дверь на нижней площадке открывалась с трудом. Витя подналёг на дверь плечом и

вылетел на улицу. Концы пионерского галстука развевались у Вити на груди, как язычки весёлого пламени.

Над Вознесеньем голубело по-утреннему свежее небо. Клумба между домами полыхала красным цветом. Это распускались ранние тюльпаны. Политая из дворничьего шланга земля была чёрной. Чистый асфальт дорожек отблескивал мокрым глянцем. А с края клумбы торчала дощечка с надписью: «По газонам не ходить!»

Поискав глазами, где лучше спрятаться, Витя побежал к соседнему дому и притаился там за углом.

Ждать Вите пришлось недолго. Вскоре из парадного появилась и Люба с портфелем.

— А, это ты, Агафончик, — небрежно и в точном соответствии с задуманным планом сказал Витя, выходя из-за угла. — Ты что, Люба, в школу идёшь? И я вот тоже — в школу.

Неожиданное появление Вити и его слова не вызвали у Любы ни возмущения, ни протеста. Люба лишь пхикнула и спокойно, будто несколько дней назад ничего и не произошло, позволила Вите идти рядом с собой. По крайней мере, не прогнала.

Обстановка складывалась удачно. И поэтому дальше Витя должен был сказать: «Извини меня, пожалуйста, Люба. Я больше не буду стукать тебя портфелем по голове». Но вместо этого Витя совершенно неожиданно для самого себя сказал:

— А я сейчас, Люба, торт ел. У нас ещё с вечера остался торт. Большущий прямо кусок! Во!

— Пхи-и! — засмеялась, будто чихнула Люба. — Подумаешь, торт!

— Как это — подумаешь? — сказал Витя. — Вовсе и не «подумаешь»! К нам дедушка вчера приехал, полковник военно-морской минно-торпедной авиации. У тебя небось нету такого дедушки, а у меня есть. И мама купила вчера большущий торт. Вернее, даже позавчера. Он в холодильнике лежал. И ещё у нас «Апельсиновый» лимонад был. Каждому по бутылке.

— И ты поэтому подкарауливал меня за углом? — поинтересовалась ехидина Люба. — Только поэтому? Специально, чтобы похвастать?

Что Любе на такое ответишь? Она словно почувствовала, что Витя поджидал её не просто так. И ей, наверное, бы-

ло интересно узнать, зачем он её поджидал. Но Витя ей ничего не стал объяснять. Он вслед за Любой спускался по ступенчатому тротуару с Вознесенья и задрав голову, смотрел в небо.

Насмотревшись в умытое небо, Витя сказал:

— Сегодня, Люба, наверное, опять жарко будет.

— Пхи-и! — фыркнула Люба. — Чего это с тобой сегодня, Корнев? Какой-то ты странный сегодня. Может, тебя, Корнев, совесть заела?

— Ага! — обрадовался Витя. — Точно, совесть! Это потому, Люба, что я тогда треснул тебя по голове портфелем. Но вообще-то я тебя совсем легонько треснул. Знаешь, как можно было треснуть! Если изо всей силы! Можно так треснуть, что даже голова продавится.

— А ты, значит, меня легонько?

— Легонько, — подтвердил Витя. — Совсем чуть-чуть. А ты сама доказывала, что у нас чуть-чуть не считается.

— У кого это — у нас? — поинтересовалась Люба.

— Ну, у нас, — буркнул Витя.

— Так ты всё-таки как считаешь, — спросила Люба, — считается чуть-чуть или не считается?

Вопрос неожиданно оказался для Вити слишком сложным. Если, конечно, по совести, то чуть-чуть ещё как считается! Дед Коля вон сразу подтвердил. А он-то уж разбирается. Но если для того, чтобы помириться с Любой, то не станешь же с ней спорить снова?

Взрослым людям значительно легче, чем детям. Взрослые люди, бывает, думают одно, а говорят другое. Но у всех ли взрослых так? У мамы так. А у дяди Андрюши совсем наоборот. Дядя Андрюша считает, что хуже вранья вообще нету ничего на свете.

— Так считается, Корнев, чуть-чуть или не считается? — ехидно повторила Люба.

— Я с тобой, Агафонова, помириться хотел, — буркнул Витя. — Чего ты опять за своё-то? Я вон у тебя даже извинения попросил.

— Подумаешь — извинение! — пхикнула Люба. — Зачем мне твои извинения? Я с тобой вовсе и не собираюсь мириться.

— Это почему? — надулся Витя.

— Не хочу, и всё! — сказала Люба. — Потому что ты совсем ненормальный, Корнев! И хулиган! Я тебе никогда

не прощу. У тебя даже мозгов не хватает понять, что ты сделал. Мы тебе тогда достали подшипник, а ты сразу начал намекать про те три рубля. Будто я их сама взяла, те три рубля. Чуть-чуть! Сам так рубль зацапал, и ничего. Про себя ты небось не намекал. Даже противно! И не подходи ко мне никогда больше! Мы с Федей всё равно никогда в жизни с тобой не помиримся. Врун несчастный! «К нам дедушка приехал! — передразнила она. — К нам бабушка приехала! У нас торты! У нас лимонады!» Убирайся!

Глава вторая

Я ВАС ПРЕДУПРЕЖДАЛ

Наверное, Витя Корнев всё же родился счастливым человеком. Потому что ему в тот же день повезло — и он благополучно помирился и с Любой, и с Федей.

Получилось это, как ни странно, с помощью Васи Пчёлкина. И вот каким образом.

У Васи Пчёлкина как раз в тот день на «броде» произошла с Федей и Любой небольшая стычка. Стычку, в общем-то, выиграл Федя. Если, разумеется, можно считать выигрышем то, после чего победителю приходится срочно удирать от побеждённого на первой скорости. И разгневанный Вася Пчёлкин крикнул вслед удирающим Феде с Любой:

— Ну, погодите, мелочь пузатая! Я вас теперь всех поодиночке переловлю! Ноги каждому повыдёргиваю, спички вставлю и скажу, что так и было!

Кому охота вместо нормальных человеческих ног иметь деревянные спички? Ясно, никому не охота. Тем более, что от Васи Пчёлкина можно было ожидать чего угодно. Он вполне мог привести в исполнение свою угрозу. Вот почему Люба с Федей прямо с набережной побежали скорее искать Витю. И нашли его. Нашли, и Федя сказал:

— Ладно уж, Корнев, такое дело. Нам теперь всё время нужно держаться вместе. Иначе нам будет худо. И не подумай, что я из-за себя. Я из-за Любы. Но ты её тоже больше, пожалуйста, не обижай. И не обзывай её по всякому.

— Так я разве её обзывал? — обрадовался такому повороту Витя. — Я, наоборот, сам сегодня хотел с ней помириться. А она... Ты чего сегодня, Люба, на меня кричала? Помнишь, чего ты кричала?

— Ничего я вовсе и не кричала, — сказала Люба. — Ты сам начал.

— Я? — удивился Витя. — Врёшь ты, Люба! Ты...

Но тут Витя вовремя спохватился, что собственными руками отталкивает то, что идёт к нему, и сказал:

— Мы сегодня с дедом Колей на кладбище едем. Он на могилу к своим родителям. Хотите с нами?

И всё это Витя сказал очень спокойным и очень доброжелательным тоном. И Федя ответил:

— Конечно, поедем. А чего же...

А стычка с Пчёлкиным у Феди с Любой произошла вот как.

Никого не трогая, Люба с Федей шли по аллее вдоль Волги. Тут, откуда ни возьмись, навстречу им — Вася Пчёлкин.

— Привет, мелочь пузатая! — помахал Вася Пчёлкин рукой. — Как поживает мой полевой телефончик? Не надумал ли он наконец перебраться ко мне? Моё последнее и окончательное предложение: даю за ваш облупленный трухлявый ящик с ручкой двадцать пять штук итальянской жевательной резинки. Ну!

— Нет, — ответил Федя. — Мы ведь вам говорили, что не собираемся его менять,

— Тю! — удивился Вася. — Кому — нам?

— Вам, — показал на Васю Федя.

— Нам? — ткнул себя в грудь Вася. — Это ты меня величаешь на «вы»?

— Угу, — подтвердил Федя.

— Расцениваю как оскорбление, — сказал Вася Пчёлкин. — Считаю, что вы, голуби, выпрашиваете у меня в лоб по затылку. Считаю, что вам надоело ходить с ушами. Присоединяетесь? С кого начнём? Могу начать вот с этой милой крошки с косичками.

— Только учтите, — шагнул вперёд Федя, — если вы дотронетесь до Любы хоть пальцем, то...

— То что, мой храбрый рыцарь? — ласково спросил Вася.

— Тогда увидите — что, — буркнул Федя.

— Я увижу? — уточнил Вася.

— Угу, — подтвердил Федя.

— Ай, караул, — тихо сказал Вася. — Ай, убивают. Хуг!

И тотчас к Фединому лицу рывком вылетела, будто выстрелила, пчёлкинская ладонь. На ладони у Васи безобидно лежала горстка жевательной резинки.

— Угощайтесь, ребятёныши, — нежно улыбнулся Вася. — А то, когда я начну вас бить, у вас зубки повыскакивают. Жевательная резинка очень предохраняет от зубного выскакивания.

Выстрелившая в лицо ладонь не произвела на Федю того впечатления, на которое рассчитывал Пчёлкин. Федя не отшатнулся, не дёрнулся в сторону. Он, не двигаясь, смотрел в самые Васины глаза. Смотрел, строго сдвинув брови.

На Любу же внезапно вылетевшая Васина ладонь произвела совсем иное впечатление. Люба испуганно отпрянула и прикрылась руками. При этом ещё она с дрожью в голосе сказала:

— Спасибо, Вася Пчёлкин, нам не нужно твоей жевательной резинки.

Пугать, как известно, интересно лишь тех, которые тебя

боятся. Чего Пчёлкину было пугать Федю Прохорова, когда он оказался вон какой? Вполне понятно, что Пчёлкин сразу переключился на испугавшуюся Любу.

— Бери, кроха, бери! — полезли в самое Любино лицо пальцы с грязными ногтями. — Угощаю ведь. Бесплатно.

— Спасибо, мы не хотим, — пискнула Люба. — Нам не надо, Вася. У нас есть такая резинка. Честное слово. Точно такая же.

— Такая же? — почему-то удивился Вася, будто, кроме него, никто больше не мог достать подобной резинки. В голосе у Васи появилась настороженность. — Как это... такая же?

— Ну... точно такая.

— Врёшь, — сказал Вася.

— Честное пионерское.

— Покажи.

— Вот, пожалуйста. — И Люба достала из кармашка завёрнутую в яркую обёртку дольку.

На обёртке синело небо и желтели роскошные ананасы. Долька была из остатков от самой резинки, что дал ребятам иностранный мальчик.

— Тю! — воскликнул Вася Пчёлкин. — Так это не ты ли наврала на меня Ивану Грозному? Завуч мне всё время эту резинку совал, доказывал, что это я принёс её в школу. А я в тот день как раз ничего и не приносил. Мне даже любопытно сделалось.

В левой руке Пчёлкин держал горстку жевательной резинки. Он зажал её в кулак, а правой рукой схватил Любу за косы.

— Ах ты такая-сякая! — закричал Вася. — Да я сейчас из тебя мокрицу сделаю! Да я...

Если хочешь что-нибудь сделать, то нужно меньше об этом говорить. Лучше всего действовать вообще без вступительных слов и длинной подготовки. Вася Пчёлкин несколько затянул подготовку. Поэтому он не успел сделать из Любы мокрицу. Федя, обычно такой медлительный и не очень расторопный, неожиданно нагнулся и резко нырнул головой вперёд. Голова у Феди была большая и крепкая. Федина голова угодила точно в пчёлкинский живот. Вася Пчёлкин ойкнул, сложился, будто перочинный ножик, пополам и с маху сел на асфальт.

— Я вас предупреждал, — буркнул Федя, держа в бое-

вой готовности голову и кулаки. — И вам ещё хуже будет, если вы не отстанете от Любы.

Недоуменно хлопая светлыми ресницами, Вася Пчёлкин сидел на асфальте. Сидел и держался за живот. Вокруг Васи яркими пятнышками горели на асфальте цветастые дольки жевательной резинки.

— Ну... кончики, — угрожающе произнёс Вася, — поднимаясь.

Однако Люба с Федей не стали дожидаться, пока Пчёлкин поднимется. Люба с Федей единодушно дали могучего стрекача.

И вот тогда-то Вася Пчёлкин и крикнул им вдогонку те самые слова — про то, что он всё равно переловит теперь ребят поодиночке и вставит им вместо ног деревянные спички.

Глава третья

НАД ВОЛГОЙ

На кладбище, навестить могилы родителей, дед Коля ходил каждый раз, когда приезжал в родной город. Но теперь так получилось из-за хлопот с этой квартирой, что то в военкомат было нужно, то в милицию, то в жилищную контору, то в горисполком. Одних бумаг, разных там справок, потребовалась целая куча. И ещё деду очень мешала боль в пояснице. Стоило деду немного понервничать, как его сразу валило с ног. Бабушка постелила на диване тюфячок и под него сунула большой лист фанеры. Дед сам такое придумал, говорил, что ему на фанере не так больно.

Про госпиталь, на котором настаивала бабушка, и врачей дед и слышать не хотел.

— Как-нибудь, Маняш, и сами одолеем этот насморк, — твердил он, морщась от боли. — Тоже мне болезнь — радикулит. И не такое одолевали.

С Вознесенья на кладбище ходил автобус № 7. Ехать собрались лишь через неделю. Дед с Любой сели в автобусе на одном сиденье, Витя с Федей — на другом, как раз напротив. Между ними на стенке всю дорогу отчаянно дребезжал красный ящик — касса с билетами. Опустишь в про-

зрачную пластмассовую щёлку монетки, повернёшь чёрное колёсико — отрывай билет.

— Молодые люди, — передавали Вите с Федей деньги, — оторвите, пожалуйста, два билета. Молодые люди, пожалуйста, ещё три. Не сочтите за труд. У вас так замечательно получается.

И Витя с Федей наперегонки крутили чёрное колёсико и отрывали билеты.

А когда приехали и вылезли из автобуса, дед почему-то пошёл не к виднеющимся вдалеке кладбищенским воротам, из-за которых выглядывала церквушка, а в другую сторону.

— Мы лучше вон оттуда завернём, — сказал он, — с тыла. По-над Волгой-то знаете какая красотища!

С высокого обрывистого берега Волги и впрямь открывалась дивная картина. Синее полотно реки вольготно лежало по обе стороны, теряясь в туманной дымке горизонта. Крохотные домишки на противоположном низком берегу казались ладными, чистенькими, игрушечными. Крахмально-нежная церквушка тихо золотилась пятью куполами-луковками. И вообще всё, что открывалось взору, было чуть золотящимся, гладким, нетронутым. И не имел тот простор ни конца, ни края!

Старинное городское кладбище походило на запущенный парк. Оно лежало на краю обрыва. Густые деревья сплетались кронами над дремлющими в сырой прохладе надгробьями. Кладбищенским кустам и деревьям было тесно тут, их тянуло на простор, к жизни и свету.

Удрав от тесноты, вековые сосны так близко подступали к краю обрыва, что их корни свисали над песчаной, красноватого оттенка стеной. Корни, покачиваясь на ветру, тянулись к воде. Тянулись и никак не могли до неё дотянуться. А ласточки-норушки с лета ныряли под удобный навес, неся в клюве очередную мошку своим ненасытным желторотым деткам.

— Есть предложение: отдохнуть здесь немного, — насмотревшись на Волгу, бодро сказал дед.

Он сказал это даже как-то слишком бодро. И Витя по тону, по едва заметной нарочитости в голосе почувствовал, что деду снова плохо. Витя уже научился распознавать, когда деду становилось худо.

— Что, опять? — спросил Витя.

— Есть чуток, — сказал дед.

Раздвигая руками и палкой ветки, дед полез в самую гущу кустов. Ребята — за ним. И, пробившись сквозь кусты, неожиданно вышли к самому обрыву, на чудесную зелёную полянку. Уютная поляна словно распахнулась перед ребятами, маня прилечь в густую траву.

Кривясь от боли, дед проглотил таблетку, лёг, зажмурил глаза и затих. Лицо его с морщинками у глаз было обращено к небу.

Ребята затихли тоже. Сидели рядком, обняв поцарапанные коленки, положив на колени подбородки. Внизу под обрывом покачивались корни сосен, сновали с криком ласточки да гулял вольный ветер.

Удобную полянку разыскал дед! С трёх сторон огорожена кустами да соснами, надёжно укрыта от любого взгляда. А впереди бесконечный простор. Кажется, взмахни руками — и полетишь над Волгой в золотые неведомые дали.

— Красотища! — сказал наконец дед, открыв глаза. — Век бы тут лежал. До скончания света. Вот это Русь! А? Как сама жизнь — просторная, могучая, вечная.

— Прошло? — спросил Витя, оборачиваясь к деду.

— Отпустило немного, теники-веники,—вздохнул дед.— Сейчас ещё чуток полежу — и пойдём. И смех, и грех прямо.

Над Волгой горячо светило солнце и гулял лёгкий ветер.

Дед полежал ещё и поднялся.

Они с трудом пробрались обратно через кусты. И запетляли по кладбищу в прохладном зелёном сумраке, между старинными надгробьями и склепами. Если бы они вошли на кладбище с главного входа, дед сразу нашёл бы могилы отца с матерью. Но зайдя от Волги, сделать это в запутанном лабиринте тропок оказалось куда сложнее.

Глава четвёртая

НАМ С ВАМИ НЕ ПО ДОРОГЕ

— Здесь, — сказал дед. — Сюда, ребята.

Две могилы лежали за общей оградой. На одной могиле возвышалась покрашенная красной краской пирамида со звездой. На другой — цементный, с проглядывающей тут и там галькой, крест.

— Редко я к вам, мама с папой, заглядываю, — вздохнул дед, снимая фуражку. — И приехал вон когда, а всё никак. Всё дела.

Ребята с дедом присели на скамейку у решётки. У лиц тучами гудели комары. Знай успевай отмахиваться да хлопать по ногам и шее.

Молча посидели несколько минут. Поотгоняли комаров. Встали и побрели к выходу. И всё молча.

— А вот тут мои похоронены, — сказал по дороге Федя. — Моя прабабушка с прадедушкой.

За низкой деревянной оградой стояли два внушительных деревянных креста. На холмиках — трава и цветы. Вокруг свежий рыжеватый песок.

На левом кресте надпись: «Матрёна Васильевна Прохорова. 1896—1965». На правом — «Фёдор Фёдорович Прохоров. 1877—1950».

— И тоже Фёдор Фёдорович? — удивлённо шепнула Люба. — А дедушку твоего как звали?

Удивиться действительно было чему. Федя ведь тоже был Фёдором Фёдоровичем. И Федин отец. Теперь вот оказалось — и прадедушка.

— Дедушку тоже — Фёдором Фёдоровичем, — сказал Федя. — У нас, у Прохоровых, традиция такая: первого сына в семье завсегда непременно называют Фёдором. Вот так поэтому и получается.

— Выходит, твой папа — старший сын?

— Старший. И у него ещё четыре брата есть, младшие. Больше потом не было. Потому что дедушку, папиного папу, значит, призвали в армию — и его убило.

— А у этого Фёдора Фёдоровича сколько сыновей было? — заинтересовался дед, показав глазами на могилу.

— У этого — девять, — сказал Федя. — И ещё семь дочек.

Помолчали немного, пошли дальше, к выходу. Тихо пошли, без слов. О чём на кладбище говорить? Дед с палкой прихрамывал впереди, ребята плелись сзади. Среди могил не очень-то тянет к разговорам. И шуметь, наверное, на кладбище неприлично. Тем более — петь песни.

Песня донеслась до них из сумрачной глубины кустов. Негромкая, но лихая, с задорным гитарным перезвоном. Её пели несколько человек.

А на кладбище всё спокойненько
От общественности вдалеке...

Дорожка вела прямо, но дед резко свернул в сторону, на песню. Свернул и раздвинул кусты.

На выщербленных ступенях полуобвалившегося, похожего на садовую беседку склепа сидели двое взрослых парней, и вместе с ними — шестиклассник Вася Пчёлкин. Тут же стояла пустая, тёмного стекла бутылка из-под вина. Все трое, невзирая на обилие комаров, были в расстёгнутых и завязанных узлом на животе рубахах. У парня, что бренчал на гитаре, голова светилась недавней, гладенькой, под машинку, стрижкой. У другого, наоборот, волосы спускались до самых плеч.

— Встать! — командирским голосом приказал дед.

Песня оборвалась на полуслове, и все трое вскочили, будто их подбросило пружиной. От страха глаза у Васи Пчёлкина сделались большими, точно у филина.

Однако парни, не в пример Васе, испугались лишь в первое мгновение. Вскочив, они сразу застыдились своего секундного испуга и в отместку деду приняли подчёркнуто гордый и независимый вид.

— Вот она и общественность, от которой всё время бежишь подальше, — со вздохом процедил стриженый. — Нет, никуда от неё не убежишь, от общественности. Даже на погосте у милых предков нет от неё покоя.

— Общественность — она — у! — поднял палец тот, у которого волосы опускались до плеч. — Общественность — она зрит в оба. В подворотне не моги — общественность! В парке не моги—она же. В магазине—она же. К прадедам подались, и здесь она тут как тут.

Стриженый взял на гитаре аккорд и пропел:

— Ну прямо ту-ут как тут!

— Подлецы! — выдавил дед. — Да как же вы смеете кощунствовать здесь, над прахом своих предков? Да как же у вас язык-то поворачивается? Пойдёте со мной, я вам втолкую кое-что. Не здесь, в другом месте.

— Чо? — удивился волосатый. — А нам с вами, папаша, не по дороге. Вам — туды, нам — сюды.

— Какая у вас, к чертям, дорога?! — стукнул дед в землю палкой. — В подворотню у вас дорога! И с кем это вам, интересно, не по пути?

— Да сказано же, с вами, — уже не так нагло, но всё ещё с вызовом ответил стриженый.

— Эх вы, — вздохнул дед. — С народом вам не по пути, вот с кем. Потому вы и пошлые песенки на могилах поёте, измываясь над святая святых. Гадкими стишками балуетесь, а знать, верно, и не знаете, что сказал великий русский поэт Некрасов. Он сказал: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Гражданином! Обязан! Понимаете? Вы хоть немного представляете, что такое гражданин? Что такое гражданственность?

— Да чего мы такого особенного сделали-то? — с обидой в голосе сказал волосатый.

— Гражданин — это тот, — сказал дед, — кто живёт судьбой своего народа, его вчерашним днем, сегодняшним и завтрашним. А обывателю, в отличие от гражданина, плевать на всё это — и на историю ему плевать, и на предков, и на беды своей страны, и на её радости. Обывателю абы извернуться, приловчиться, обмануть да побольше для себя выгадать. И сказ у него, как верно подметил один товарищ, предельно прост: ведь я чуть-чуть. Что от моего чуть-чуть сделается такому огромному государству? А... ладно! — махнул рукой дед на притихших парней.

Гитара медленно поднялась к стриженому на плечо. Парни повернулись и осторожно пошли прочь. Вася Пчёлкин боязливо тронулся за ними.

— А ты, шкет, погоди! — сказал ему дед. — Твоим великовозрастным дружкам я своё отношение высказал. Тебе — ещё нет. Как тебя звать?

— Вася Пчёлкин он, — сказала Люба. — Он первый хулиган у нас в школе. И драчун. Он нас пугает, что всех по очереди переловит и...

— Погоди, Люба, — остановил её дед, — я тебя ни о чём не спрашивал. — И приказал: — Подойди ко мне, Пчёлкин!

Команда застала Васю в тот момент, когда он поднимал правую ногу для очередного шага. Вася очень торопился, но шага так и не сделал. Вася Пчёлкин застыл, точно охотничья собака на стойке.

— Подойди сюда, Пчёлкин, — повторил дед.

И Пчёлкин опустил ногу и приблизился к деду. Парни в отдалении остановились тоже, хмуро прислушались.

— А ты какой дорогой идёшь, Пчёлкин? — спросил дед. — Ты гражданин или кто? Давно с этими поэтическими юношами дружбу водишь?

Уши у Васи торчали, как два лопуха. Луч солнца, пробившись сквозь зелень деревьев, бил Васе в затылок, и уши у него горели красным цветом.

— Вино с ними пил? — спросил дед.

— Не, — качнул головой Вася. — Вино я только немного попробовал. Они сами всё выпили.

— Немного? — сказал дед. — Чуть-чуть, значит? Ну, это, Пчёлкин, другое дело. Чуть-чуть у нас в расчёт не принимается. На могилах чуть-чуть покривлялся, винца чуть-чуть выпил. Что тут особенного? Правда? Ты верующий?

— Зачем... верующий? — просопел Вася, поднимая глаза.

— Ну, в бога ты веришь?

— Ничего я не верю, — надулся Вася.

— А это? — ткнул дед в голую Васину грудь, на которой висел маленький крестик.

— Так это просто так, — хмыкнул Вася, запахивая рубашку. — Для красоты это.

— И красиво? — спросил дед. — Нравится?

— Так красиво же...

— А в фашистской Германии, — сказал дед, — многие для красоты вместо вот такого крестика свастику носили. Ты бы сейчас её надел? Просто так, для красоты.

— Что я, фашист какой-нибудь? — буркнул Вася.

— Может, и не фашист, — сказал дед, — но и не гражданин. Тебе ведь всё едино — что крест, что красная звезда, что пионерский галстук. Убеждений-то у тебя нет. Какой дорогой ты идёшь, не знаешь.

— Я больше не буду, дяденька, — неожиданно плаксивым голосом затянул Вася. — Честное слово, не буду. Отпустите меня. Люба наговаривает, что я такой. Она сама... Она знаете, что про меня завучу наврала... А я её даже ни разу за это и не ударил. Отпустите меня, пожалуйста, дяденька. Я больше никогда не буду. Она врёт, что я обещал их по одному переловить. Врёт она. Я пошутил. Я... Вот хотите, я ещё их теперь и защищать буду?

— Что про тебя, Пчёлкин, Люба сказала завучу? — спросил дед.

— Про резинку она сказала, — заторопился Вася. — Будто я жевательную резинку в школу принёс. А я вовсе в тот день и не приносил.

— Вот что, — выдохнул дед, — иди от меня подобру-поздорову, пионер Вася Пчёлкин. Но если я ещё когда увижу тебя с этими гитаристами или с крестом вместо пионерского галстука... не взыщи, Вася.

— А вы в школе про меня не скажете? Только чтобы и они, — кивнул Вася на ребят. — Пусть они тоже... Я ведь...

— Торговаться со мной собираешься! — приподнял палку дед. — А ну, марш отсюда! Живо!

Вокруг безмолвно стояли могилы. С крестами, со звёздами, вовсе без всего. И ребята неожиданно совсем по-иному увидели все эти могилы. И словно даже немножечко узнали что-то очень важное, может, самое важное, обо всех тех людях, которые лежали тут под землёй. Ведь большинство из них наверняка были гражданами. Большинство! Потому что иначе не было бы сегодня ни города на Волге со Старым театром, «пожаркой» и телевизионной мачтой на Вознесенье, не было бы вообще ничего. Не было бы и той замечательной страны, в которой родились Витя, Федя и Люба.

Наверное, те двое парней с гитарой тоже поняли это. Когда Вася Пчёлкин юркнул в кусты, они медленно повернулись и ушли. Они ушли молча, потихоньку, не задев гитарой ни одной ветки.

Глава пятая

НУ, КИЛЬКА, ПОГОДИ!

Чем ближе конец учебного года и желанный пятый класс, тем труднее досиживать последние уроки. Всего-навсего восемь деньков осталось до летних каникул. Восемь! А там гуляй себе целый день и делай, чего захочешь. Хоть вниз головой ходи, хоть вверх всеми своими тормашками!

В коридоре длинно запел звонок. Четвёртый «б» враз ожил, захлопал крышками парт. Кое-кто даже вскочил. Вот и ещё один денёк позади!

— Это ещё что такое? — сказала Светлана Сергеевна.— Ну-ка все на места! Неужели вы за четыре года так и не привыкли, что звонок даётся не для вас, а для учителя?

Нет, четвёртый «б», к сожалению, так к этому и не привык. Но всё же от строгих слов Светланы Сергеевны ребята притихли. И притихнув, с нетерпением поглядывали на учительницу.

— Беда мне с вами, — качнула головой Светлана Сергеевна. — Ох, беда!

Вишнёвые клипсы в ушах Светланы Сергеевны вспыхнули огоньками. Ребята собрали воедино всю свою волю и совсем притихли.

— Ладно уж, непоседы, — сдалась Светлана Сергеевна, — можно по домам.

— Ур-р-р-а-а! Бум! Трам! Бом!

У дверей вмиг образовалась пробка.

Девчонки визжат, мальчишки нажимают. Витя с разгону воткнулся правым плечом в пробку. Рядом с ним пробивал дорогу Любе Федя.

И тут сзади раздался голос Светланы Сергеевны:

— Витя Корнев, задержись, пожалуйста, на минутку. Мне нужно с тобой поговорить.

— Со мной? — убито спросил Витя, выбираясь из толкучки у двери. — А почему со мной? Чего я такого, Светлана Сергеевна, сделал? Все вон толкаются.

— Задержись, пожалуйста, — повторила Светлана Сергеевна.

Она сидела за учительским столом, поглядывала на пробку в дверях и проверяла тетради.

Пробка вылетела наконец в коридор. В образовавшийся проход торопливо хлынули девочки.

— Иди сюда поближе, Витя, — сказала Светлана Сергеевна, когда класс опустел.

Витя подошёл. Насупившись, буркнул:

— Я больше не буду толкаться.

— Не будешь? — удивилась Светлана Сергеевна. — Вот чудеса-то начнутся. Но я не об этом, Витя. Я тебя о дедушке хотела спросить. Как у Николая Григорьевича дела?

— О дедушке? Так... хорошо у дедушки дела. Прямо очень замечательно. В горисполкоме ему обещали, что скоро дадут квартиру.

Витя рассказал, как дедушка ходил в горисполком, как

его там хорошо приняли и какой довольный дедушка вернулся домой.

— А как дедушка себя чувствует? Я, Витя, понимаешь, хотела пригласить его к нам в класс, чтобы дедушка рассказал, как воевал, про минно-торпедную авиацию. Согласится он, как ты думаешь, у нас выступить?

— Он вообще-то неважно себя чувствует, — сказал Витя. — Радикулит у него сильный. Вчера опять «скорая» приезжала, уколы делали. Но если его попросить, он придёт, он такой. Я его попрошу. Можно, я побегу, Светлана Сергеевна? А то там меня ребята ждут.

— Беги, беги, — улыбнулась Светлана Сергеевна.

В коридоре было пустынно и тихо. Ни души. Лишь со стен внимательно следили за Витей строгие портреты писателей и учёных. Витя промчался по коридору и свернул к лестнице. Он знал, что на улице его ждут Люба с Федей.

По ступенькам лестницы Витя набрал такой темп, что на площадке не смог завернуть. Вылетел к самому окну. А на подоконнике собственной персоной — Вася Пчёлкин. Сидит боком, свесив ногу.

— Привет, мелочь пузатая! Как ты думаешь, кого я тут поджидаю?

— Кого? — холодея, спросил Витя, сразу вспомнив обо всём, что произошло на кладбище.

— А ты, килька, не догадываешься?

— Если ты, Вася, про кладбище, — проговорил Витя, — то мы про тебя никому ни словечка не сказали. Честное пионерское, не сказали.

— Ещё не хватало, чтобы вы раззвонили про кладбище, — сказал Вася. — Да я вас всех тогда насмерть поубиваю. А пока я тебя легонечко, пока я тебе небольшой должок за прошлое отдам.

— Но ведь ты обещал дедушке, что не будешь нас трогать. Ты ему обещал, что даже будешь защищать нас!

— Ишь, в лоб тебя по затылку, прыткий какой, — сказал Вася. — Защищать! Я вот тебе сейчас вместо ног спички вставлю, а ты иди попробуй пожалуйся своему деду. Пожалуйся, пожалуйся. Я тебе тогда не только ноги повыдёргиваю.

— Ты врун! — закричал Витя. — Ты обманщик! Мы так и знали, что ты прямо врун и обманщик! Ты говоришь одно, а думаешь другое! Ты совсем и не гражданин вовсе!

— Тю! — удивился Вася. — Видели гражданина. Ты, что ли, гражданин? Почему же ты тогда мне не сказал, что вас с Прохоровым вызывали на эшафот? Любу вашу, оказывается, не вызывали, а вас вызывали. И вы Ивану Грозному наврали там на меня. Выходит, кто из нас не гражданин? — закончил Вася, спрыгивая с подоконника.

От первого удара, который последовал сразу за прыжком, Витя сумел увернуться. Васин кулак шёл с прицелом прямо в глаз. Витя сжался и присел. Кулак просвистел у него над головой.

Дело принимало худой оборот. На лестнице — никого. Ход вниз Вася перекрыл, не прорвёшься. Вверх бежать без толку, всюду тупики.

И тут Витя вспомнил про Светлану Сергеевну, которая осталась в классе. Лучше позорное бегство под защиту учительницы, чем унизительное избиение. Впрочем, Витя не очень рассуждал, что лучше. За него рассудили ноги. Они вихрем вознесли его вверх по лестнице.

Бегать Витя умел. Вася Пчёлкин пыхтел с отставанием от Вити метра на два. В коридоре, на прямой, разрыв увеличился ещё. Но, наверное, Вася попросту не очень нажимал. Он был убеждён, что гонит Витю в тупик.

У своего класса Витя резко свернул, рванул на себя белую дверь и мгновенно её за собой захлопнул.

И первое, что Витя увидел в классе, был пустой учительский стол. Вернее, не пустой. Тетради на столе лежали, а Светланы Сергеевны почему-то не было.

На дальнейшее Вите были отпущены мгновения. Не стоять же так дурак дураком и дожидаться, когда Вася Пчёлкин разделает тебя под орех. Витя бросился в дальний угол класса и нырнул под последнюю парту. Спасение не спасение, но всё же. Во-первых, бить под партой Пчёлкин Витю не станет. Как под партой бить, если не размахнуться? А вытащить Витю из укрытия не так-то просто. Попробуй вытащи, когда у Вити под партой имеются и зубы, и ногти.

Едва Витя нырнул в укрытие, хлопнула дверь и раздался бодрый Васин голос:

— Ну, килька, погоди!

Как разыскать притаившегося где-то под партой шкета? Проще простого: заглянуть под первую парту — весь ряд просматривается насквозь. Вася Пчёлкин так и поступил.

Заглянул. Пусто.

Он добрался на четвереньках до среднего ряда. Заглянул под учительский стол.

Никого.

— Ясно, — сказал Вася Пчёлкин.— От кильки — вы слышите, граждане? — уже идёт запах. Кильку, граждане, можно есть прямо с головой, костями и хвостом. Внутренности, граждане, лучше выплёвывать.

— В чём дело? — раздался тут голос. — Откуда у меня под столом могла очутиться килька? Какие граждане?

Застыв на четвереньках, Вася Пчёлкин поднял голову.

Над ним со строгим лицом стояла учительница Светлана Сергеевна.

Глава шестая

ТАЙНЫЙ АГЕНТ

— Так откуда здесь всё-таки могла оказаться килька? — повторила Светлана Сергеевна, принюхалась и заглянула под стол.

— Да нет, — сказал Вася Пчёлкин, поднимаясь с четве-

ренек и отряхивая коленки. — Ниоткуда. Нету здесь никакой кильки.

— В чём же тогда дело?

— Шутка, — вздохнул Вася. — Можно, я пойду? До свиданья.

Скрипнула дверь, негромко прикрылась, и в классе сделалось так тихо, что у Вити от напряжения зазвенело в затылке. От неудобной позы у Вити занемела левая нога и в пятку стали колоть иголочки. Витя сидел под партой, изогнувшись в три погибели. Колени выше макушки, спина — колесом, в лопатку больно упирался какой-то деревянный выступ.

Почему Витя сидел под партой и не вылезал, он и сам не знал. В лопатку давило, в пятку кололо, а он сидел и не двигался. Точно мышь в норе.

Когда иголки стали колоть не только в левую пятку, но и в правую, Витя решил, что так больше нельзя. Сколько же можно мучаться? Нужно вылезать.

И только Витя совсем уже было собрался выбраться из-под парты, в класс кто-то вошёл. Вернее, не кто-то, а Иван Грозный. Витя сразу узнал завуча по голосу.

— Света, — сказал завуч, — я как почувствовал, что ты здесь. И долго ты собираешься от меня бегать?

— До тех пор, Иван, — отозвалась Светлана Сергеевна, — пока ты не станешь вести себя иначе.

Вот те раз! Оказалось, Светлана Сергеевна с завучем без всякого разговаривали на «ты». Хотя только сегодня Витя собственными ушами слышал, как они обращались друг к другу на «вы». Выходит, при всех у них было одно, а наедине другое.

— Мне не совсем, честное слово, понятно, — сказал Иван Игоревич, — за что ты так уж на меня обиделась. Дело, по-моему, не стоит выеденного яйца. Самое главное, Света, как я отношусь к тебе. А это ты прекрасно знаешь.

— Ага, знаю, — вздохнула Светлана Сергеевна, — ты относишься ко мне, как многоопытный педагог с десятилетним стажем к бездарной подготовишке. Моё мнение для тебя...

— Это не так, Света! — перебил он.

— Нет, так, Иван, — тихо сказала она. — Я уже сто раз говорила тебе, что мне отвратителен постоянный обман, который ты возвёл чуть ли не в главный принцип педагогики. Обман во имя укрепления авторитета! Какая чушь! Ты, Иван, почему-то считаешь возможным принести мне в класс билеты на концерт и сказать при учениках, что это вопросы по методике. Ты...

— Света! — взмолился Иван Игоревич. — Но ведь всё это мелочь. Неужели мы будем из-за неё ругаться? Ведь главное, что я люблю тебя. Я люблю тебя больше жизни!

— И боишься, что об этом кто-нибудь узнает? Боишься, что наши с тобой отношения подорвут незыблемый авторитет завуча?

— А тебе непременно нужно разафишировать наши отношения на всю школу?

— Разафишировать? — удивилась Светлана Сергеевна. — Но неужели ты всерьёз веришь, что в школе никто ни о чём не знает и ничего не замечает? Да те же мои ученики, которых ты считаешь несмышлёнышами, знают и видят в сто раз больше, чем тебе кажется. И ложь не помогает тебе, Иван. Ты напрасно тешишь себя надеждой, будто пользуешься у них уважением. Они всего-навсего боятся тебя.

— Это неправда!

— Нет, Иван, правда.

— Ты ещё слишком наивна, Света, — сказал завуч. — Пройдёт немного времени, и ты на собственном опыте убедишься, что только безоговорочная дисциплина способна держать учеников в узде, что только отсюда начинается истинное уважение к воспитателю.

— С узды? — тихо спросила Светлана. — Я, Иван, считаю, что между воспитателем и воспитуемым несколько иные отношения, чем между лошадью и всадником.

Наступила пауза. И Витя почувствовал, что ещё немного, и он не выдержит. У Вити совершенно затекли спина и шея, онемели ноги и руки.

— Света! — выдохнул завуч. — Светланка! Ну почему мы, родная, всё время говорим не о том? Какое отношение к тому, что есть между нами, имеет школа, педагогика, твой класс? На земле, Светланка, живём только ты и я. Больше никого! Ты ведь знаешь, как я люблю тебя!

Парта, под которой притаился Витя, не то чтобы скрипнула. Она взвыла и завизжала на весь класс. Хотя Витя всего-навсего еле двинулся.

— А? — сказал завуч. — Что там такое? Ты слышала?

По проходу зашагали ботинки. Ближе, ближе... И с каждым шагом Витя всё больше вжимался в парту. Только куда тут вожмёшься? Был бы букашкой, забрался в щель, удрал в какую-нибудь незаметную трещину.

— У тю-тю! — раздалось над Витей. — Да тут, оказывается, засел тайный агент. Ну-ка, вылезай!

Витя выбрался из-под парты и с трудом разогнулся.

— Каким образом, Корнев, ты тут очутился? — удивилась Светлана Сергеевна. — Или мне просто померещилось, что ты открыл дверь и ушёл?

Завуч сел боком на парту. Поставил ногу на сиденье и спросил:

— Ты, разумеется, знаешь, родимый, как поступают с пойманными на месте преступления шпионами?

— Иван! — сказала Светлана Сергеевна.

— Иван Игоревич, — поправил он. — Для учеников моей школы, Светлана Сергеевна, в их присутствии я для вас всегда буду только Иваном Игоревичем. Этот вопрос обсуждению не подлежит.

— Но как же можно, Иван...

— О, есть светлая мысль! — воскликнул завуч. — Сейчас мы, Светлана Сергеевна, с помощью вашего ученика прекрасно разрешим наш спор. Ответь нам, пожалуйста, Корнев, коль ты уж тут очутился и кое-что слышал, ответь: почему меня уважают в школе — просто так или потому, что боятся?

— Но это ведь опять то же самое, Иван... Как же ты не понимаешь, что...

— Вас, Светлана Сергеевна, я прошу пока помолчать,— сказал завуч. — Я спрашиваю Корнева. Пускай всё будет объективно. Как говорится, устами младенца глаголет истина. Ну, так как, Корнев? Я жду ответа.

Но что мог Витя ответить на такой вопрос? Про коров было и то проще ответить, чем на такое. Если, конечно, говорить по-честному, то, по Витиному мнению, Ивана Грозного вовсе совсем и не уважали, а просто боялись. Но не скажешь ведь такое в лицо взрослому человеку и тем более завучу. А неправду говорить — так какой же тогда Витя гражданин? Никакой он тогда не гражданин. Ещё хуже, чем Вася Пчёлкин.

— Не знаю я, — просопел Витя, не придумав ничего более вразумительного.

Он просопел эти слова и тотчас понял, что всё равно обманывает. Что это почти одно и то же, как если сказать: «Вас все очень уважают, Иван Игоревич. И просто так уважают. Без всякого».

— Вы не гражданин, — вдруг выговорил Витя.

— Что, что?! — удивился завуч. — Что ты сказал?

— Я сказал, что вы не гражданин,— более твёрдо повторил Витя. — Светлана Сергеевна вам правильно говорила, что вы обманщик. Поэтому вас в школе никто и не любит. Вас только боятся. Вы...

— Молчать! — обрезал Витю завуч. — Ишь распустились! Убирайся отсюда вон, наглец! И передай отцу, что я хочу с ним увидеться. В любое удобное для него время. Мне думается, он забыл втолковать тебе, что такое уважение к старшим. Пока твой отец не придёт в школу, к занятиям тебя больше не допустят. Видели, Светлана Сергеевна, к чему приводит ваша мягкосердечность? Видели? Вот вам, пожалуйста, и разрешение нашего спора.

Глава седьмая

МЕДАЛЬ „ЗА ОТВАГУ“

Хотя Витя и открыл дверь своим ключом, в прихожей его сразу встретила бабушка. Приложила палец к губам:

— Тс-с... Дедушка спит. Надевай тапочки, мой руки и — на кухню. Где ты так долго? Остыло всё.

Относительно тапочек бабушка быстро научилась у мамы. Каждого заставляла разуваться в прихожей.

— Кто там?! — крикнул из комнаты дед. — Витька? Я не сплю! Иди сюда, Витьк. Один вопрос тут назрел.

Дед лежал на диване, запрокинув голову. Видно, недавно деда снова сильно прихватило. Подбородок торчал вверх. На шее натянулась морщинистая кожа. И в комнате пахло лекарством.

— Что ты такой пришибленный? — спросил дед, покосив глазом. — Подрался, что ли, с кем?

— Не, — буркнул Витя, — ни с кем я не дрался.

— Так чего?

— Да ничего совсем.

— Что, спрашиваю!

— Тебя Светлана Сергеевна просила у нас в классе выступить, — буркнул Витя. — Просила рассказать про военно-морскую авиацию. Ты сможешь у нас выступить?

— Я-то смогу. Но ты ведь не потому такой пришибленный?

— Не.

— А почему?

— Папу в школу вызывают, — просопел Витя. — Я нашему завучу сказал, что он не гражданин.

С минуту дед лежал молча, не шевелясь. Потом, закряхтев, сел, спустил с дивана ноги в синих шерстяных носках. Попросил, чтобы Витя прикрыл дверь, сказал:

— Выходит, мой внук вздумал в единый миг заделаться гражданином? Так я тебя понял? Но неужели ты решил, что каждый горлопан, у которого покрепче голос, уже и гражданин?

— Ничего я не решил. Я...

— Цыц, теники-веники!

— Но он же, деда, правда...

И, сбиваясь, перескакивая с пятого на десятое, Витя рас-

сказал деду, как их с Федей вызывали «на эшафот», как сегодня получилось, что он оказался под партой, и что он услышал. Дед кряхтел, тёр поясницу и морщился. Выслушав внука, сказал:

— Всё вроде правильно, Витьк. Но запомни самое главное: гражданственность начинается с того, как ты ведёшь себя сам. Видеть недостатки в поведении других всегда значительно проще. Сложней видеть собственные просчёты, устранять их и вести себя достойным образом. Например, все знают, что врать дурно. И все втолковывают другим, чтобы они не врали. Но почему же, Витька, тогда на свете столько врунов?

— Так я-то тут при чём? — надулся Витя.

— Вот именно, ты тут абсолютно ни при чём, — сказал дед. — Люба у тебя врун, Федя у тебя врун, Вася Пчёлкин у тебя врун, завуч — и тот у тебя врун. А ты сам? Что же ты на них-то накинулся? Ты бы сначала на себя кидался, вот бы и был гражданином. А ты — на завуча. Ах, как смело! Ах, как гражданственно! Ах, какой ты герой! Прямо медаль тебе срочно нужно выдать «За отвагу».

— Зачем медаль? — обиделся Витя.

— А ты подумай, зачем. Если бы все люди вдруг стали поступать, как ты. А? Других бы долбали, а сами чуть-чуть делали по-своему. Ведь самому всегда чуть-чуть можно. И что бы тогда получилось? Подумай.

Дед так разошёлся, что в комнате сразу незаметно очутилась бабушка. Неслышно вошла, остановилась у двери, сложила руки на переднике.

— Что тут у вас стряслось?

— Ничего, ничего. Полный порядок, Маняш, — проговорил дед. — В школу вот мне нужно сейчас сходить. С завучем поговорить... относительно выступления.

— Какое ещё тебе в таком состоянии выступление, Коля?

— Надо, Маняш. Дети просят, — сказал дед и повернулся к Вите. — Да, я вот что у тебя хотел спросить: вы новую машину купили?

— Какую — новую? — не понял Витя.

— «Жигули», — сказал дед и дёрнулся в сторону бабушки, которая безмолвно стояла у двери и лишь мяла в руках край передника. — Прошу тебя, мать! — воскликнул дед. — Он уже не ребёнок! И я считаю, что обязан говорить ему

всё! Он живёт не в какой-то обособленной жизни, а вместе с нами. И нечего перед ним прикидываться. А с Вадимом, не бойся, я тоже поговорю. Стыдно, что он от меня тайны устраивает.

— Да ничего, деда, папа от тебя не устраивает, — вступился за отца Витя. — Откуда ты взял про «жигули»?

— Вот откуда, — схватил дед с журнального столика бумажку. — Документ тут у меня один затерялся. В горисполкоме требуют, а он, лешак его ведает, куда сгинул. Искал, искал — и вот... Чёрным по белому, на бланке и с печатями. Читать умеешь? Вадим Николаевич Корнев деньги, такую-то сумму, уплатил, автомобиль марки «жигули» получил. Или, может, Вадим Николаевич Корнев — это какой-то совершенно чужой дядя?

— Да папа же, конечно! — вспомнил Витя. — Только ты, деда, прямо всё перепутал. Это же папа не себе машину купил. Она лишь на папу оформлена. А вообще-то это дяди-Сенина машина.

— Так, так, — сказал дед. — Выходит, я, старый путаник, всё перепутал. Но почему же ваш дядя Сеня купил машину не на своё имя, а на папино?

— Да очень прямо просто, — сказал Витя. — У папы на работе выделили машины. Ну, значит, кто хочет, пожалуйста, покупайте. Папа решил купить. Написал заявление. Думал, «москвича» продаст, добавит денег и купит «жигули». Но они с мамой подсчитали, и ничего не получилось. Оказалось, не набрать им столько денег. Папа хотел отказаться, а тут дядя Сеня и попросил его, чтобы он не отказывался. Зачем же отказываться, когда у дяди Сени на работе не дают машин? Вот так и получилось. Понимаешь?

— Чего уж тут не понять? — вздохнул дед. — Понимаю. Мелочь, на которую не стоит обращать внимания. Но если мне не изменяет память, вы с папой этой весной как-то собрались в цирк. И не попали. Потому что опоздали на пароход. Было такое?

— Было, — сказал Витя.

— И, как ты мне рассказывал, папа очень мудро объяснил тебе, почему пароход не дождался вас. И из-за подшипника папа на тебя рассердился, не захотел, чтобы ты что-то доставал...

— Коля, — тихо сказала от двери бабушка.

— А сам, — не услышав бабушки, закончил дед, — за счёт своих сослуживцев достал своему товарищу машину. Вот почему я говорю, Витьк, что видеть недостатки в поведении других не так и сложно. Сложней самому вести себя достойным образом, не разрешать себе никаких чуть-чуть.

Глава восьмая

ЯПОНСКИЙ ОТРЕЗ

Картофельные котлеты с грибной подливкой бабушка готовила очень вкусно. И только Витя доел, после разговора с дедом, котлеты, как прибежала с работы мама.

— Вы посмотрите, какой я достала отрез на платье! — радовалась она. — Японский! Совершенно не мнётся! А какой цвет! И как раз то, что хотела Нинель Платоновна. Да за такой кримплен... Понимаете, Лилиной подруге этот отрез привезла из-за границы сестра Сониного мужа. Зна-

ли бы вы, чего мне стоило уговорить Лилю уступить мне этот отрез!

Но знала бы мама, о чём дед несколько минут назад разговаривал с Витей! Только ведь мама ничего не знала. И поэтому была такая радостная. Встряхивая отрез на руках, она восторженно объясняла, как его доставала. Она объясняла больше бабушке. Но заодно — и дедушке.

А дедушке сегодня как раз только и не хватало этих объяснений! Даже Витя и тот заметил, как бабушка взглядом командует деду, чтобы он молчал. Но мама ничего не замечала.

Очень спокойно и наверняка опять же специально для деда бабушка провела ладошкой по отрезу и похвалила его.

— Вот и славно, Галчонок, — сказала бабушка, — что тебе так повезло.

Морщась, дед поднялся с дивана и стал молча одеваться.

Тут-то уж мама должна была заметить.

Нет, ничего не заметила!

— Вы лежите, папа, лежите,— засуетилась она. — Я звонила Нинель Платоновне. Она сейчас зайдёт к нам.

Дед нахмурился ещё больше. Но промолчал. Лишь бросал злые взгляды на бабушку, которая как села у двери, так и застыла на стуле.

На звонок в прихожей мама бросилась прямо с отрезом.

— Пожалуйста! Милости просим! Вы взгляните, Нинель Платоновна, какая прелесть! — завострогалась мама. — Я вам сошью такое платье... Проходите, прошу вас. Знакомьтесь. Это — отец мужа. А это — мать. У Николая Григорьевича ужасный радикулит. Он почти не поднимается с дивана. Но ради вас он встал. Услышал, что вы к нам зайдёте, и сразу встал.

— Галя! — стукнул дед в пол палкой. — Я поднялся потому, что собираюсь в школу. Только поэтому, а вовсе не потому, что ждал гостей. Во-вторых, если ты сама себя не уважаешь, то не ставь ты в глупое положение Нинель Платоновну. Ну что ты взбаламутилась с этим отрезом, что ты из кожи-то вылезаешь? Квартиру, что ли, мне устраиваешь? Так я по-человечески просил тебя ничего мне не устраивать! Ни-че-го!

— Па-па, — прошептала мама, прижимая к подбородку японский отрез. — Что вы такое говорите, папа? Да ещё при ребёнке.

— При каком, к чертям, ребёнке?! — взорвался дед. — Почему, Галя, при этом самом ребёнке вы считаете возможным делать что угодно? А как доходит до того, чтобы это при том же самом ребёнке назвать своим собственным именем, вы немедленно падаете в обморок? Почему?!

Глава девятая

НЕ СВЕРНИ С КУРСА

Вечером, когда вернулся с работы папа, мама всё ещё лежала на кровати лицом к стене. Мама уже не плакала, но и разговаривать ни с кем не хотела. Бабушка несколько раз звала её обедать, но мама не отзывалась.

Дед прихромал из школы, поманил Витю в уголок и тихо сказал:

— Завтра утром подойдёшь к завучу и извинишься перед ним. Гражданин!

— Ладно, — буркнул Витя.

— Как тут? — спросил дед.

— Как, — сказал Витя. — Ты же видишь — как.

Дед, конечно, видел. И ещё ему бабушка передала молчком всё, что было нужно. Закряхтев, дед улёгся к себе на диванчик и затих.

А когда вернулся с работы папа и они с мамой пошептались на кухне, началось самое главное.

— Нам нужно с тобой серьёзно поговорить, — сказал папа деду. — Так, отец, больше продолжаться не может. Я не пойму, чего ты добиваешься.

— Маняш! — позвал дед и похлопал рядом с собой по дивану. — Сядь тут рядом со мной. — И сказал папе: — Я тебя слушаю, Вадим, слушаю. Давай поговорим.

Перебивая друг друга, Витины папа и мама подробно объяснили деду, что вести себя подобным образом попросту бестактно. Что здесь не армия. Что нельзя смотреть на вещи столь прямолинейно.

— Пойми ты, — втолковывал деду Витин папа, — Галка лучший на весь город модельер. Что же зазорного, если она сошьёт Нинель Платоновне платье? Почему ты решил, что это всё из-за твоей квартиры? Галка уже сшила Нинель Платоновне не одно платье. И вовсе не потому, что Нинель Платоновна жена Агафонова. Или, по твоему мнению, Нинель Платоновне теперь никто не имеет права ничего шить? Как же, ведь могут подумать, что это только из-за её мужа!

— И самое главное, Вадим, даже не в этом, — прикусила губу мама, снова собираясь заплакать. — Зачем же такое при Нинель Платоновне? Ну, сказал бы тебе, мне. Ну, прожили бы мы тут, в тесноте, на год больше. Я на всё согласна. Но как я теперь, встретившись, посмотрю Нинель Платоновне в глаза? Что я ей скажу? Как можно было такое?

Папа с мамой говорили долго. А дед лежал, смотрел в потолок и молчал. И бабушка молчала тоже.

Наконец, дождавшись паузы, дед вздохнул:

— Принимаю. Целиком и во всём согласен с вами, ре-

бята. Идиотский у меня характер. Тяжело вам со мной. Знаю. Но ведь я военный лётчик. Вы меня тоже поймите. У военного лётчика мышление, и впрямь, наверное, прямолинейное.

Дед помолчал, нашёл на диване бабушкину руку, положил на неё свою и, глядя в потолок, неожиданно стал рассказывать про торпедную атаку. Бывало, Витя просит, просит — не допросится. А тут дед — сам. Лежал и рассказывал о том, как самолёт-торпедоносец выходит на боевой курс, как прицеливается по кораблю противника, как идёт сквозь шквал огня к цели.

И Вите было немножечко странно слушать обо всём этом после горячих маминых и папиных речей. Ведь то, о чём рассказывал дед, не имело никакого отношения к маминой обиде и к японскому отрезу, ко всему тому, что случилось, когда пришла Нинель Платоновна.

А с другой стороны, что было до всего этого Вите? Слушая деда, Витя с неожиданной отчётливостью до самых мелких подробностей представил себе всю торпедную атаку. Он услышал звук ревущих моторов, почувствовал дробную вибрацию корпуса самолёта, ощутил толчки от рвущихся рядом в воздухе снарядов. Витя представил себе всё так отчётливо, будто сам сидел рядом с дедом за штурвалом, сам впивался глазами в маячащие на горизонте корабли противника.

...Холодное Баренцево море. Вдали фашистский транспорт в окружении боевого охранения. И все огневые точки на эсминцах и сторожевиках стреляют в один-единственный самолёт.

Все!

В тебя!

Даже орудия главного калибра. Они бьют перед самолётом в воду. И на пути самолёта вздымаются огромные столбы воды.

Пули и снаряды свистят вокруг торпедоносца. А штурман, глядя в специальный прибор, наводит машину на цель.

Боевой курс! Его нужно выдержать с безупречной точностью. Скорость. Высоту. Направление. Чуть дрогнешь, собьёшься, и сброшенная торпеда пойдёт мимо цели.

И бывало так, что у лётчика на боевом курсе сдавали нервы. Очень редко бывало такое, но бывало. Не выдержит

лётчик шквального огня противника и отвернёт, чтобы уйти. Но на вираже самолёт подставляет под град снарядов и пуль слишком большую площадь, всё «пузо», как говорят в авиации. Намеревался уйти, да получилось иначе. Чаще всего те, кто сворачивал с боевого курса, на базу не возвращались. В бою вообще чаще других гибнут трусы.

— Что уж тут попишешь? — сказал дед, поглаживая бабушкину руку. — Я лётчик, ребята. И по мне жизнь — та же атака. Чуть-чуть собьёшься, считай, в цель тебе не попасть. А сдадут нервы, струсишь, отвернёшь — значит, вообще пропал. Вот вам и вся моя немудрёная философия.

Замолчав, дед скрипнул зубами, тихо попросил бабушку:

— Маняш, вызови сестру. Пусть укол сделает. Никакого больше терпежу нету.

Он впервые сам попросил вызвать сестру. Раньше лишь ругался. А тут попросил сам.

Бабушка кинулась к телефону. По запрокинутому лицу деда катились крупные капли пота.

Глава десятая

КАК ВАС СБИЛИ?

В классе собралось народу — никогда столько не собиралось. И из четвёртого «а» пришли, и многие старшеклассники, и учителя, и дядя Андрюша.

Завуч Иван Игоревич сказал:

— Может, Николай Григорьевич, лучше в актовый зал переберёмся?

Иван Грозный встретил деда словно какого-нибудь инспектора гороно. Даже ещё лучше. Витя никогда и не видел, чтобы Иван Грозный кого-нибудь так встречал. Наверняка это после того похода деда в школу, когда он ходил вместо папы.

— Нет уж, — сказал дед завучу. — В актовом-то зале у нас наверняка никакого разговора не получится. Я, Иван Игоревич, боюсь, что и в классе-то не получится. Но уговор наш помню. И как сумею, так и сумею.

Дед не захотел в актовый зал. В классе ему понравилось больше. А может, ему просто было тяжело лишний раз двигаться. И так с трудом поднялся на третий этаж. Отдыхал на каждой площадке.

— Ничего, Светлана Сергеевна, — сказал дед, — если я буду сидеть?

— Да что вы! Что вы! — забеспокоилась Светлана Сергеевна. — Как вам удобнее.

Из учительской принесли стулья. За каждую парту втиснулось по три и даже четыре человека.

Дед оглядел парты и спросил:

— О чём же вам рассказать? Может, у вас вопросы какие-нибудь есть? Про авиацию.

На деде чёрная тужурка с золотыми пуговицами. На кремовой рубашке чёрный галстук. На плечах полковничьи погоны. Над карманом слева — золотая птичка с цифрой «1» на синем щите. На правой стороне груди — четыре ряда орденских планок.

— Расскажите, как вас сбили, — пискнула Люба.

— Агафонова! — шикнула на неё Светлана Сергеевна.

— Правильно, правильно, — сказал дед. — Можно и об этом. Было такое. Раз есть интерес, расскажу.

Сказал «расскажу» и замолчал. Сидел за учительским

столом, вытянув перед собой сцепленные пальцы рук, и смотрел на свои пальцы. Так и начал, не поднимая глаз. Только почему-то вовсе не про торпедную атаку и не про самолёт-торпедоносец, который шёл над Баренцевым морем и зацепил краем крыла водяной столб.

— Гастроном на улице Энгельса знаете? — начал дед.— Прохожу я тут на днях мимо этого гастронома. Иностранная машина стоит. Шикарный автомобиль, ничего не скажешь. За рулём — никого. А рядом с водительским местом женщина сидит. С круглыми тёмными очками во всё лицо. У автомобиля трое парнишек крутятся, заграничную красоту рассматривают. Лет так по десять мальчишкам. Может, чуть больше. Тут из магазина хозяин машины вышел. Иностранец. Свёртки к груди прижимает.

Дед помолчал, поднял глаза и сказал:

— И вот то, что случилось дальше, неожиданно напомнило мне, ребята, одно событие в моей жизни. Я вспомнил

раннее утро двадцать шестого августа тысяча девятьсот сорок второго года. В тот день я потерял своих трёх боевых друзей и лишь чудом сам остался в живых. В тот день меня сбили во время торпедной атаки.

Витя сидел на своей парте, зажатый между Любой и Федей. И ещё сбоку пристроился какой-то семиклассник. Может, у Вити такое удивительное воображение? Но всё, о чём тихо рассказывает дед, Витя видел в мельчайших подробностях, словно опять сам, крепко держа штурвал, вместе с дедом ведёт машину на фашистский караван, сам падает вместе с самолётом в студёную морскую воду, сам стоит под расстрелом...

Глава одиннадцатая

НА СВОБОДНУЮ ОХОТУ

Экипаж старшего лейтенанта Корнева подняли по тревоге в три часа ночи. Заместитель командира полка и начальник разведки разложили перед Корневым и штурманом — лейтенантом Володей Тарутиным — карту.

— Где-то в этом квадрате, — ткнул карандашом начальник разведки. — Идут отсюда. По всей вероятности, вот сюда. На море штиль, но сплошная низкая облачность, метров пятьдесят. И моросящий дождь. К утру дождь может усилиться. В караване один транспорт с живой силой и техникой. Охраняют: два эсминца и два сторожевика.

— Вопросы? — спросил заместитель командира полка.

Вопросов у старшего лейтенанта Корнева и лейтенанта Тарутина не оказалось.

— Самолёт будет готов через пятнадцать минут, — подняв левую руку и взглянув на часы, сказал заместитель командира полка. — Вылет через час. Пойдёте на свободную охоту. Полная инициатива в действиях. Но без лишнего риска. Транспорт разыскать во что бы то ни стало, атаковать и потопить.

— Есть! — чётко ответили Корнев с Тарутиным.

Выскочив из штабной землянки, они наткнулись на своего стрелка-радиста Ваню Перепелицу.

— Всё готово, — доложил Ваня.

— Веселков где? — спросил Тарутин о воздушном стрелке Саше Веселкове. — Если он, теники-веники...

Штурман Володя Тарутин двух слов не мог сказать без своих «теников-веников». О Веселкове же он беспокоился потому, что тот был влюблён в Алёнку из офицерской столовой и частенько в свободное время бегал к ней на свидание.

— Уже у самолёта Веселков, — сказал на бегу Ваня Перепелица. — Он прямо туда побежал, а я — к штабу.

— Смотри, теники-веники! — пригрозил Тарутин.

Они бежали до самой стоянки. Совсем взопрели в меховых комбинезонах и унтах. Да ещё под мехом комбинезона — тёплое бельё, шерстяной свитер... Пар валил от тройки, пока добрались до своего ИЛа.

Громоздкий ИЛ-4 стоял, задрав к низким облакам прозрачный нос штурманской кабины. Было по-северному призрачно-светло, как обычно здешними белыми ночами. Под брюхом самолёта уже висела густо смазанная рыжим маслом торпеда.

Техник доложил командиру экипажа, старшему лейтенанту Корневу, о готовности материальной части самолёта к полёту. Привычный осмотр машины: каждый член экипажа — своё хозяйство.

Корнев натянул с помощью моториста парашютные лямки, защёлкнул каждую из них в замок. Ртом поддул в резиновые трубки на груди ярко-оранжевый спасательный жилет — «капку», надетый поверх комбинезона. И только после этого дал команду: «По кабинам!»

Знал бы Корнев, какую неоценимую службу сослужит ему вскоре эта «капка»! И как кстати придётся именно то, что Корнев даже в спешке не забыл поддуть её! Однако в тот момент командир экипажа, конечно же, совершенно не думал обо всём этом. Он попросту делал то, что диктовала ему инструкция, и делал это почти автоматически.

Взревели моторы. Короткая рулёжка. В шлемофоне голос:

— Взлёт разрешаю.

Винты на малый шаг. Рычаги газа — до упора. Замелькала взлётно-посадочная полоса, смазалась скоростью в сплошной серый поток. Штурвал резко от себя, чтобы оторвать хвост. И затем медленно на себя. И ещё. Мягкий толчок. Снова толчок. И последний, почти незаметный, когда взлетевшая машина едва задела колёсами какую-то неровность.

У Корнева, сколько он ни летал, всегда этот миг отрыва от земли вызывал особое чувство. Словно пройдена какая-то грань и ты вступил в новое состояние, значительно более важное и ответственное, чем там, на земле. Может, он вообще был рождён для воздуха, Николай Корнев? Но в любом полёте он неизменно ощущал прилив собранности, сил и энергии.

До береговой черты шли вслепую, в облаках. Когда по расчётам штурмана выскочили к побережью, пробили облачность. И потянулись на бреющем над самой водой. Сверху их прикрывало серой, моросящей нудным дождём хмарью.

Кончалось короткое северное лето. На смену белым ночам надвигалась долгая полярная ночь. Однако до полярной ночи было ещё далеко. И сейчас сквозь сеющий дождь и лохмотья облачности над штилевым морем изливался молочно-серый, не дающий теней свет.

Они около двух часов резали зигзагами квадрат, указанный начальником разведки полка. От монотонного гудения моторов и однообразия серой с нескончаемым дождём-пылью мути слипались глаза.

Едва различимый вдали караван первым заметил Володя Тарутин. Крикнул:

— Командир, справа!

Голос его резко ударил в шлемофоне по ушам.

— Где? — спросил Корнев. — Ага, вижу. Идём на сближение. Приготовиться. Перепелица! Веселков! Вы не дрыхнете там?

— Ну, что вы, товарищ командир, — обиженно отозвался из своей кабины стрелок-радист Ваня Перепелица. А Саша Веселков, вообще более замкнутый и неразговорчивый, смолчал. Но и так было понятно, что он, как обычно, весь внимание.

С транспорта и кораблей охранения их встретили огнём мили за три. По бортам эсминцев и сторожевиков заплясали огоньки выстрелов. Звука выстрелов они в самолёте не слышали. Ни за три мили, ни когда подошли ближе. Всё перекрывал мощный гул моторов.

Легли на боевой. Ровно тридцать метров над гладью воды. И ни-ни от заданных скорости и курса. У Корнева вспотели руки в меховых крагах и взмокла спина. Смотрел прямо перед собой, на цель, на транспорт. Но краем глаза видел беззвучно рвущийся вокруг самолёта шквал огня. В плоскостях тут и там мгновенно, словно невидимый фокусник показывал хитрый фокус, возникали рваные отверстия. Впереди по курсу яркими бутонами расцветали вспышки снарядов. Из воды один за другим стали подниматься, почти доставая макушками до облаков, зелёные столбы воды. Они опадали с пенным всплеском, вдавливая под собой круглые чаши. И от огромных чаш волнами расходились затухающие круги. Это заговорила артиллерия главного калибра.

— Приготовиться к сбросу торпеды! — скомандовал штурман. — Ну, дадим мы им сейчас, теники-веники!

Что произошло дальше, Корнев понял лишь через несколько минут. Мощный удар вырвал у него из рук штурвал. Перед глазами мелькнул падающий влево горизонт... Ещё один болезненный удар — и всё потухло.

Глава двенадцатая

УМИРАТЬ НУЖНО СТОЯ

В чувство Корнева привела ледяная ванна. Его будто обожгло, насквозь пронзило нестерпимым холодом.

Медным гулом гудела голова. Плюс ко всему Корнев наглотался горько-солёной воды и еле отдышался. Кашляя и отплёвываясь, он огляделся. На поверхности воды, не давая ему утонуть, его держал поддутый перед вылетом ярко-оранжевый жилет-«капка». Невдалеке покачивался под моросящим дождём ещё какой-то предмет такого же цвета. И больше вокруг ничего. Кругом была затянутая дождевой пылью пустота. Пустота и мягкий, затихающий накат волн.

Самолёт, как понял Корнев, ударился правой плоскостью о водяной столб. Резкий разворот и... При ударе над Корневым, вероятно, сорвало фонарь кабины. А пристяжные ремни? Неужели успел механически отстегнуть их? Он этого не помнил. Но так или иначе, его выбросило из кабины. А Володя Тарутин, Ваня Перепелица и Саша Веселков... Неужели пошли на дно вместе с машиной?

А что это там маячит невдалеке под дождём? Может, кто-то из ребят?

И Корнев поплыл туда, к этому качающемуся предмету. Он с трудом двигал окоченевшими, непослушными руками. Он плыл и будто не двигался с места. Наконец сообразил: мешал, сильно оттягивая вниз, намокший парашют. Щёлкнув на груди замком, Корнев освободился от лямок. Сразу сделалось легче. И тогда, преодолевая тугую непослушность мышц, он упрямо поплыл к тому предмету.

Предмет оказался упакованной в чехол надувной лодкой ЛАС-3. Каким образом она вдруг тут оказалась? По всей вероятности, при ударе о воду у ИЛа разломило хвост. И выбросило этот тюк.

Снять чехол с тюка — всего лишь рвануть за торчащий кончик шкерта. А дальше и того проще. Корнев отвернул вентиль небольшого баллона. В считанные секунды лодка развернулась, набухла, наполнилась упругой пружинистостью.

А вот залезть в лодку неожиданно оказалось чрезвычайно сложным делом. Хотя, впрочем, может, Корнева слишком сильно ударило при падении? Болезненный гул в голове

говорил именно об этом... Он всё же залез в лодку. Каким-то неимоверным напряжением заставил себя лечь грудью на тугой валик борта, подтянуться и перевалиться внутрь. Больше всего забот доставили ноги — одеревеневшие, чудовищно тяжёлые в промокших унтах — они никак не желали попадать в лодку, болтались в воде за бортом. Но в конце концов попали в лодку и они.

В лодке Корнев нашёл черпак для воды и неприкосновенный, именно на такой вот случай, запас питания, НЗ, и даже небольшие, но вполне удобные вёсла и уключины.

Лодка была во всех отношениях удобной. Пожалуй, лишь чересчур подвижной и вертлявой. Нынче на таких лодчонках ходят по озёрам рыболовы-любители. Корнев сел на дно лодки. Сел, подтянув к лицу, насколько удалось, колени. Он сжался в комок, стараясь хоть немного согреться.

Над пустынным морем застыла в дождевой пыли предутренняя тишина. Откуда-то с востока пробивалось утро. Кромка облаков в той стороне тихо наливалась сквозь дымчатую пелену едва различимой розоватостью.

Промокший комбинезон, казалось, не грел, а, наоборот, холодил. Корнева знобило. Его трясло так, что поплёскивала у бортов лодки вода. Но комбинезон, конечно, грел. И Корнев знал это. Как отлично знал и то, что промокшее

до нитки обмундирование всё-таки продлит ему жизнь по крайней мере часа на два. А сколько ему ещё осталось всего? Ну, часов пять. Ну, семь. А там неизбежное переохлаждение, потеря сознания и... конец. Найти его в такой облачности, при видимости в пять — шесть километров — пустая трата времени.

К чему тут обнаруженный Корневым в лодке неприкосновенный запас — несколько галет, плитка шоколаду? К чему? Чем они могли ему помочь? Сухари, быть может, хороши на Чёрном море. Но на Баренцевом... Здесь не успеешь умереть от голода. Здесь тебя поджидает другое.

Единственное, чего сейчас нестерпимо хотелось Корневу — это закурить. И захотелось ещё больше, когда он вытянул из кармана раскисшую пачку «Беломора». Чертыхнувшись, он отшвырнул от себя папиросы. Вместе с набрякшим коробком спичек. Голова гудела. От холода лязгали зубы. Не унять. А курево в НЗ не входило.

Чтобы согреться, он взялся за вёсла. Вставил их в гнёзда-уключины, резко оттолкнувшись, сделал гребок. Затем — второй и третий. Движение не согревало, вызывало лишь новый озноб. Метнулась шальная мысль: лучше бы уж, как штурман со стрелками: мигом. Умирать, наверное, всегда значительно легче, когда не успеваешь подумать о том, что умираешь. Наверняка, теники-веники, легче, как сказал бы Володя Тарутин.

Нажимая на вёсла, Корнев увидел вдалеке приближающийся к нему на полном ходу вражеский сторожевик. Фашистского каравана Корнев так и не увидел, караван растворился в дожде. А сторожевик шёл к нему, к Корневу. И где-то в самой глубине души, стыдясь возникшей мысли, Корнев даже немного обрадовался. Вот и ладно. Вот и лёгкий конец. Хоть не долго придётся мучаться. Ясно ведь, зачем сюда торопились фашисты. Не в плен же брать! Зачем он им нужен. Фашисты давно уже успели убедиться — советские лётчики умеют молчать на любых допросах.

Корнев опустил вёсла. Достал из кобуры пистолет ТТ, проверил обойму, вытряхнул из неё воду. Деловито и спокойно взвёл. И неожиданно почувствовал, что его уже не так трясёт от холода, что вроде стало теплее.

Сторожевик приближался. Уже различались на фоне дождевой мути силуэты надстроек, мачты, стволы расчехлённых орудий. И Корнева вдруг пронзило: неужели они

расстреляют его сидящего? Неужели он будет сидеть под выстрелами? Он — красный командир, советский лётчик!

Попытка подняться, встать на ноги сначала не удалась ему. Юркая лодчонка плясала и грозила опрокинуть в воду. Наверное, дай ему такую задачу во время учения, Корнев не сумел бы её выполнить. Не сумел, будь он полон сил, в сухом обмундировании. Не сумел бы потому, что это было попросту невозможно. И любой, кто хоть немного знаком с подобным, может подтвердить: нет, не встать в промокшем зимнем обмундировании во весь рост в утлой пляшущей резиновой лодчонке под названием ЛАС-3.

Однако бывает и так: то, что абсолютно невозможно в обычных условиях, возможно в условиях необычных. Бой — одно из самых необычных условий. Потому что нет ничего более противоестественного для людей, чем убивать друг друга. Сейчас шёл бой. И контуженный лётчик, насквозь промокший, дрожащий от холода, встал и широко расставил ноги. Встал и даже не удивился тому, что сумел сделать подобное. Он просто не имел права не сделать этого.

С Корнева текло, капало в воду, которая успела накопиться под ним. В резиновом днище под каждым из унтов

образовалось углубление. И вода собралась в этих углублениях, покрыв унты до кожаных ремешков на щиколотках. Перед глазами вспыхивали разноцветные круги. А на лицо липла и липла противная паутина дождевой пыли.

ТТ для сторожевика — что детский пистолет-пугач. С борта полоснут из пулемёта на такой дистанции, с которой их не достанешь и винтовкой.

Сторожевик, взбив за кормой пену, дал задний ход и застопорил машины. Высоко на борту виднелись фигурки в синем. Даже можно было отличить матросов от офицеров. Они рассматривали оттуда Корнева, точно белого медведя в вольере зоопарка. Рассматривали с некоторым интересом, но вообще-то равнодушно, лениво и бесстрастно.

Корнев поднял пистолет. Покачиваясь и боясь упасть, прицелился. Зачем? Знал ведь, что впустую. Знал, что пуля не пройдёт и половину дистанции. Но он всё равно решил стрелять. Решил потому, что жил, потому что всё ещё вёл бой, потому что сопротивлялся.

Глава тринадцатая

ПЕРЕД САМИМ СОБОЙ

Рука у Корнева дрожала. Он прищурил глаз. И нажал курок. Выстрел прозвучал жиденько, как хлопушка. Но отдачей Корнева чуть не свалило с ног. Лодчонка заплясала, как шальная. Он, балансируя руками, выпрямился и всё же устоял.

На борту сторожевика засмеялись. В утренней, нарушаемой лишь шуршанием дождя тишине смех показался особенно обидным. Не прицеливаясь, Корнев выстрелил ещё раз. И ещё. Его уже не так швыряло отдачей. Он стрелял, стараясь не упасть и не забыть о последней пуле. Последнюю нужно было на всякий случай оставить для себя. На тот случай, если бы они вдруг захотели взять его живым.

Смех на борту стал ещё радостней. И от своей беспомощности, от болезненного гула в голове, от злости Корнев на какую-то долю секунды потерял сознание. Его качнуло.

Он присел, схватился за округлые борта лодчонки и... его пистолет, его последнее оружие, булькнув, пошло ко дну.

Наверно, они всё же там, на борту, побаивались пистолета в его руках. Потому что стоило Корневу его уронить, как тотчас вспенилась за сторожевиком вода и корабль подошёл ближе. Подошёл почти вплотную к Корневу.

Теперь сквозь туманное марево дождевой пыли он различил на борту даже лица. Там были всякие лица — и равнодушные, и любопытные, и сонные. Вроде бы совершенно обычные человеческие лица.

Счетверённый зенитный пулемёт на юте, развернувшись, опустил стволы к воде. Корнев снова поднялся. Он поднялся и высоко вскинул голову. Он смотрел прямо в чёрные точки, откуда сейчас должен был брызнуть огонь.

Дробь выстрелов, глухо перекатываясь, эхом убежала в дождь. Пули пропели над головой, зашлёпали всплесками за спиной. И Корнев не поверил, что они там промазали. С такой дистанции было невозможно промазать. Если стрелял даже совершенно неопытный новичок. Конечно, они там не промахнулись. Они просто пугали его! Они играли с ним! Они хотели, чтобы он упал сам!

Следующая очередь опять пропела над самой головой. За ней ещё одна. Но Корнев стоял. Не понимая как, но стоял. Сжав зубы, не опуская головы. Стоял и ждал, когда они там натешатся. Он ведь не имел права живым упасть перед ними, перед фашистами. Он — советский лётчик, коммунист.

Они гоготали там, наверху. Что-то по-своему кричали. Офицер махнул рукой в сторону юта, придумав, видно, что-то особенно интересное.

Через минуту Корнев понял, что они там придумали. За кормой сторожевика вновь закипела вода. С борта замахали руками, словно провожающие на вокзале. Кричали что-то радостное. Даже что-то швырнули к самой лодчонке Корнева. Точь-в-точь как швыряют в вольер к белому медведю конфеты в яркой обёртке.

И ушли. Растворились в дождевом мареве. Расчёт был предельно прост. Зачем помогать ему, этому гордому красному лётчику быстрее отправиться на тот свет? Зачем, когда он неизбежно отправится туда сам. Но только медленно, мучительно. Потому что упасть под пулей значительно проще, чем медленно умирать в течение пяти — шести часов.

R-5

Проводив глазами корабль, Корнев обессиленно плюхнулся в лодку. Сел и откинулся на борт, как в кресле. В сознании сразу пошли провалы. То увидит, как бежит по боевой тревоге к самолёту. То отдыхает у себя в землянке на койке. То с Маняшей и тремя сыновьями — Ильёй, Вадимом и Арсением — бредёт через ромашковое поле. Белым-бело в поле от ромашек. Зелёное раздолье с белой пеной. И синее, без облачка, небо над головой. Синее, как глаза у Маняши...

Он знал, что ему уже не суждено увидеть Маняшу. Ни Маняшу, ни сыновей. Он понимал, что обречён. Один-одинёшенек на всём белом свете. Один в огромном море, покрытом сплошной облачностью и моросящим дождём. Один перед прожитой жизнью, перед самим собой, перед неумолимо приближающимся концом.

Поглядел на часы. Но они остановились. Видно, в корпус попала вода. Сколько же времени прошло с момента катастрофы? И сколько ему осталось ещё? Сколько осталось всего? Нет, не всего, а до той черты, когда начнёт угасать сознание?

Озноб, бивший тело, понемногу утихал. На смену ему медленно надвигалось оцепенение, сонливость. Корнев проваливался в сон, как во что-то тёплое и спасительно-желанное. Но он знал, что это обман, что за сном прячется смерть, что, уснув, он уже не проснётся. И усилием воли он стряхивал коварную сонливость, оглядывался.

Пусто. Всё та же немая, беспросветная серо-зелёная муть. И вдруг неожиданно эта муть наполнялась щебетом птиц, плеском волжской волны, радостными криками сыновей, синью Маняшиных глаз...

Корнев с усилием встряхивал тяжёлой, в промокшем шлемофоне, головой. Пытался сесть удобнее. Начинал грести. Куда? Никуда. Так. Лишь бы что-то делать, двигаться. Он окунал в воду лопасти вёсел, делал гребок. Лодчонка вихляла, дёргалась из стороны в сторону.

Неожиданно под левое весло попала яркая коробочка в непромокаемой обёртке. Та, что бросили ему фашисты. В обёртке была пачка сигарет. И плоский пакетик спичек. Белокурая красавица с обворожительной улыбкой протягивала желающим зажжённую спичку. И внизу надпись — короткое немецкое слово, готическим шрифтом.

И только тут Корнев с неистовой жаждой до предела

понял, что ему сейчас хочется больше всего. Закурить! Сделать последнюю жадную затяжку. Которая сразу успокоит. И успокоит, и согреет. Имел же он такое право — закурить! В последний раз!

Рука сама собой потянулась к яркой коробке.

Потянулась и отдёрнулась.

Нет, он не имел такого права!

Не имел!

Остервенело забив по воде вёслами, он рванул в сторону. Он хотел удрать от ядовитого соблазна. Но, удирая, он не удирал. Он кружил на одном месте.

Корнев был один в огромном безбрежном море. Один — перед самим собой. Наедине со своей совестью. Никто бы и никогда не узнал, как он поднял ту пачку сигарет. Никто бы и никогда не осудил его. Ведь никто же его не видел!

Но поступок человека всегда начинается с мысли, которую никто не видит. Сначала перед самим собой, в мысли. Затем надежда на крепкий щит: ведь никто не видел, никто не узнает. Да и что, в конце концов, особенного, если чуть-чуть?

И человек предаёт самого себя. Прежде всего самого себя! А дальше... Совесть и стыд — как одежда: чем сильнее она изношена, тем небрежнее к ней относишься.

Лихорадочно шлёпая по воде вёслами, теряя последние силы, Корнев пытался удрать от проклятой пачки сигарет. Ему нестерпимо хотелось курить. Но он презирал и ненавидел фашистов. Он не мог взять их подачку. Он перед самим собой не имел на то права.

Глава четырнадцатая

ТАК И НЕ ЗАКУРИЛИ?

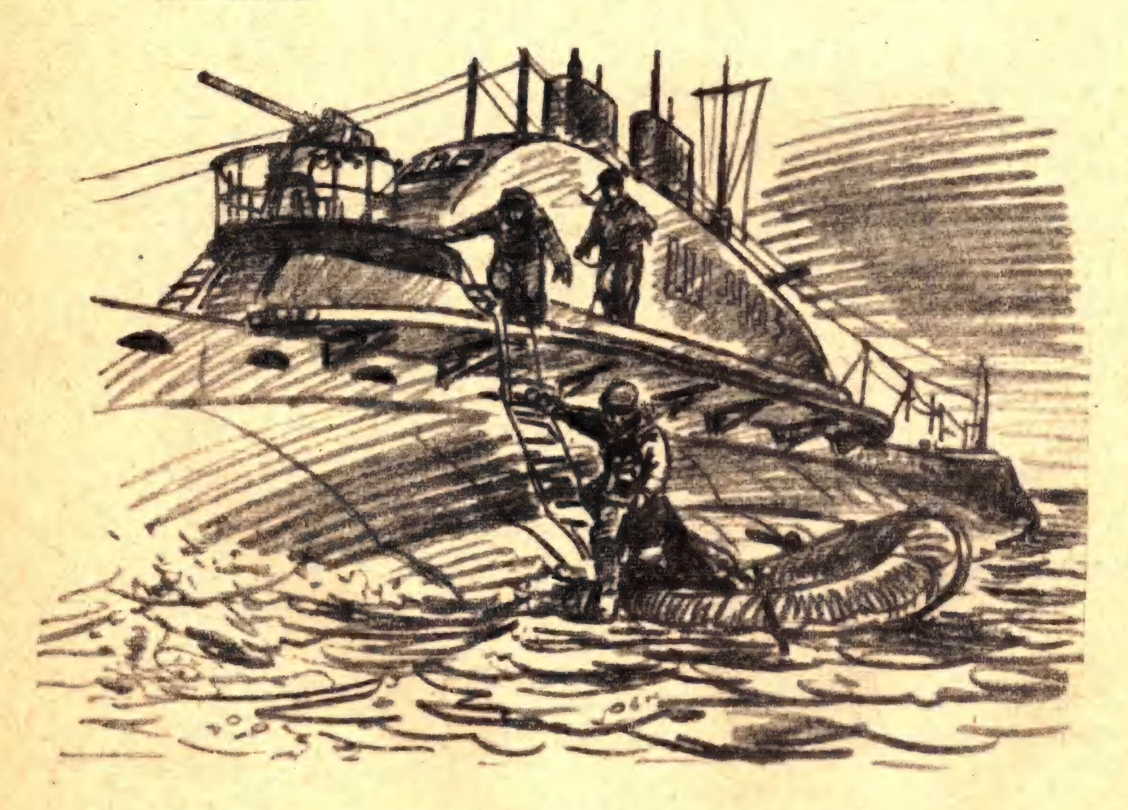
В классе стояла такая тишина, точно ребята и дышать перестали.

— Меня случайно подобрала наша подводная лодка, — негромко закончил дед. — Заметили в перископ. Но этого я уже не помню. Был без сознания.

— И так и не закурили? — прошелестело с последней парты.

— Я немного позднее закурил, — поднял глаза дед. — Уже в госпитале. И закурил я не что-нибудь, а нашу советскую махорочку. Скажу вам честно, ребята, наше — оно, конечно, ещё не всегда самое лучшее в мире. Да и не может так, наверное, быть, чтобы всегда и всё было самое лучшее. Только наше — оно всегда наше, сделанное своими собственными руками, а не брошенное с чужого стола. Заморские штучки, ребята, бывают заманчивыми, что греха таить. Жевательная резинка, к примеру. Но ведь не кланяться же из-за неё, не идти за ней с протянутой рукой.

И тут дед неожиданно вновь вернулся к тому иностранцу, которого встретил на улице Энгельса, к тем трём мальчишкам, что вертелись у заграничной машины. Иностранец, выйдя из магазина, протянул ребятам горстку жевательной резинки. Но мальчишки не взяли её, испуганно шарахнулись в стороны. И тогда иностранец кинул им своё угощение вслед. Кинул, как кидают корм курам. Держите, мол! Чего же вы?

Двое из ребят оглянулись, но не остановились. А третий остановился. Третий остановился и стал торопливо собирать на асфальте разноцветные дольки. И на прощание даже вежливо кивнул иностранцу, поблагодарил, показал свою воспитанность.

— А мне, ребята, сделалось очень стыдно за того мальчишку, — закончил дед. — Откуда у него такое? Почему? Где же у него гордость? Или он надеялся, что никто ничего не узнает — ну, там его учителя, мама с папой. А?

Глава пятнадцатая

Я НЕ ВРУНЬЯ, Я ПРИДУМЩИЦА

В саду, за распахнутым окном ребячьей каморки, отцветала старая вишня. Она походила на белое облако. Очень старая, посаженная ещё отцом Фединого отца, вишня доживала свой век. И быть может, в этом году она цвела столь буйно именно потому, что цвела в последний раз.

Со старой вишни беззвучно опускались крохотные лепестки-парашютики. Они ложились в траву и на подоконник распахнутого окна, на котором стоял полевой походный телефон. И подоконник, и телефон всё гуще покрывались сахарно-белым кружевом.

— Красиво как! — вздохнула Люба. — Правда, мальчики, красиво? Будто снег. Нет, правда? Знаете что, — как всегда, без всякого перехода выпалила она, — идёмте лучше купаться. Ну их совсем, ваших солдатиков.

Готовые к схватке пластмассовые армии стояли развёрнутым фронтом по обе стороны стола-верстака. Они лишь ждали обычных телефонных переговоров и сигнала к началу боя.

Витя давным-давно зарядил пушку красным карандашом. Но со старой вишни за окном тихо опускался парашютный десант. И воевать ни Любе, ни Феде, ни самому Вите почему-то не хотелось. Да и кому, если вдуматься, захочется воевать, когда только-только закончен четвёртый класс и наступила самая замечательная пора — летние каникулы? И тут Люба была абсолютно права: в летние ка-

никулы все нормальные люди бултыхаются в реке и валяются под солнышком на горячем песочке. А не сидят по тёмным каморкам.

Однако с другой стороны, человек потому и человек, что делает не то, что ему хочется, а то, что нужно. Особенно, если это человек с характером и убеждениями. У Вити были и убеждения, и характер. Поэтому Витя нахмурился, точь-в-точь как дед Коля, и сказал:

— Ладно, Агафончик, начинай давай! Сколько прямо ждать можно? Бери трубку и начинай.

В белом облаке вишни гудели пчёлы. Вырываясь из облака, они тяжёлыми торпедоносцами проносились у самого окна. В глубине сада постукивал топором Федин папа. По пояс голый, он стоял, широко расставив над бревном ноги, и ритмично взмахивал топором.

— Чвак! Чвак! — приговаривал по дереву топор. — Чвак! Чвак!

Федя пояснил:

— В горнице у нас совсем потолок прогнулся. Вот батя и остругивает лесину. Хочет подпорку сделать.

— Так вам же квартиру обещали, — сказала Люба.

— Угу, — кивнул Федя. — Нам уже давно обещают. Но нам вообще-то не к спеху. Нам и тут не худо. Мы не торопимся.

— Чвак! Чвак! — сочно приговаривал за окошком топор.

— Ж-ж-ж! — тяжело гудели пчёлы.

— Агафончик! — сказал Витя. — Ты, в конце концов, будешь начинать или не будешь? Чего ты прямо так и выпрашиваешь в лоб по затылку? Если ты сейчас не начнёшь, то предупреждаю: начинаю без всякого сам.

— Ой! — испуганно вскрикнула Люба и замахала около лица ладошкой. — Ой! Ой!

Только оказалось, Люба испугалась вовсе не Витиного предупреждения. По каморке с сердитым гудением закружила пчела. Покружила, гуднула и вылетела обратно в сад. Витю это совсем вывело из себя.

— Ну, всё! — сказал Витя. — Не хотите, как хотите! Мне надоело! Приготовиться к сбросу торпеды! — закричал он. — Сейчас мы ему всыплем, теники-веники! По транспорту противника! Прицел двадцать четыре! Трубка сорок восемь! Огонь!

Трах-бах! Глаз у Вити что надо! Витя натянул и отпустил пружинку пушки — торпедного аппарата. Красный карандаш-торпеда вошёл в воду и направился точно на транспорт противника. Транспорт у Феди — деревянный пенал. Корабли охранения — спичечные коробки. А вокруг — пластмассовые солдатики.

Красный карандаш-торпеда ударил в пенал, сбил один коробок и завалил набок трёх солдатиков. Солдатики у Феди стояли в строю. Один солдатик завалился на второго, второй — на третьего. И сразу три и упали.

— Вражеский транспорт пошёл ко дну! — закричал Витя. — Противник несёт значительные потери в живой силе и технике! В рядах противника паника! Необходимо использовать благоприятный момент и добить врага!

— Откуда ты взял, что у нас паника? — буркнул Федя, устанавливая завалившихся солдатиков и ставя на место коробок. — И вообще твой выстрел, Витя, не считается. Потому что это не по-честному.

— Не считается, теники-веники?! — вскипел Витя. — Почему это, интересно, не считается? Может, опять чуть-чуть?

— Вовсе совсем и не чуть-чуть, — сказал Федя. — Не считается потому, что начинать должна Люба. Она всегда начинает. Ты сам знаешь.

— Да! — заорал Витя. — Почему всегда обязательно должна начинать Люба? Что ты глупости-то придумываешь?! И потом, я её предупреждал! А она чего? Я вас обоих предупреждал! Скажи честно, предупреждал или не предупреждал?

— Так я, Витя, — сказала Люба, — как раз и собиралась говорить по телефону. Я как раз уже и руку протянула. А ты...

— Чего? — удивился Витя. — Когда это ты протянула?

Люба стояла у окна и смотрела на белое облако. Не оборачиваясь, она сказала:

— А вот тогда и протянула.

— Врёшь! — закричал Витя. — Опять ты, Люба, врёшь! Ты прямо совсем не можешь, чтобы не врать! Ты играть не хочешь, вот чего! Так возьми прямо и скажи, что не хочешь!

— А ты больно хочешь, — хмыкнула Люба.

— И хочу! — крикнул Витя.

Крикнул. Осёкся. И замолчал.

В белом облаке за окном гудели пчёлы. Тюкал топор по бревну. В соседних комнатах слышались голоса многочисленной прохоровской родни. У Прохоровых всегда был полон дом народу — каких-то дядей и тётей, дедушек и бабушек.

— Я и вправду, мальчики, не хочу играть в ваших солдатиков, — тихо проговорила Люба, не поворачиваясь от окна. — Идёмте лучше на Волгу. Очень искупаться хочется. Нет, правда, мальчики.

На верстаке замерли в боевой готовности пластмассовые армии. На зелёный телефонный ящик тихо падали с вишни крохотные белые лепестки.

— Я наврал вам сейчас, — буркнул Витя. — Мне тоже не хочется здесь сидеть. И играть в солдатиков мне не хочется. Вернее, немножечко хочется, но купаться ещё больше хочется.

— И мне, — сказал Федя.

— Во, ребята! — воскликнул Витя. — У меня идея! Помните ту полянку над Волгой? Которую дед Коля нашёл? Давайте на ней развернём сражение. Во! Прямо в естественных условиях. Пехота маскируется, применяясь к местности. А то действительно, чего тут на верстаке? Это зимой тут хорошо. Операцию назовём «Оборона водного рубежа». Враг рвётся через Волгу, сооружает понтонную переправу. Я ещё у деда спрошу: а на реке можно торпедами?

— На реке купаться можно, — сказала Люба. — Там под самым обрывом пляжик есть. Я сразу приметила. Там сколько влезет купаться можно. Поиграли немножечко и — купаться.

— Точно, и — купаться, — поддержал Федя.

Глаза у Любы блеснули хитринкой.

— И я вовсе даже не врунья, мальчики, — шепнула она. — Я просто придумщица. Вот честное пионерское, просто придумщица. Честное-пречестное!

Глава шестнадцатая

ШТУЧКА С РУЧКОЙ

С Васей Пчёлкиным ребята встретились недалеко от Дегтярного переулка, уже когда почти подходили к водоразборной колонке. Возвращались с Волги и встретились.

Они теперь почти каждый день отправлялись с утра на свою полянку. Далековато, конечно, от Вознесенья до кладбища, особенно если пешком. Но уж больно и впрямь удобной оказалась та полянка, на которую наткнулся дед.

Полевой походный телефон Витя с Федей по очереди тащили на ремне через плечо. Солдатиков распихивали по карманам: Витя — свою армию, Федя — свою. А пушки, которые раньше стреляли огрызками карандашей, а теперь — собранными под обрывом камешками-голышами, несла в противогазной сумке Люба. Сумку Федя нашёл в старом хламе на чердаке. Люба сделала из красной шёлковой ленты крест, пришила его на сумку, и сумка получилась санитарной.

Наигравшись в войну, они купались под обрывом в

Волге. Про торпеды дед сказал, что ими стреляют только в море. На реке ими негде стрелять. Но Витя придумал, что у них вовсе и не река, а самое что ни на есть море. И они с Федей устраивали торпедные атаки, топили вражеские транспорты и корабли охранения. А после, перетопив всё, что было можно, бултыхались в воду. Отогревались на горячем песке и бултыхались снова.

А к обеду топали через весь город обратно — мимо «пожарки», через площадь, мимо купеческих гостиных дворов, мимо фонтана в сквере, мимо Старого театра, в котором работала дяди-Андрюшина тётя.

На этот раз, как всегда, усталые поднимались в гору, на Вознесенье. Пока прошли через весь город, что купались — что не купались, снова сомлели от жары. Хоть лезь головой под кран водоразборной колонки.

— Привет! — окликнул их Вася Пчёлкин. — Как поживает мой телефончик?

Пчёлкин сказал просто «привет», а про «мелочь», и тем более «пузатую», даже не заикнулся. После выступления

деда в школе Пчёлкин здорово притих. А к Вите так он вообще стал относиться с подчёркнутым уважением. Будто всё, что произошло у деда в море, произошло не у деда, а у Вити. Кроме того, немалое значение имело и то, что разница, которая совсем недавно была между Пчёлкиным и ребятами, почти исчезла. Вася остался в шестом классе на второй год, а ребята перешли в пятый. Вот и получилось, что они его почти догнали.

— Так махнёмся или не махнёмся? — как равный равным, сказал ребятам Вася. — Я вам по-честному предлагаю. Целую кучу добра отваливаю вам за вашу рухляндию. Ещё благодарить меня будете.

— Мы теперь, Вася, — сказала Люба, — жевательную резинку и в рот больше не берём. Зачем она нам, твоя жевательная резинка?

— И правильно! — воскликнул Вася. — Какая резинка? Я разве вам предлагаю резинку? Я сам её теперь в рот не беру. Я вам предлагаю за вашу глухонемую штучку с ручкой новый перочинный ножик с двумя лезвиями — раз, морской ремень с бляхой — два, восемнадцать штук марок про космонавтов — три...

Считая, Вася загибал правой рукой пальцы на левой руке. После третьего пальца он остановился. Видно, запасы, которыми Вася располагал для обмена, у него кончились.

— И ещё плюс ко всему вечный мир и дружбу! — торжественно закончил Вася, сжимая пальцы в кулак. — Четыре и пять.

Сто тысяч раз ребята уже отказывали Васе. А он всё своё. Наверное, и на этот раз дело бы тоже кончилось обычным отказом. Поговорили бы и разошлись своими дорогами. Но Вася стал дразниться, что у них не телефон, а глухонемая штучка с ручкой. И ещё повышал голос и по-всякому кривлялся.

— Вовсе у нас не глухонемая, — обиженно сказала ему Люба, поправляя на плече санитарную сумку. — Чего ты к нам пристал? Если бы у нас, Вася, был второй такой аппарат, мы бы тебе живенько доказали.

— Второй! — хмыкнул Вася. — Если бы да кабы, то во рту росли грибы. Хотите, я принесу из дому мясорубку — и попробуем. Чем моя мясорубка хуже вашего телефончика? За ручку крути, в рупор кричи — и полный порядок. Подсо-

единим вашу штучку с ручкой к моей мясорубке и поговорим. Идёт?

От такого глупого сравнения их настоящего боевого походного телефона с какой-то мясорубкой Вите стало прямо невероятно обидно. А от большой обиды часто появляются разные интересные идеи и мысли. И у Вити вдруг мелькнула совершенно потрясающая идея!

На глухом торце дома за гастрономом, на углу Дегтярного переулка, висел серый металлический ящик-шкаф. Тот самый ящик, в котором однажды возился весёлый телефонный мастер. Витя давно приметил, что дверцу ящика перекосило и она закрывалась неплотно. Ни о чём таком Витя раньше не думал. А тут... Ведь если хорошенько потрясти дверцу, то она запросто откроется. И тогда...

— Мы тебе можем показать, какая у нас глухонемая штучка с ручкой, — сказал Витя. — Я знаю один способ. Хочешь, Пчёлкин? И тогда ты сам убедишься, какой у нас настоящий телефончик! Военная техника, Пчёлкин, ещё никогда никого не подводила. Это не какая-нибудь твоя мясорубка.

Парень-то, который тогда возился в ящике, просто подсоединял провод от трубки к клеммам и говорил. Вообще без всякого аппарата говорил. А у них был ещё и аппарат! И ещё на аппарате имелись две немного поржавевшие клеммы с завинчивающимися шляпками. Если можно говорить просто в трубку, то с аппаратом — и подавно!

Вот что придумал Витя от очень большой обиды.

Глава семнадцатая

ОЖИВШИЙ ТЕЛЕФОН

Шкафчик Витя открыл сразу. Даже ещё легче, чем предполагал. Поднажал дверцу снизу — щёлк! — и готово!

Люба с Федей и Вася лежали в лопухах у кучи битого кирпича. От них тянулся к Вите сдвоенный провод, концы которого зажали на полевом походном телефоне с двумя проржавевшими головками-шляпками.

Провод и отвёртку притащил из дому Федя. У него в до-

ме можно было откопать что угодно. Не только провод с отвёрткой. Прямо страшно было подумать, что скоро Федин дом снесут, и тогда уже нигде ничего не достанешь.

На углу Дегтярного переулка из чугунной трубы водоразборной колонки звенела в лужу светлая струйка. В гору на Вознесенье с надрывом ползли грузовики и автобусы. Прохожие на улице, спасаясь от жары, шли по теневой стороне.

Открыв шкафчик, Витя отвернул два первых попавшихся под руку винтика и зажал ими концы провода. Зажал, прикрыл дверцу шкафчика и, пригнувшись, побежал обратно к ребятам.

Они лежали вокруг телефонного аппарата, отгороженные от дороги и прохожих густыми лопухами. В чёрной трубке едва слышно шуршало и потрескивало. Над лопухами, мешая прислушиваться, гудел шмель. Отмахнувшись от него, Витя спросил:

— Ну, как тут?

— Чего — как?! — неожиданно заверещала трубка. —

Ты мне мозги не крути! Ты мне головой ответишь за каждую минуту простоя!

— Слыхали?! Ура! Работает! — завопил Витя.

— Тише ты, — сказала Люба.

— Кто работает? — угрюмо спросила трубка. — Да за такую работу, знаешь...

— Так это не я, Алексей Васильевич, — сказал в трубке другой голос. — Это кто-то там на линии вклинился.

— Я вот тебе сейчас вклинюсь! — пригрозила трубка. — Я вот сейчас приеду и так тебе вклинюсь, что ты своих не узнаешь.

В трубке разговаривали, словно она никогда и не молчала. И ребята в восторге смотрели в чёрную дырочку, откуда шелестели и потрескивали голоса. Их телефон, который столько времени намертво молчал, неожиданно совершенно чудесным образом заработал.

Вася Пчёлкин шёпотом предложил:

— Давайте, ребята, на другое переключимся. Что-нибудь поинтереснее найдём.

Витя сбегал к ящику и переключил провода на другие клеммы. На этот раз попали на женский голос.

— Феденька, — спрашивал женский голос, — куда ты пропал, Феденька?

— Я? — удивился Федя Прохоров, ткнув себя в грудь и озорно оглядывая ребят. — Никуда я не пропадал. Я тут.

— Феденька! — всполошилась женщина. — У тебя даже голос изменился. Что с тобой? Ты не заболел, Федюша?

— Да я и не болел никогда в жизни, — басом сказал Федя.

Фыркая в согнутый локоть, Люба едва сдерживала смех. У Васи Пчёлкина сияли даже его оттопыренные уши.

— Добавляю к маркам, ремню и перочинному ножику ещё и чёртика, — расщедрился Вася. — Знаете, такого чёрного. Он двумя руками нос показывает. Его ещё на переднее колесо мотоцикла приделывают. Во чёртик!

— Феденька! — всполошился голос. — Какой чёртик, Федюша? О чём ты говоришь?

Ребята катались от хохота, ломая лопухи и вскрикивая, когда кому-нибудь под спину попадал осколок кирпича.

— Ой, не могу! — стонал, размазывая слёзы и в изнеможении валясь на Васю, Витя. — Ой, у меня сплошные чёртики в глазах! Ой, сейчас прямо совершенно помру!

Люба всхлипывала и задыхалась. Вася Пчёлкин ловил открытым ртом воздух и, как по барабану, бил себя ладошками по животу.

Немного успокоившись, ребята переключились ещё раз. Попали на какую-то тару.

— Когда в конце концов будет тара? — спрашивал сердитый мужской голос. — Долго мне ждать тару?

— Ага, долго, — загробным голосом отозвался Вася Пчёлкин. — Нету у нас тары. Вся вышла.

— Что значит нету? — возмутился голос. — Что значит вся вышла? А когда будет?

— Будет через тридцать лет и три года, — сказал Вася

И снова от хохота катались по лопухам и траве. Снова еле отдышались.

А когда переключились ещё раз, смех как обрезало. Слушали разговор в трубке насупившись, испуганно, не глядя друг на друга. Лишь Люба едва слышно выдавила:

— Это же мой папа...

Но и без Любы каждый сразу догадался, кто это там говорит. Даже Вася Пчёлкин — и тот догадался, хотя никогда и не видел Агафонова. Знал, кто такой у Любы папа, но видеть его никогда не видел.

— Не могу я сейчас, военком, и не проси, — шелестел в трубке голос Любиного отца. — Пойми, не могу. Ты со своей колокольни смотришь, а у меня душа за весь город болит.

— Выходит, Агафонов, разные у нас с тобой колокольни? — обиделся военком. — Я и не подозревал. Всё время думал, одна у нас с тобой колокольня, партийная.

— Ты отлично понимаешь, о чём я, — сердито сказал Любин отец. — Сколько в городе домов, которые нам ещё от купцов достались, это ты знаешь? В каком они состоянии, представляешь? Как в них жить, догадываешься? А то, что у меня до сих пор семейные по общежитиям живут, это ты знаешь? Я обязан любыми способами вывернуться и обеспечить жильём в первую очередь их. Какая это, по-твоему, колокольня?

— Агафонов, — тихо сказал военком, — ну давай всё-таки будем с тобой человеками. Я же к тебе не с каждым отставником лезу. Трудно ему, поверь.

— Трудно? — хмыкнул Агафонов. — А тебе не кажется, что ему характер нужно менять? С его характером действи-

тельно нелегко. Слишком твой Корнев шибко правильный. Не успел приехать, оглядеться, сразу учить всех полез.

— Так кто же с тобой спорит, — согласился военком. — И я ему примерно то же говорил. Но суть-то не в этом. Ему квартиру нужно. И он заслужил её, квартиру. Он имеет на неё полное право!

— А остальные отставники, выходит, не имеют? — спросил Агафонов. — Но они-то ждут.

— Ждут, — не сдавался военком. — И ещё подождут. Тут особый случай. Ты знаешь, как Корнев воевал?

— Все, кто был на фронте, воевали, — сказал Агафонов. — Все!

— Все, да по-разному, — возразил военком. — Он...

Однако, что было дальше, ребята не услышали. Трубка неожиданно смолкла. Потому что Люба вскочила, бросилась к металлическому ящику и, не добежав до него, с силой рванула на себя спаренный, в белой оплётке провод. Рванула и, сгорбившись, не оглянувшись на притихших ребят, молча ушла вниз по Дегтярному переулку к Волге.

— Ничего себе у Любы, оказывается, папа, — проговорил удивлённый Вася Пчёлкин. — Какое же он имеет такое право не давать Николаю Григорьевичу квартиру?

— А ты ничего не знаешь и не лезь, — буркнул Федя.

— Как это я ничего не знаю?! — возмутился Вася. — Мы-то как раз с мамой и живём в мансарде купеческого дома, под самой крышей. Зимой — как в холодильнике, а летом — как в духовке. И на очереди уже сколько стоим! Так чего же теперь — из-за нас не давать квартиру Николаю Григорьевичу? Да мы ещё можем сколько угодно протерпеть. А Николаю Григорьевичу он не имеет права не давать! Это же каждому понятно, что не имеет!

Глава восемнадцатая

НОВОЕ СЕКРЕТНОЕ ХРАНИЛИЩЕ

Наигравшись в войну, ребята лежали на своей полянке. Смотрели с края обрыва на Волгу. Играть больше не хотелось, купаться — тоже.

По Волге проносились на подводных крыльях «метеоры» и «ракеты», которые ходят строго по расписанию и не дожидаются на пристани опоздавших пассажиров. Лениво тянулись баржи, подталкиваемые сзади работягами-буксирами. Тарахтели вдоль берега моторки. По величавому, на высоченных опорах, железнодорожному мосту медленно полз пассажирский поезд, поблёскивая окнами вагонов.

Над рекой чёрными точками мельтешили ласточки. Они то взмывали ввысь, то падали к самой реке, тонко вскрикивали, закладывали, будто воздушные акробаты, виражи.

Ласточкины гнёзда-норки темнели в песчаной стене обрыва. Как раз под ребятами. Прикрытые свисающими корнями сосен, норки надёжно прятались от чужого глаза.

Лёжа на животах и свесив с козырька-обрыва головы, ребята смотрели, как ласточки кормят своих детишек. Мелькнёт чёрной стрелой ласточка, юркнет между корнями к норке. А оттуда уже тянутся, разевают ненасытные жёлтые рты прожорливые птенцы.

— Пи! Пи! Пи! — жадно тянутся они к маме.

Мама, наверное, знает, кому нужно дать сейчас, а кто может потерпеть. Приткнётся ласточка снизу гнезда, хвост-рогулька — на песчаной стене. Сунет в распахнутый жёлтый рот плоский клюв. Вытащит. Головкой — туда, сюда. На груди у мамы словно белая манишка. А спинка чёрная, с синим отливом.

Но, может, это вовсе не мама, а папа? Кто кормит у ласточек детей — мама или папа?

Чирк! И нету ласточки — мамы или папы. Умчалась гоняться над Волгой за мотыльками да мошками.

Все ласточки похожи одна на другую — не отличишь. Белые грудки, чёрные спинки. А ведь есть, наверное, разные ласточки — и хорошие, и плохие. Одна поступает так, другая иначе. Как узнать, какая из них права, а какая — нет?

Та ласточка, с которой стряслась беда, была как все. Она сунула в рот птенцу клюв, крутнула головой, скользнула между корнями, взмыла в голубой простор...

Витя с Федей лишь вздрогнули. А Люба закричала:

— Что же он сделал, гадкий?! Мерзкий, гадкий, противный! Что же вы лежите, мальчики?

А что могли сделать мальчики? Чем они могли помочь? Откуда-то из поднебесья на юркую ласточку камнем упал

ястреб. Мгновение — и маленькое чёрное с белым тельце оказалось в хищных когтях. Взмах сильных крыльев — и ястреб плавно унёс свою добычу куда-то вверх, за кладбище.

— Они теперь умрут без мамы, — захлюпала носом Люба. — Бедные птенчики. Целых три птенчика. Правда, мальчики, они теперь умрут без мамы? Правда, мальчики?

В зыбком от жары мареве дрожала пятиглавая церквушка на том берегу Волги. Плыли в волнах горячего воздуха далёкие поля. А внизу, под обрывом, высовывали из тёмной норы ненасытные жёлтые клювы осиротевшие ласточкины дети.

— Не умрут они, Люба, твои птенчики, — просопел Федя. — Не бойся.

Он зачем-то посмотрел на небо, сел и стал расшнуровывать кеды.

— Хочешь попробовать их достать? — с сомнением спросил Витя.

— Ой, молодцы, мальчики! — обрадовалась Люба. — Мы их сами выкормим. Самыми вкусными мошками. Правда, мальчики, выкормим? А когда у них окрепнут крылышки, выпустим. Правда, мальчики, выпустим? Пусть себе летят. Правда?

— Ничего мы их не выпустим, — прогудел Федя. Он снял кеды и стал примериваться, по какому корню лучше спуститься. — Если их оттуда забрать, они всё равно не выживут. Я их по чужим гнёздам рассажу. По одному чужому рту в доме, никто ничего и не заметит.

Спускался Федя серьёзно и основательно. Витя немного помог ему. Перебирая руками по толстому корню, как по канату, Федя упирался босыми ногами в песчаную стенку. Особой опасности, если и сорвёшься, не было. Высота, правда, метров пять. Но обрыв — с откосом. Шлёпнешься на песок и скатишься под горку к самой воде.

Добравшись до гнезда, Федя запустил в него левую руку. И сообщил наверх:

— Ещё кусаются, дураки такие.

Вокруг с криками шныряли ласточки, волновались за свои гнёзда.

— Сейчас, сейчас, — приговаривал Федя, рассовывая по норкам птенцов.

Рассовав, понял, что наверх ему уже не подняться. Не хватит сил. Чтобы не признаваться в этом, крикнул:

— Внимание! Знаменитый прыжок знаменитого прыгуна! Сальто-мортале замотали!

Крикнул, но не прыгнул. Что-то помешало ему. Наверное, большая высота. Перебирая руками по корневищу, Федя спустился пониже. Ноги упирались в песчаную стенку. Посмотрел наверх.

— Эй, там, на палубе! Спешите видеть! Только один раз! Алле!

То, что произошло дальше, показалось настолько невероятным, что Витя с Любой сами чуть не скатились с обрыва. Крикнув «Алле!», Федя как-то странно дёрнулся и пропал. Федя исчез. Феди не стало, будто его никогда и не существовало.

Покачивался опустевший корень, на котором только что висел Федя. Вниз по крутому склону катились, перегоняя друг друга, затвердевшие комки песка. А Феди не было. Феди не было ни на корне, ни под обрывом, ни на берегу, ни в воздухе. Феди не было нигде. Федя точно провалился под землю.

Как вскоре выяснилось, Федя и впрямь провалился под землю. Он крикнул «Алле!», оттолкнулся ногами от песчаной стены и неожиданно для самого себя полетел не под обрыв, а куда-то в мягкую темень.

— Федя! — кричали сверху перепуганные Витя с Любой. — Куда ты подевался, Федя?!

— Да здесь я, — отозвался наконец Федя, высовывая голову из песчаной стены. — Ну, пещерка тут мировецкая, ребята! Вот где мы устроим наше секретное убежище. Слышите меня? Здесь! Будет ничуть не хуже, чем в каморке. И не нужно таскать солдатиков туда-обратно. И никто в мире не догадается, что у нас тут есть. Во!

Замечателные открытия нередко приходят в самый последний момент, когда положение кажется совершенно безвыходным. У ребят положение было — куда уж хуже! Федины родители получили ордер на квартиру и уже ездили смотреть её. Квартира Прохоровым понравилась, хотя после просторного дома была и тесновата. Выходило, что ещё немного — и Федин дом снесут. Прощай, значит, удобная каморка! А куда девать свои сокровища?

И вдруг пожалуйста: вместо старой полутёмной комнатёнки — великолепное новое секретное хранилище.

Под самой поляной!

В пещере!

Целую неделю ребята трудились с утра до вечера. Пещеру немного расширили, выровняли в ней пол, сделали в стенах углубления-ниши. И соорудили лестницу, чтобы забираться в хранилище. Раздобыли крепкие бельевые верёвки и соорудили из них лестницу. На ступеньки пошли палочки от ящиков, что насобирали у мебельного магазина. Лестницу привязали к перекладине, прочно прикреплённой на полу поперёк пещеры.

Утром Федя или Витя спускались с полянки по сосновому корневищу и сбрасывали под обрыв верёвочную лестницу. По ней залезали с пляжа остальные. И лестницу после этого убирали снова в пещеру. Как всё равно в книге Жюля Верна «Таинственный остров».

Перетащили в пещеру все свои сокровища. Расставили в нишах солдатиков и пушки. На самом почётном месте, напротив входа, установили полевой походный телефон. После того как он заговорил, менять его с Васей Пчёлкиным даже на самых заманчивых условиях было, конечно, совершенно глупо.

В общем, арсенал получился во всех отношениях замечательный и абсолютно неприступный. Разве догадаешься, что тут кто-то есть, в этой почти отвесной песчаной стене, под прикрытием нависающего над обрывом козырька и корней? Конечно же, никто не догадается! И конечно же, такого великолепного секретного хранилища больше нет, не было и никогда не будет ни у кого на свете!

Глава девятнадцатая

ПОЭТОМ МОЖЕШЬ ТЫ НЕ БЫТЬ

Великая тишина застыла над Волгой. В зеркальной от безветрия сини воды плавилось золото солнца. Простучит моторка вдоль берега и утихнет, словно уснёт. Гуднёт басовито трудяга-буксир. Пропоёт моторами белоснежный красавец «метеор», вспорет острыми крыльями синюю гладь. И снова немая, удивительная тишина.

Из ребячьей пещеры видно, как на том берегу идёт сенокос. Людей не различить, меньше муравьишек. Но тишина такая удивительная, что оттуда доносится песня. Девчата поют. Хором. Помахивают граблями и поют. На Руси испокон веку песня помогала работе.

Слов песни, что доносится из заречной дали, почти не разобрать. Но песня знакомая, и слова легко угадываются сами:

Последний бой — он трудный самый.
А я в Россию, домой хочу,
Я так давно не видел маму.

Над ярким, распахнутым к свету проёмом пещеры пролетел комок земли, качнул сосновые корни. Ещё прошуршал комок. Осыпалась струйка песка-пыли.

Кто-то там устраивался на их поляне, на краю обрыва.

Ребята подняли глаза к песчаному потолку. Сверху донёсся кряхтящий голос деда:

— Вот тут и посидим. Гляньте, местечко какое! Век бы отсюда не уходил. Сколько исколесил по стране, а чудесней мест не видывал.

Второго, женского голоса они сначала не узнали, хотя голос показался им знакомым.

— Вы же знаете, Николай Григорьевич, что я в этом городе совсем одна, — несмело прозвучал голос. — Ни друзей у меня здесь по сути дела, ни родных. Мама далеко... И не с кем посоветоваться. Вы себя плохо чувствуете, я понимаю. Простите, что я вас потревожила. Но после того разговора у нас в школе, ну, когда вот вы с Иваном Игоревичем... мне показалось, что вы один сможете...

— Ну, ну, — начал сердиться дед. — Что там у вас снова стряслось?

— Нет, ничего особенного, — встрепенулся голос. — Я вам тогда уже немного рассказывала. Помните? И вот... не знаю теперь, как и поступить. Ведь они оба хорошие — и Иван, и Андрюша...

Ребята, конечно, догадались, кому принадлежит тот знакомый голос.

— Наша Светлана Сергеевна, — шепнул Витя.

Учительница рассказывала деду про Ивана Игоревича и про дядю Андрюшу. Оказалось, они чуть ли не в один день оба сделали ей предложение. И Светлана Сергеевна растерялась. Потому что она не знала, за кого ей лучше выходить замуж: за одного или за другого.

— С Иваном мы всё-таки как-то ближе, — говорила Светлана. — Всё же одна специальность. Хотя во взглядах на педагогику, как вы сразу заметили, мы с ним во многом расходимся. А с Андрюшей мы вообще какие-то разные. Но он, с другой стороны, душевней, мягче. Мне легче с ним. И любит он меня сильнее, чем Иван. Андрюша для меня что угодно может сделать. Он...

— Ну, теники-веники, — буркнул дед. — Погоди. А ты-то сама?

— Что — я? — не поняла Светлана Сергеевна.

— Ты-то кого любишь?

— Так если бы я знала, Николай Григорьевич... Я потому и набралась смелости снова обратиться к вам. За советом. Я боюсь обидеть и того и другого. И боюсь что-то потерять...

— Ох, не оттуда ты заходишь, девочка, — вздохнул дед. — Ох, не оттуда! Счастье своё боишься упустить. Это понятно. Только счастье-то прежде всего в нас самих, а не в тех, от кого его взять можно.

— Как это? — тихо проговорила Светлана Сергеевна.

— Да так, — сказал дед. — Вот когда сама полюбишь, тогда и придёт к тебе твоё счастье. И советов тогда тебе, между прочим, ничьих не потребуется. В таких вопросах, как у тебя, Света, вообще помощники да советчики — один вред.

Напоённая зноем, медленно и величаво текла внизу Волга. Вскрикивали, чертя крылом неподвижный воздух, ласточки. Попискивали в гнёздах-ямках птенцы. Да с того берега едва слышно доносилась в тиши песня.

— А с квартирой у вас как, Николай Григорьевич? — помолчав, спросила Светлана Сергеевна.

— С квартирой-то, — сказал дед. — Да сейчас вроде ничего с квартирой. А ты разве ничего не слышала?

— Что? — спросила Светлана Сергеевна.

— Ну, про отца Феди Прохорова, потом, как меня в исполком вызывали.

— Нет, не слышала ничего, Николай Григорьевич.

Вот ведь дед! И Витя тоже ничего не слышал — ни про Фединого отца, ни про вызов в исполком. И Федя с Любой, понятно, ничего не слышали. Слышали бы, в тайне от Вити держать не стали.

А дед там, наверху, уже тихо рассказывал учительнице, как он регулярно, неделя за неделей, посещал исполком. И как ему там вежливо обещали. Но время шло, а дело — ни с места. И вдруг утром неожиданно заявляется в гости Фёдор Фёдорович Прохоров. Весь от смущения красный. «Вот вам, Николай Григорьевич, ордер на квартиру. Можете въезжать». А Прохоровым, дескать, и в старом доме не дует, им торопиться покуда некуда. Ордер — на стол, сам — за дверь. Дед за ним. Да разве хромоногому угнаться за здоровяком? Дед, разумеется, в исполком. Чтобы объяснить положение вещей и вернуть назад несуразный ордер. А в исполкоме в это время переполох, деда срочно разыскивает сам Агафонов. Дед, естественно, решил, что вся чехарда заварилась в исполкоме по поводу прохоровского ордера. Поднимается в кабинет к Агафонову. Агафонов сразу из-за стола и — навстречу. Так, мол, и так, Николай Григорьевич, а вы сами во всём виноваты. Дочка мне рассказала, как вы в школе у них выступали. Очень я отчётливо себе это представил — резиновую лодку посреди Баренцева моря, вражеский пулемёт... Что же вы скромничаете-то? Даже в военкомате обо всём этом не знают. Дочка на меня так обиделась — никогда её такой не видел. Впрочем, «обиделась» — не то слово. Прямо чуть ли не отреклась от меня, от бездушного чинуши и бюрократа. Короче говоря, разговор длинный, а всё — к одному: промашку дали в исполкоме и готовы немедленно исправить ошибку.

— Исправили? — спросила Светлана Сергеевна.

— Послезавтра едем с Маняшей квартиру смотреть, — сказал дед.

— А ведь чудесные у нас ребята растут, Николай Григорьевич, — проговорила Светлана Сергеевна.

— Ну! — согласился дед. — А кто спорит? Только не пойму я одного, Света: что это они все, словно сговорившись, вдруг бросились мне на выручку? Ведь и Фёдор Фёдорович неспроста ко мне пришёл. Знаю, что неспроста.

— Сговорившись? — сказала учительница. — А может, здесь другое. Может, они потому, что... поэтом можешь ты не быть, а гражданином быть обязан? Помните, как вы тогда Ивану говорили? И учителем можешь ты не стать, и лётчиком, и кем хочешь. А гражданином — обязан! Может, поэтому?

— Может, Света, — сказал дед. — Очень хочу верить, что именно поэтому.

Они замолчали, вслушиваясь в тишину над Волгой.

И ребята в пещере молчали тоже. Витя — от обиды, что случилось такое дело, а он и не знал ничего. Хороши, оказывается, Люба с Федей — такое наворотили, а Вите ни словечка. Ничего себе друзья, называется!

А Люба с Федей молчали тоже. Они молчали от смущения, которое всегда наваливается, когда тебя похвалят за настоящее дело. За что же тут хвалить, если они просто не могли иначе? Это ведь не билеты доставать у тёти Клавы Сыромятниковой. И не подшипник. Или, тем более, не заграничную жевательную резинку.

РАССКАЗЫ

ЭПЭЯ И УПТА

Недавно нам провели паровое отопление. Мы сразу оценили его удобство. Мы стали перестукиваться по трубе. Это очень просто. Берёшь нож и стучишь. Вовка стучал молотком, у него получалось громче.

Азбуку Морзе мы изучили ещё не совсем хорошо. То и дело приходилось бегать к телефону.

— Коля! — кричал в трубку Вовка. — Ты чего простучал? К какому озеру они отступают?

— Кто?

— Да гуроны!

— Мой бледнолицый брат, — грозно шипел я, — твоё ухо утратило чуткость. Берегись, враг крадётся по следам, у него бесшумные мокасины.

— Ты говори давай, к какому озеру! — кричал Вовка.

— К Мерцающему Зеркалу, — говорил я.

— А ты чего простучал? — злился Вовка.

Мы снова стучали и бегали к телефону.

Потом мы стали бегать к телефону реже. Труба цент-

рального отопления гудела от напряжения. Я так старался, что сколол с неё всю краску. У нас налаживалась превосходная связь.

И вот, когда мы уже почти перестали пользоваться телефоном, к моим родителям неожиданно явилась делегация: целых три тётеньки и два дяденьки. Добродушный толстый дяденька в дырявых шлёпанцах и с совершенно лысой головой запыхтел:

— Это же, простите, чёрт знает что. У нас всё-таки жилой дом, а не тюрьма. Это, может, в тюрьме принято перестукиваться... Неделю я терпел. Я думал, это водопроводчик. Оказывается, это не водопроводчик. Что же это такое, я вас спрашиваю?

— Обычная морзянка, — сказал второй дяденька с чёрными бровями. — Я служил радистом на эсминце и разбираюсь. Гуроны отступают... Женщин и детей на плоты.. Томагавк не промажет... Ослиная Голова поплатится скальпом...

Чернобровый дяденька шпарил, как по-писаному.

— Ослиная Голова — это ты или тот? — спросил он и показал на потолок.

Я держался с мужеством, которому позавидовал бы сам Соколиный Глаз.

— Нет, — произнёс я. — Меня зовут Колей, а его Вовой. А Ослиная Голова — наш враг.

— И этот ваш враг тоже живёт в нашем доме?

— Нет, — сказал я, — он живёт в Стране Великих Озёр, на берегу озера Мичиган.

Дяденька, который раньше служил на эсминце, потёр ладони, словно он замёрз, и сказал:

— Занятно. Значит, ваши переговоры Ослиная Голова не подслушивает? Это очень правильно. Жаль только, что их подслушивают другие. А вообще-то я, со своей стороны, могу заявить только одно: я не против морзянки, мне, может быть, даже интересно. Но вот жена... Она ведь ничего не понимает в морзянке...

Какая из трёх тётенек была его женой, я не разобрал. Они осадили мою маму и говорили все вместе. Мама их уверяла, что стуков больше не будет. А добродушный дяденька пыхтел своё.

— Это же чёрт знает что, — пыхтел он. — Это хуже, чем сдирать с живого человека скальп.

Тоже мне — скальп! А у самого на голове ни одной волосинки. Вот с меня так действительно чуть не сняли скальп. Мама меня потом так за волосы оттаскала, что у меня даже шея растянулась.

Духом мы, однако, с Вовкой не упали. Мы быстро придумали другой вид связи. У меня жил кот Васька. Это был большущий дымчатый кот с зелёными глазами. Он целыми днями гонял где-то по чердакам и подвалам, а проголодавшись, возвращался домой и мяукал под дверью. Я пускал его в квартиру и кормил.

Приспособить кота для связи предложил Вовка.

— Вот кто будет носить наши донесения, — сказал он.

— Как носить? — спросил я. — В зубах?

— Нет, — сказал Вовка, — в зубах он не унесёт. Это тебе не собака. Мы ему ошейник сделаем.

Из ремешка от часов мы соорудили Ваське отличный ошейник. Кот пятился задом и мотал головой. Потом он ловко содрал ошейник лапами. Мы затянули ремешок ещё на одну дырку. Васька злился, фырчал, тыкался задом в шкафы и стены, но освободиться от ошейника не мог.

— Так, — сказал Вовка. — Теперь нам нужно научить его бегать на шестой этаж и обратно. Что он больше всего любит?

— Колбасу он больше всего любит, — сказал я. — «Собачью радость».

Мы купили колбасы, дали коту как следует её понюхать и выставили его на лестницу.

За дверью послышалось жалобное мяуканье.

— Порядок, — сказал Вовка. — Действует.

Мы впустили Ваську и щедро его вознаградили. Затем мы отнесли его к Вовке и повторили опыт. Мяуканья за дверью не раздалось. Мы выглянули на лестницу. Кот исчез.

Нашли мы его на третьем этаже, у моей двери. Пришлось снова тащить кота наверх. Но он упрямо не желал мяукать под чужой дверью.

Через час терпение и колбаса кончились. Васька не мяукал уже и на третьем этаже. Он налопался и сонно жмурил глаза.

Тогда мы отнесли его на чердак, посадили под старую корзину и придавили её сверху кирпичами.

— Посидит денька два, проголодается, галопом поскачет, — заверил я.

Через два дня мы дали Ваське понюхать колбасу. Мы хотели, чтобы он её сначала только понюхал. Это было в Вовкиной квартире. Кот подпрыгнул и вцепился в «собачью радость» когтями и зубами. Он шипел и рычал, как тигр. Он летал со шкафа на комод и с печки на книжные полки. Нам не удалось отбить от него колбасу. Кот проглотил весь кусок во время полётов не разжёвывая.

Мы замазали йодом царапины на руках и снова посадили Ваську под корзину.

Через полмесяца кот мяукал как на третьем этаже, так и на шестом.

И тогда мы приступили к разработке специального шифра. Нужно было придумать такой шифр, чтобы только два человека на всём земном шаре — я и Вовка — могли прочитать, что сообщается в донесениях, которые будет носить наш учёный кот.

И мы придумали. Чтобы сбить с толку Ослиную Голову, мы выкинули из русского алфавита пять букв — «ё», «й», «ъ», «ь» и «ы». Осталось двадцать восемь букв. Половина пришлась между буквами «о» и «п». От буквы «п» мы пустили алфавит в обратную сторону. «П» под «о», «р» под «н», и так далее. Вот, как это выглядело:

а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о
я	ю	э	щ	ш	ч	ц	х	ф	у	т	с	р	п

Предположим, мне нужно зашифровать слово «яма», Пожалуйста. Вместо «я» пиши «а», вместо «м» — «с», вместо «а» — «я». Получается «ася». Пусть кто-нибудь догадается, что «ася» — это «яма». Никто не догадается. Один только Вовка.

По нашему шифру Вова стал называться Эпея. Я — Упта. Очень даже красиво. Как всё равно космическое имя Аэлита.

Васька добросовестно таскал записки. Он разжирел, обнаглел и просился на лестницу раньше, чем я успевал зашифровать очередное донесение. Ни на какую еду, кроме колбасы, он теперь и смотреть не желал.

И вот однажды я засунул ему в ошейник записку и вытурил его на лестницу. Он очень долго не возвращался. Нету и нету. Я уже собрался Эпэе звонить. Чего он там тя-

нет? Но тут под дверью замяукало. Открываю. Васька не спеша переступил порог и стал тереться о мою ногу. Я дал ему кружок колбасы и вытащил из ошейника записку. Читаю и ничего не могу понять. На клочке бумаги, нарушая все законы конспирации, открытым текстом написано:

«Почему это я — Эпея? И ты, между прочим, тоже не Упта, а самый настоящий дурак».

Я подумал, что у Вовки в мозгах произошло короткое замыкание. Не иначе. Я бросился к телефону.

— Ты что, соображаешь вообще или не соображаешь?

А он вдруг тоже на меня заорал:

— Где связной? Сколько ждать можно?

Ну, не иначе, как короткое замыкание.

— Сам ты дурак! — кричу я.

— Чего?

— Того!

— Повтори-ка.

— Дурак и ещё раз дурак, — отчитал я.

— Выйди давай.

— И выйду.

Мы сошлись на нейтральной территории — на площадке у окна между четвёртым и пятым этажами. Мы чуть не подрались. Но тут Эпэя заявил, что такой записки он не писал.

— А это что? — спросил я.

Он прочёл записку несколько раз и посмотрел сквозь неё на свет.

— Почерк не мой, — сказал он. — Не видишь, что ли?

Почерк действительно оказался не его.

Всё стало ясно. Кто-то перехватил моё донесение.

Мы пошли искать кота. Васька залез в кухне на стол, сожрал всю колбасу и как ни в чём не бывало спал на маминой кровати. Я хотел ему выдать. Но Эпэя сказал, что это всё равно не поможет. Лучше его засадить денька на два под корзину.

Через два дня Васька притащил мне записку следующего содержания (она опять была написана открытым текстом):

«Нехорошо мучить кота. Он такой голодный, будто не ел целый год. Эпэя».

Эпэя! Наглый самозванец! Я не стал звонить Вовке. Я послал шифровку:

«Презренный бледнолицый, ты останешься без скальпа!»

Ответ не заставил себя ждать. Он пришёл, зашифрованный по всем правилам нашего кода. В ответе значилось:

«Смотри, как бы тебе самому не остаться без головы. Эпэя».

Я перевёл и обомлел. Тайна шифра рухнула. Я срочно вызвал на нейтральную территорию Вовку.

— Полный провал, — сказал я. — Он проник в тайну нашего шифра. Мы обезоружены.

— Кто проник? — спросил Эпэя.

Я ткнул ему в нос записку. Он посмотрел её на свет.

— Так это ж я сам писал. Мой почерк.

— Ты?!

— Я. А ты что мне написал?

— Что я тебе написал?

— Кто мне про скальп написал?

— Так это я не тебе.

— А кому?

— Этому...

В общем, выяснилось, что наш Васька таскает донесения куда ему вздумается. Где вкуснее колбаса, туда и таскает. Вероятно, наша «собачья радость» ему поднадоела.

Мы дали Ваське по паре хороших пинков и вытурили его на лестницу. Предварительно мы всунули в ошейник записку, написанную открытым текстом: «За такие дела дают по шее». Подписей мы не поставили.

Ответ пришёл с подписью: «Шея есть у каждого, даже у дураков. Эпэя».

Вовка вытаращил глаза на меня, я — на Вовку. Кот, задрав трубой хвост, тёрся о наши ноги. Кот требовал вознаграждения. Я хотел его как следует наградить, но передумал. Действовать нужно было с умом. Мы дали коту кусочек колбасы, выставили его на лестницу и пошли по следу.

Васька привёл нас к квартире на пятом этаже. Он уселся под дверью и начал мяукать. Дверь приоткрылась, и Васька шмыгнул в квартиру.

— Предатель, — шепнул я. — Ты дорого заплатишь нам за измену.

Мы позвонили. На площадку выглянула Анка-банка. Я вставил между порогом и дверью каблук и сказал:

— Между прочим, кот наш.

60
61
62

— Ах, ваш? — удивилась Анка-банка. — Очень приятно. А я думала, он бездомный.

— Думала! — хмыкнул Вовка. — Ничего ты не думала.

— А за присвоение чужих имён знаешь что? — спросил я.

Она с вызовом сказала:

— По шее?

— Можно и по шее, — буркнул Вовка.

— Попробуйте, — предложила Анка.

Она знала, что на пороге её собственной квартиры мы не станем ничего пробовать. Поэтому она была такой храброй и специально нас заводила. Но мы не стали заводиться. Мы потребовали:

— Гони кота!

— Вы над ним издеваетесь, — проговорила новоявленная Эпэя.

Тут я не стерпел. Я даже чуть не позабыл, что она стоит на пороге собственной квартиры.

— Мы ему уже три кило двести граммов колбасы скормили! — заорал я. — Самой свежей! От себя отрывали!

Она сказала:

— Не лезь, пожалуйста, в бутылку.

— Я тебе сейчас такую бутылку устрою! — закричал я. — Это твой кот, да?

Наверное, она всё же схлопотала бы по шее. Но тут за её спиной появился дяденька с чёрными бровями.

— Что за шум, Аня? — спросил он. — К тебе гости? Что же ты не приглашаешь?

Бывший радист с эсминца оказался Аниным папой. Он нас сразу узнал.

— Старые знакомые, Вова и Коля, мастера трубопроводной связи.

— Не Вова и Коля, — поправила Аня, — а Эпэя и Упта.

Чёрные брови влезли у Аниного папы на лоб. Он сделал большие глаза.

— Во как! Занятно. А ну, заходите, рассказывайте.

Мы зашли. Мы ничего не хотели рассказывать, но почему-то всё рассказали. Мы даже раскрыли свой шифр, Анин папа слушал внимательно и кивал головой.

— Эпэя и Упта, — сказал он. — Занятно. И действительно, похоже на Аэлиту. А как поживает Ослиная Голова?

Мы рассказали и про Ослиную Голову, который позор-

но бежал, перешёл через Апалачи, и теперь его следы затерялись где-то в районе Ужасных болот на Приатлантической низменности.

— Ослиную Голову нужно разыскать во что бы то ни стало, — сказал Анин папа. — И клянусь, что я помогу вам.

— Как? — удивились мы.

— У меня есть план, — сказал он.

Он не раскрыл своего плана. Он сказал, что нужно денька два — три подождать.

Я забрал под мышку кота, и мы ушли. Аня проводила нас до двери. Глаза у неё светились не так уж чтоб очень холодно.

— Ладно, — сказал я, — хоть ты и девчонка, а со всеми девчонками одна морока, но с тобой, видно, ничего не поделаешь. Завтра связной доставит тебе карту. Пойдёшь вместе с нами по следу Ослиной Головы.

На следующий день Васька принёс записку, в которой после расшифровки я прочёл: «Папа звонил своему товарищу. Его товарищ — радист-коротковолновик. Ой, что будет! Яра».

Её теперь звали Яра. Слово «коротковолновик» я еле перевёл. Яра ещё не научилась пользоваться шифром. В одном слове она сделала три ошибки.

Через два дня Анин папа повёл нас в гости к своему товарищу.

— Дядя Упта, — представился коротковолновик и крепко пожал руки Ане, Вовке и мне.

Мы от удивления проглотили языки.

— А что? — сказал он. — Меня тоже зовут Колей. Прошу в рубку.

Рубкой оказалась большая кладовка. Главное место на столе занимал большой металлический зелёный ящик со множеством блестящих тумблеров и чёрных ручек. На полках лежали радиолампы, сопротивления, конденсаторы и другие интересные штучки. Стены пестрели яркими открытками. На открытках росли пальмы и плыли корабли, сияли белыми вершинами горы и тянулись к облакам небоскрёбы. Дядя Коля объяснил, что это кюэсэль-карточки, которыми обмениваются после каждого разговора радиолюбители всех стран.

Он сел к столу, надел наушники и стал щёлкать тумблерами и крутить ручки. В железном ящике негромко треща-

ло, свистело и пищало. Сладко пахло разогретым лаком и парафином.

Вдруг дядя Коля поднял указательный палец. Мы открыли рты, чтобы не дышать носами. Дядя Коля слушал и стучал, слушал и стучал снова. Он стучал так быстро, что я не разобрал ни одного слова.

— Полный порядочек, — сказал он наконец и сдвинул на виски наушники. — Билл разыскал парнишку, которому тоже хочется завязать с вами связь. Ему двенадцать лет, он учится в школе и зовут его Энди. Довольны?

Мы были очень довольны, но ничего не понимали. Какой Энди?

— Из Страны Великих Озёр, — пояснил дядя Коля, — из города Чикаго, который, как известно, расположен на берегу озера Мичиган.

— И вы с ним сейчас разговаривали?

— Нет, пока с Биллом. Билл тоже живёт в Чикаго. Энди придёт к нему на следующую связь. Вы хорошенько подумайте, о чём хотите его спросить и что думаете ему рассказать.

Мы летели домой, как на крыльях. Мы будем разговаривать с мальчиком Энди из города Чикаго!

Я ворвался в квартиру, как раскалённый метеор. Я крутанул глобус. Чикаго! Это не по трубе к Вовке стучать. Это прямо через весь земной шар, на другую его сторону.

Я посмотрел на пол. Под нами два этажа. А потом земля. И где-то там, может быть, прямо подо мной, Чикаго. В Чикаго тоже стоят дома. Они стоят под нами вверх тормашками. В одном из них живёт Энди. До его дома сквозь землю, наверное, такое расстояние, как всё равно миллиард этажей. И хоть бы что. Здесь стучишь, а там слышно. Совсем как по трубе к Вовке.

ВОЛШЕБНАЯ ГАЙКА

Мягких полов в школе не бывает. Ни в классах, ни в коридоре. Филя Боков знал это лучше других. Во-первых, в Филином классе учился второгодник Гера Дубровцев. Во-вторых, на жёсткий пол удобнее падать человеку с мягким характером, чем с твёрдым.

Филя обладал характером до удивления мягким. Мягче, чем перина. По определению Филиного папы, у него вообще был не характер, а простокваша.

Поэтому, когда Гера Дубровцев выставил ногу, Филя, как всегда, не заметил её. Филя споткнулся и неуклюже шлёпнулся в проходе между партами.

Захихикали девчонки. Филин портфель отлетел к Викиной парте. Вика насмешливо сузила глаза и прикрыла ладошкой рот.

— Ну, чума в маринаде! — закричал Гера Дубровцев и схватился за ботинок. — Самый любимый палец отдавил!

Филя дотянулся до портфеля, поднялся и робко шмыгнул носом. Холодная простокваша растеклась по Филиному животу, добежала до коленок и опустилась в пятки.

— Ничего я тебе не отдавил, — буркнул Филя. — Я даже не наступил тебе.

Жирный Боря Чинин, по прозвищу Бобчинский, радостно гоготал. У него тряслись щёки и три подбородка.

— Не отдавил? — крикнул Дуб. — Ещё как отдавил! Даже косточка хрустнула. Извиняйся давай, а не то после уроков всыплю.

— Га, га, га! — тряс подбородками Бобчинский.

— Почему это всыплешь? — несмело поинтересовался Филя. — Ты мне нарочно ножку подставил.

— По шее всыплю, вот по чему, — объяснил Дуб. — Проси прощения.

Вика снова прикрылась ладошкой.

Филя прошептал:

— Не буду я просить. Это нечестно.

Он сел на своё место, рядом с Лёвой Селютиным, и положил в парту портфель. Длинный Лёва Селютин обходил Геру Дубровцева за километр.

— Ты Марии Никифоровне скажи, — зашептал Лева, прижавшись щекой к парте. — Скажи. Чего он?

Кляузничать Филя не любил. Он даже маме ни разу не пожаловался на Геру, который всё время ставит подножки, толкается, без всякого отбирает марки, бодается головой в живот и ещё после уроков поджидает в школьном дворе. Пожалуйся на него, а потом ещё хуже будет. Дуб тогда совсем проходу не даст.

Правда, от мамы с папой всё равно не утаишься. Все беды написаны у Фили на лице. Это с пальто можно отряхнуть снег. А с лица синяки не отряхнёшь.

— Опять, что ли, контузия? — спрашивает вечером папа.

— Споткнулся просто, — бурчит Филя.

— Эх и недотёпа же ты, Филимон, — сокрушается отец.

Он ещё говорит, что Филе лучше всего лежать на печке. Потому что если человек думает, что он слабее и глупее всех, то в конце концов он действительно станет самым слабым и самым глупым.

— Простокваша, — машет рукой папа.

Филя и сам знает, что простокваша. А что делать, чтобы была не простокваша? Характер ведь не пиджак, который, если он не понравился, можно переодеть или вообще другой купить. Характер какой достался, такой и носи, его в шкаф не спрячешь. Даже вообще не известно, где он находится, этот характер, — то ли в голове, то ли в животе, то ли в коленках.

— Наступать нужно, — твердит папа, — атаковать. Победить можно только в атаке.

— Чему ты учишь ребёнка? — возмущается мама. — Не слушай его, Филя. Умный всегда отойдёт в сторонку и не станет связываться с хулиганами.

Маме легко так говорить. А если отходить некуда? Кулаки у Геры потвёрже, чем школьный пол. Да тут ещё Вика прикрывается ладошкой.

Филя посмотрел на Викин затылок и вздохнул.

— Будешь извиняться или нет? — крикнул Гера.

Филя не ответил. Он никогда не извинялся перед Герой. Может, поэтому Гера и не любил его. В Филе закипала боевая злость. Наступать! Победить можно только в атаке. Он сегодня покажет Гере, где зимуют настоящие раки. Сегодня он расплатится с Герой за каждую подножку и за каждую марку. Хватит!

Заманчивые картины победы над Дубом мелькали перед Филиными глазами все четыре урока. Главное, не обороняться. Раз! И Гера воткнулся головой в сугроб! Два! И его ноги болтаются в воздухе. Три! И у Геры под глазом отличный фонарь.

Гера будет сидеть на снегу и реветь. По его щекам покатятся крупные слёзы. Гера станет размазывать их и хныкать: «Филя, миленький, я больше не буду. Прости меня, пожалуйста, Филя».

А Филя посмотрит на Герин фонарь под глазом и скажет: «Так и быть, прощаю. Но мне за тебя стыдно. Ты худой человек, Гера Дубровцев. Ты нечестный человек. Ты всё делаешь исподтишка. Так нехорошо, Гера, делать».

Он ещё много чего ему скажет. А Вика будет стоять на школьном крыльце и улыбаться.

Вика не стояла на школьном крыльце. После уроков она убежала на занятия драмкружка, в котором репетирует роль королевы. В остальном поединок в школьном дворе протекал почти так, как предвидел Филя.

Почти.

Только наоборот.

Раз — и Филя воткнулся головой в сугроб. Два — и Филины ноги болтаются в воздухе. Три — и под Филиным глазом неплохой синяк. Филя так и не успел перейти в атаку. Уж больно ловко Гера орудовал кулаками. А жирный Бобчинский противно гоготал. Он гоготал так, что даже когда

они с Дубом ушли, его «га, га, га» неотвязно гудело в ушах и весь день не могло затихнуть.

Вечером папа спросил:

— Что, опять стукнулся?

— Не, — буркнул Филя, — с трамплина упал.

— Интересным образом ты падаешь с трамплина, — покосился папа на Филин синяк под глазом.

Филя прикрыл глаз мокрым полотенцем и ничего не ответил. Что тут скажешь?

Папа его пожалел.

— В шашки сгоняем? — спросил он.

Филе не хотелось в шашки. Не то настроение. Но он всё же сел.

Папина рука бодро щёлкала по клеткам. Филя двигался на одну клеточку. С каждым ходом на его поле становилось всё просторней. Папины шашки проскакивали в дамки и косили по диагонали. Филя сопротивлялся изо всех сил, но неизменно проигрывал.

— Ну, Филимон! — возмущался папа. — Весь ты тут. Ведь умеешь играть, а не хочешь.

— Как «не хочешь»? — дулся Филя. — Я хочу.

— Ничего ты не хочешь. Играют для того, чтобы выиграть. А ты с первого хода обороняешься. Наступать нужно!

Филя пробовал наступать. Но у него ничего не получалось. Ведь папа наступал тоже, и поэтому сразу приходилось переходить в защиту.

— Да нет же! — шумел папа. — Ты с первого хода готовишься к поражению. Так нельзя. Ты должен думать, что обязательно выиграешь.

Филя старался думать и опять проигрывал.

Папа устало откинулся на спинку стула.

— Ну что с тобой делать? Весь в мать.

Он потёр подбородок и сказал:

— Ладно, так и быть, подарю тебе одну вещь. Очень ценную. Она мне от деда досталась. Береги пуще глаза.

— Не, не нужно, — испугался Филя, которому вовсе не требовался ценный подарок.

Что папе мог оставить дед? Не велосипед ведь и не фотоаппарат. А другие вещи Филе не нужны, тем более ценные. Что с ними делать? Даже показать никому нельзя. Мальчишки в два счёта отберут.

— Ну и недотёпа же ты, — вздохнул папа и вышел из комнаты.

Через минуту он вернулся и положил на стол обыкновенную гайку, величиной с шашку.

— Получай, — сказал папа.

Внутри к резьбе гайки прилипли соринки. Гайка матово поблёскивала тёмным металлом. Таких гаек в автопарке, где работал папа, можно было отыскать сколько хочешь.

Филя недоумённо поднял глаза и спросил:

— Чего это?

— Гайка, — сказал папа. — Но не простая, а волшебная.

— Волшебная, — хмыкнул Филя. — Ищи дураков. Волшебных гаек не бывает.

— Иногда бывают.

— В сказках только.

— И в жизни.

— Ты думаешь, я маленький? — обиделся Филя.

— Нет, — серьёзно сказал папа, — не думаю. Но если ты положишь эту гайку в карман и загадаешь любое желание, то оно непременно исполнится.

Филя ещё раз хмыкнул и сунул гайку в карман. «Пусть погаснет свет», — загадал Филя. Он посмотрел на люстру с тремя стеклянными кульками. Свет даже не мигнул. Горел себе и горел.

— Волшебная называется, — выпятил губу Филя и положил гайку обратно. — Никакая она не волшебная.

— Погоди, — сказал папа. — Я тебе не всё объяснил. Загадывать можно только то, что зависит от тебя. Вот в шашки, например. Загадай, что ты у меня выиграешь, и гайка тебе поможет.

— Так у тебя и выиграешь, — оттопырил губу Филя.

— Попробуем?

— Давай, — сказал Филя. — Мне что.

Он разгромил папу так стремительно, что даже сам не понял, как это случилось.

— Видал-миндал, — сказал папа.

— А ты не нарочно? — захлопал глазами Филя.

— Нарочно! — возмутился папа. — Ещё?

— Давай.

Папа вошёл в азарт. Он злился, наступал и... проигрывал. Он просадил подряд пять партий. Филя господствовал

над доской и кучами заглатывал вражеские шашки. Филя торжествовал. У него горели глаза и уши.

Папа поднял руки.

— С гайкой больше не буду. Неинтересно. А без гайки давай.

Партию без гайки Филя продул.

С гайкой снова выиграл.

И ещё раз.

Чудеса!

— Что, она и вправду волшебная? — прицепился Филя.

— Не потеряй смотри, — ответил папа.

После ужина Филя отпросился на улицу. Всего на десять минуток. Он дрожал от нетерпения. Утрамбованная лыжами гора круто уходила в темноту. Там трамплин. Редкий мальчишка не летал с него кувырком. За всю зиму Филя всего два раза приземлился удачно. А так больше носом.

Гайка лежала в кармане брюк. Филя ощущал её приятную тяжесть. Он разбежался и присел. В ушах запел ветер. Трамплин резко подбросил в темень и понёс. Филю валило на спину и вбок. Он с трудом сбалансировал руками. Он ударился одной лыжей. Вторая летела по воздуху. Ещё секунда — и он пропахал бы остаток горы носом. Но он не пропахал. Он заставил себя встать на вторую лыжу и скатился вниз... И это в темноте! В полной темноте, когда и без трамплина можно запросто свернуть шею.

Вот это гайка! Дед знал, что оставить отцу. Это получше любого велосипеда.

Берегись теперь, Дуб! Теперь ты узнаешь, где зимуют настоящие раки!

Бедный Гера Дубровцев. Если бы он догадался, что у Фили появилась волшебная гайка, он повёл бы себя на уроке истории иначе. Но он не догадался про волшебную гайку. Он пролез под партой и привязал к шнурку от Филиного ботинка бечёвку. Конец бечёвки он привязал к парте. По его коварному замыслу Филе вновь предстояло испробовать прочность пола в классе.

Мария Никифоровна обвела взглядом учеников и заглянула в журнал.

— О восстании Спартака, — проговорила она, — нам расскажет, нам расскажет... Боков. Прошу к карте, Боков.

Про Спартака Филя знал отлично. Он поднялся и смело

шагнул к карте. Его спас шнурок. Шнурок развязался. Только поэтому Филя не грохнулся посреди класса.

— Что ты там танцуешь на одной ноге, Боков? — спросила Мария Никифоровна.

— Я не танцую, — сказал Филя. — У меня шнурок...

Он нагнулся, отвязал бечёвку и с благодарностью пощупал в кармане гайку.

— Сначала Спартак был рабом,— громко начал Филя,— и ещё гладиатором. Гладиаторы дрались в цирке мечами. А богатые римляне на них смотрели. Они убивали друг друга.

— Кто убивал друг друга, богатые римляне?

— Зачем? — сказал Филя. — Гладиаторы.

— Так. Дальше.

— Ну вот. Потом Спартаку надоело быть рабом и он восстал. Он убежал и собрал целую армию рабов. К нему бежали рабы со всей Италии.

Уже давно Филя не отвечал с таким вдохновением. Но вдруг, когда он произнёс: «Это случилось осенью семьдесят третьего года до нашей эры», — Филя увидел Геру. Дуб тыкал пальцем в лежащую перед ним книгу, страшно вращал глазами и мотал головой. Филя проглотил последнее слово и вытянул шею. Казалось, что Филя хочет через пять парт заглянуть в Герин учебник.

— Тф... пф... х... х, — шептал Гера, лопаточкой приложив ко рту руку.

— Я спутал,—торопливо поправился Филя.— Не осенью. Это весной случилось.

Но Герина голова заболталась так, словно его кто-то тряс за шиворот.

— Нет, не весной, — испугался Филя.— Она в тридцать седьмом году была.

— В чём дело, Боков? — спросила Мария Никифоровна. — Кто «она»?

— Эта... как её...

Филя почувствовал, что тонет. Холодная простокваша растекалась по животу, добежала до коленок и спустилась в пятки.

— Дубровцев, — произнесла учительница, — сейчас я попрошу тебя выйти из класса.

И тут Филя вспомнил, что у него есть спасательный круг. Филя сунул руку в карман.

— Так когда же, Боков, было восстание Спартака?

— В семьдесят третьем году до нашей эры, — решительно отчеканил Филя.

— Так. Это другое дело. Дальше.

Филя быстро достиг прежнего разгона и вдруг услышал:

— Боков, вынь из кармана руку.

Он вынул. Это ему не помешало. Взмахивая кулаком с зажатой в нём гайкой, Филя пел гимн отважному Спартаку.

— Что у тебя в кулаке, Боков? — спросила Мария Никифоровна.

Филя вздрогнул и разжал потный кулак.

— Положи сюда, — сказала учительница.

Гимн Спартаку оборвался на полуслове. Гайка лежала на краю стола. Филя тоскливо смотрел на неё и молчал. Из головы вылетело всё до основания.

И всё же он получил четвёрку. Если бы Мария Никифоровна заинтересовалась содержанием Филиного кулака чуть позднее, он, без сомнения, наговорил бы на пятёрку.

Но четвёрка тоже неплохо. Плохое случилось после звонка.

Едва учительница вышла из класса, Гера ринулся к столу и первым схватил гайку.

Филя обомлел.

— Отдай, — сказал он.

— Ха! — крикнул Гера.

— Отдай, пожалуйста, — пробормотал Филя. — Это нечестно. Гайка моя.

— После уроков получишь, — пообещал Дуб под наглый хохот Бобчинского.

Вышел заколдованный круг. Чтобы вернуть гайку, нужно было «стыкнуться» с Дубом и «вложить» ему. А чтобы ему «вложить», нужно было иметь гайку.

Филя не имел гайки. Гайку и здоровые кулаки имел Гера. Поэтому после уроков он снова тузил Филю и спрашивал:

— Ещё хочешь гайку?

— Хочу, — бормотал Филя, еле сдерживая слёзы. — Она моя.

Дуб работал кулаками, как автомат. У Бобчинского радостно тряслись подбородки.

— Га, га, га! — заливался Бобчинский.

Филя ударился в твёрдый сугроб плечом и скатился вниз. Он скатился прямо под Герины ноги. Получилось это просто так, без всякого умысла. Но Дуб потерял равновесие и кувырнулся через Филю.

И в этот момент у самого своего носа Филя увидел на снегу гайку. Филя зажал её в кулаке и вскочил.

Гера вскочил тоже.

— Ах, так? — закричал Гера.

— Так, — сказал Филя и, зажмурившись, ткнул кулаком вперёд.

Кулак попал в цель. Гера икнул и шлёпнулся на спину.

— Ну, чума в маринаде! — заорал он.

Он рассвирепел не на шутку. Он не ожидал такого подвоха. Он с яростью бросился на Филю. И снова наскочил на кулак. На этот раз глазом. Кулак оказался твёрдым. В нём была гайка. Дуб отлетел на целых два метра.

— Гы, — растерянно сказал Бобчинский. — Гы, гы.

Больше Филя не жмурился. Он бил твёрдо и точно. Оказалось, что Дуб валится с ног совсем не хуже, чем раньше валился Филя. Дуб валился, сопел и вставал.

Но после очередного крепкого удара в ухо он не встал. Он ползал на коленках и искал свою шапку.

— Ещё? — переводя дух, спросил Филя.

От головы Дуба валил пар. Дуб не ответил. Дуб залез в карман и молча швырнул к Филиным ногам... гайку.

Филя вытаращил глаза.

— Чего это? — спросил он.

— Гы, — сказал Бобчинский. — Гайка.

Дуб напялил на дымящуюся голову шапку и удалился. От ворот он помахал кулаком. Под глазом у него горел фонарь.

В Филиной ладони дрожала гайка. Вторая лежала у ног. Точно такая же.

— На, — сказал Бобчинский и, услужливо присев, подал Филе гайку. — Как ты ему здорово... Гы. Будет знать наших.

Дома Филя внимательно изучил обе гайки. Они походили друг на дружку, как сестрички-двойняшки.

Когда вернулся с работы папа, Филя достал шашки и спросил.

— Сыграем?

— Только если без гайки.

— Ну, папочка! Ну, пожалуйста.

Папа согласился.

Одна гайка лежала у Фили в правом кармане, другая в левом. Филя одержал победу.

— Силён, — качнул головой папа и стал расставлять шашки.

— Погоди, — сказал Филя, — я сейчас.

— Приспичило? — спросил папа.

Но Филе вовсе не приспичило. Он закрылся в уборной и спрятал одну из гаек на полку.

Выиграв, он снова сказал:

— Погоди, я сейчас.

— Да ты что? — удивился папа.

Филя сбегал в уборную и обменял гайку. Со второй он выиграл тоже.

— Силён, — сказал папа.

Но Филя уже всё понял.

— Да?! — закричал он. — Ты меня обманул. Ты обманщик! Ты нарочно поддавался! Она никакая не волшебная совсем.

Папа не стал спорить. Он признался, что действительно поддавался.

— Так зачем же ты? — со слезами в голосе спросил Филя.

— А ты уж и шуток не понимаешь, — развёл руками папа. — Зато ты теперь поверил, что можешь побеждать. Нужно только один раз победить, а там пойдёт.

— «Пойдёт», — передразнил Филя.

— А что, — подмигнул папа, — может, сыграем... без гайки?

Снова расставили шашки. Филя изо всех сил жал по флангам и чуть не выиграл.

— Видал-миндал, — сказал папа. — Это игра уже пахнет мужчиной.

На следующий день Филя вошёл в класс и с независимым видом направился к своей парте. Он даже не взглянул на Герин синяк. Он смотрел совсем в другую сторону. И всё же он заметил, как Дуб неожиданно выбросил в проход ногу. Филя перешагнул через неё и стукнул Геру по шее. Это видел весь класс. И весь класс замер.

— Ты чего? — вскочил Дуб.

— Чума в маринаде, — сказал Филя, — вот чего. Если не понравилось, можешь подождать меня после уроков.

Он неторопливо сел рядом с длинным Лёвой Селютиным, который испуганно и непонимающе таращил глаза. А Филя теперь точно знал, где у человека расположен характер. И ещё он знал, что главное — не давать характеру удирать в коленки и тем более — в пятки.

Впереди громко фыркнула в ладошку Вика. Но Филе понравилось, как она фыркнула. Её чёрные глаза насмешливо косили в сторону Геры Дубровцева.

— Гы-гы, гы! — радовался жирный Бобчинский.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧУТЬ-ЧУТЬ СЧИТАЕТСЯ

Повесть

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧУТЬ-ЧУТЬ СЧИТАЕТСЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПОЭТОМ МОЖЕШЬ ТЫ НЕ БЫТЬ

РАССКАЗЫ

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Курбатов Константин Иванович

ЧУТЬ-ЧУТЬ СЧИТАЕТСЯ

Ответственный редактор Н. Л. Страшкова.
Художественный редактор Б. Г. Смирнов.
Технический редактор Т. С. Тихомирова.
Корректоры
К. Д. Немковская и Л. Л. Бубнова.

Сдано в набор 16/V 1975 г. Подписано к печати 29/X 1975 г. Формат 70×100[1]/16. Бумага типографская № 2. Печ. л. 12. Усл. печ. л. 15,6. Уч.-изд. л. 11,56. Тираж 150 000 экз. Заказ № 70. Цена 54 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Курбатов К. И.

К 93 Чуть-чуть считается. Повесть и рассказы. Рис. В. Шевченко. Л., «Дет. лит.», 1975.

191 с. с ил.

Повесть о ребятах, которые поняли, что пионер не может совершать поступков, противоречащих морали советского гражданина даже чуть-чуть.

Р2 мл

54 коп.

К. КУРБАТОВ ▪ ЧУТЬ-ЧУТЬ СЧИТАЕТСЯ